

ISSN 2616-8162

**Вестник
Донецкого
национального
университета**

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Д
**Филология
и психология**

1/2019

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.

Серия Д: Филология и психология»

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**

Члены редколлегии: д-р наук по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, канд. психол. наук, доц. **Т.А. Вилюзжанина**, канд. психол. наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет, Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **Т.Б. Ильина**, канд. психол. наук, доц. **А.А. Кацоро**, д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиущенко**, д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблёв**, д-р филол. наук, проф. **О.А. Кравченко**, д-р филол. наук, проф. **С.Е. Кремзикова**, д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **А.В. Петров** (Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **Л.А. Петрова** (Крымский инженерно-педагогический университет, Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **С.В. Руденко**, д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет, Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **Н.В. Устинова**, д-р филол. наук, проф. **В.В. Федоров**, д-р филол. наук, проф. **А.Л. Факторович** (Кубанский государственный университет, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**, канд. психол. наук, доц. **И.А. Ярмыш**.

**Editorial Board of journal “Bulletin of Donetsk National University
Series D: Philology and Psychology”**

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**

Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **T.A. Vilyuzhanina**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhanyan** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **T.B. Pyina**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.A. Katsero**, Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliuščenko**, Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablyov**, Doctor of Philology, Prof. **O.A. Kravchenko**, Doctor of Philology, Prof. **S.Ye. Kremzikova**, Doctor of Philology, Prof. **A.V. Petrov** (Taurida Academy of Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **L.A. Petrova** (Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.V. Rudenko**, Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **N.V. Ustinova**, Doctor of Philology, Prof. **A.L. Faktorovich** (Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Fyodorov**, Doctor of Philology, Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **I.A. Yarmysh**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, 83001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33.

E-mail: terkulov@rambler.ru, s.vildgrube@mail.ru, korobova.lat@gmail.com.

URL: <http://donnu.ru/vestnikD>.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук (Приказ МОН ДНР № 576 от 04.05.2019 г.) по следующим группам научных специальностей: 10.00.00 – филологические науки; 19.00.00 – психологические науки. Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 264-06/2018).

Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Протокол № 6 от 02.07.2019 г.

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2019

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Д. Филология и
психология

№ 1/2019

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

- Борисова Л. П.* Клавдия Васильевна Першина: человек на фоне профессии 4
- Емельяненко А. В.* Комикс как объект исследования в работах отечественных ученых 12
- Миннуллин О. Р.* О смысле и ценности поэзии в толковании А. В. Домашенко 21
- Мозговой В. И.* Посёлки Донецка как объект номинативной истории 37
- Наливайко Ю. Ю.* Журналистский текст публицистического дискурса: поиск универсальной модели построения 46
- Осипова А. Н.* Основные подходы к изучению экологии языка в Донбассе 50
- Першина К. В.* Личные имена в фольклоре Донбасса 55
- Фатьянова И. В.* Социальная метафора в структуре образного компонента концепта WAR 61
- Ярошенко Н. А.* Сложные номинации лица в структуре фильмонимов: состав и основные модели (на материале названий русскоязычных фильмов и сериалов 1992–2019 годов) 69
- Лялюк А. А.* Типология аббревиационных конструкторов сложносокращенных слов (на материале наименований строений) 80
- Карпий С. В.* Специфика прямого включения как гибридного жанра тележурналистики 85

Психология

- Руденко С. В.* Особенности временной перспективы студенческой молодежи в контексте социальной идентичности 89
- Яновская Л. В.* Способность к трансценденции в аспекте жизнотворчества 96
- Голышева Н. В.* Эмпатия и сострадание: психосемантическая реконструкция понятий 105
- Михальчи Е. В., Михальчи Е. Е.* Применение библиотерапевтического подхода при формировании жизнотойкости у лиц с ОВЗ и инвалидностью 112
- Правила для авторов 120

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

**Series D: Philology and
Psychology**

№ 1/2019

CONTENTS

Philology

<i>Borisova L.P.</i> Klavdia Vasiliyevna Pershyna: a person on the background of the profession	4
<i>Yemelyanenko A.V.</i> The comic strip as an object of linguistic research of Russian scientists	12
<i>Minnullin O.R.</i> About the meaning and feck of poetry in interpretation by A.V. Domashchenko	21
<i>Mozgovoi V.I.</i> Towns like object nominative history of Donetsk	37
<i>Nalyvaiko Iu.Iu.</i> Journalistic text of publicistic discourse: the search for a universal model of construction	46
<i>Osipova A.N.</i> Main approaches to studying ecology of language in Donbas	50
<i>Pershina K.V.</i> Personal names in folklore of Donbass	55
<i>Fatyanova I.V.</i> Social metaphor in structure of figurative constituent of concept WAR	61
<i>Yaroshenko N.A.</i> The compound nominations of person in the structure of filmonyms: composition and main models (on the material of Russian films and serials titles of 1992–2019 years)	69
<i>Lyaluk A.A.</i> Typology of abbreviated constructs of concise words (on the material of the names of buildings)	80
<i>Karpy S.V.</i> Specificity of direct inclusion as a hybrid general of TV journalism	85

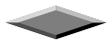
Psychology

<i>Rudenko S.V.</i> Peculiarities of temporal perspective of student youth in the context of social identity	89
<i>Yanovskaya L. V.</i> Ability to transcendence in the aspect of life-creativity	96
<i>Golysheva N.V.</i> Empathy and compassion: a psychosemantic reconstruction concepts	105
<i>Mikhailchi E.V., Mikhailchi E.E.</i> Application of the library approach in the formation of viability in persons with disability	112
Guidelines for authors	120

*К 70-летию кандидата филологических наук,
доцента кафедры общего языкознания и
истории языка им. Е.С. Отина
Клавдии Васильевны Першиной*

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.16

КЛАВДИЯ ВАСИЛЬЕВНА ПЕРШИНА: ЧЕЛОВЕК НА ФОНЕ ПРОФЕССИИ

© 2019. Л.П. Борисова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье обозначены страницы жизни и творческой деятельности доцента кафедры общего языкознания и истории языка имени Е.С. Отина, одного из самых известных представителей Донецкой ономастической школы – Клавдии Васильевны Першиной. Материал подготовлен в связи с 70-летием замечательного преподавателя, педагога и Человека, открывшего свою страницу в истории филологического факультета Донецкого национального университета.

Ключевые слова: Клавдия Васильевна Першина, история филологического факультета Донецкого национального университета, страницы жизни учёного и преподавателя.

Говорить хорошие и правильные слова в день юбилея любого человека давно стало доброй традицией, и замечательно то, что мы эту традицию соблюдаем. Но юбилейные фанфары в честь Клавдии Васильевны Першиной в морозные январские дни 2019 года уже прозвучали, и после официальных мероприятий говорить о своей коллеге можно не торопясь, медленно пропуская через свою душу и сердце каждое искренне сказанное в её адрес слово, проживая при этом часть своей собственной жизни. Ведь с К.В. Першиной меня связывают долгие годы совместного счастливого сосуществования в филологическом пространстве, которое соединило нас и с Донецким университетом, и с родным факультетом, и с нашей кафедрой, носящей имя нашего общего с Клавдией Васильевной Учителя и старшего Друга. Какими словами можно сегодня обозначить эти отношения? Почему-то в памяти всплывают слова Дмитрия Донского, который очень точно охарактеризовал своё окружение следующим образом: «*Старци – яко отци, средовечь – яко братья, младии – яко чада*». Выбирая из предложенного самое подходящее для данного момента, скажу, что К.В. Першина всегда была для меня как «средовечь», как товарищ и сестра в православном понимании последнего слова. Когда я стала студенткой первого курса филологического факультета, Клава Першина уже училась на втором курсе. Тогда мы еще не были близко знакомы, но сидели в одних и тех же аудиториях пятого учебного корпуса, учились у одних и тех же преподавателей и имели отношение к единому кругу студенческого бытия. Мы дышали одним воздухом «хрущёвской оттепели» и радовались общению с замечательными наставниками, настоящими филологами-профессионалами, нашими первыми учителями — Г.И. Рихтером, Е.Е. Сокрутенко, В.К. Журавлёвым, Г.П. Цыганенко, Н.В. Максимовой, А.И. Плотниковой, К.М. Пахаревой, А.Т. Васильковским, М.В. Иониной, Л.Н. Саркисовой, еще совсем молодыми М.М. Гиршманом и Е.С. Отиным. Каждый из них оставил заметный след в нашей жизни. В 1972 году (по стечению разных обстоятельств) я и Клавдия Васильевна начали одновременно работать в учебно-вспомогательном составе филологического факультета: К.В. Першина некоторое время выполняла обязанности методиста деканата

дневного отделения, а я начала свою трудовую деятельность в должности старшего лаборанта кафедры общего и исторического языкознания. До этого, по окончании университета с «красным» дипломом, Клавдия Васильевна уже поработала учителем русского языка и литературы в СШРМ № 4 г. Свердловска Луганской области (1971–1972 гг.). Для неё это были трудные два года, поскольку учениками юной учительницы были малолетние преступники, а сама школа находилась в закрытой зоне, где молодые люди отбывали наказание за уголовные преступления разной степени тяжести. Без лишних комментариев понятно, что когда К.В. Першину пригласили работать в *alma mater*, она с радостью согласилась, поскольку её научные связи с научным руководителем Е.С. Отиным не прерывались, желание заниматься любимой научной темой не угасло, и для неё, конечно, была открыта прямая дорога в аспирантуру.

На филологическом факультете наши жизненные дороги с Клавдией Васильевной пересеклись, и сегодня этому дружескому общению почти пятьдесят лет. Правильно заметил В.М. Калинин в своем обращении к ней в дни юбилея: «Полвека для Вечности вовсе не срок. Для человека — отрезок немалый» [2, с. 8]. Рискну использовать эти слова в качестве эпитафии к рассказу о замечательном Человеке, которого хорошо знаю, уважаю и люблю на протяжении немалого отрезка времени.

Клавдия Васильевна Першина родилась 20 января 1949 года в селе Михайловка Павловского района Воронежской области. Она была первым ребёнком в многодетной семье. Её родители — Першин Василий Николаевич и Першина (Терещенко) Феодосия Архиповна воспитали шестерых детей. Можно представить те трудности, которые испытывали в первые послевоенные годы эти замечательные люди. Представители старшего поколения сегодня прекрасно помнят, как тяжело в то время жилось семьям с одним-двумя детишками, а тут шестеро, и каждого надо накормить-напоить, одеть-обуть, выучить и вылечить в практически разрушенной после Великой Отечественной войны стране. Но всех своих детей родители Клавдии Васильевны поставили на ноги, все выросли достойными людьми, людьми особой трудовой закалки, прочных убеждений и твёрдой гражданской позиции. Маленькой Клаве было труднее всего, потому что на старших в таких семьях всегда лежит особая ответственность за младших детей. Мне кажется, что все лучшие черты её характера сформировались именно в то время: исключительное трудолюбие, чувство ответственности за всё, к чему она прикасается, сила воли и твёрдость характера, стойкость в трудных жизненных ситуациях и умение преодолевать любые жизненные преграды. Когда выпускники филологического факультета вспоминают Клавдию Васильевну, первое, что говорят о ней, — строгая, а потом добавляют: прекрасный преподаватель, требовательный и справедливый руководитель дипломных работ, честный и порядочный человек, патриот своего факультета и кафедры и т. д. Но к этому я бы добавила то, что не на виду, что намеренно скрывается за строгим выражением лица и строгой манерой общения преподавателя со студентами, — это удивительная доброта, душевная чистота и бесконечная любовь к тем, кто рядом и кто нуждается в её непосредственной поддержке. Она так много в этой жизни испытала сама, что чувства сострадания и сопереживания всегда живут в ней, но никогда не вырываются наружу, сохраняясь лишь в тёплом взгляде, редкой улыбке или в немногословной фразе.

Во второй половине пятидесятых годов прошедшего века семья Першиных переезжает в Донбасс и здесь приобретает своё скромное жильё и небольшое хозяйство, требующее каждодневного труда и заботы. Клава во всем помогает матери, следит за малышами, справляется с домашней работой. Я вспоминаю, как часто, уже имея собственную квартиру в центре города, Клавдия Васильевна пешком совершала

путь к родному дому, который и сейчас сохранился в Красногвардейском районе города Макеевка. Путь был нелёгким и в определенной степени опасным: через посёлок Гладковка, по заросшей травой балке и заброшенной безлюдной посадке спешила она к родному очагу, чтобы помочь по хозяйству уже престарелым родителям. Пару лет назад я неожиданно встретила её, все так же пешком идущую в том же направлении, но на этот раз рядом с ней были взрослый сын и маленькая внучка. Родителей к тому времени уже не было, но в родительском доме продолжали жить (и живут сейчас) наследники замечательного рода Першиных, кровная связь которых не прерывалась никогда.

В 1956 году Клава Першина стала первоклассницей, а когда закончила СШ № 14 в своем родном городе, в 1966 году поступила в Донецкий государственный университет на специальность «Русский язык и литература». Как говорит сама Клавдия Васильевна, гуманитарное направление образования привлекало её больше всего. На филологическом факультете тех лет студенческая жизнь была ключом, но самым приоритетным среди прочего для молодежи всё-таки была учеба и желание насытить себя филологическими знаниями в полном объеме. Факультет в это время переживал время расцвета студенческой науки. Благодаря энтузиазму многих преподавателей возникали студенческие научные общества и на каждой кафедре создавались небольшие научные кружки, которые вводили заинтересованных студентов в удивительный мир науки о слове. В это время судьба свела Клаву Першину с Евгением Степановичем Отиным, который увлечённо и настойчиво разрабатывал новое направление лингвистической науки — ономастику и уже защитил кандидатскую диссертацию по историческому синтаксису и готовился к защите докторской диссертации по гидронимии Юго-Восточной Украины. Эта защита принесёт ему огромный успех и восторженные отклики известных учёных [3]. Юная студентка увлечённо занялась разработкой своей собственной темы в области ономастики, прочно связанной с её малой и большой Родиной — Донбассом. Об этом вспоминает В.М. Калинин, который пишет о том, что К.В. Першина как одна из первых учениц Ономастической школы Е.С. Отина никогда не оставалась в стороне от замыслов своего Учителя, от множества его научных проектов, и в результате сама стала ведущим специалистом в области ойконимии Донбасса. «В первом выпуске «Востокукраинского лингвистического сборника», с которого так или иначе начинается оформление уже сложившейся исследовательской группы в ономастическую школу, — пишет профессор В.М. Калинин, — одна из первых учениц Е.С. Отина поделилась лингвокраеведческими наблюдениями, опубликовав «полновесную» статью «Из истории ойконимии Донбасса». Нужно сказать, что к этому времени у неё уже было несколько выступлений на конференциях, касающихся именно ойконимии Донбасса. Причем работать с этим материалом исследовательница начала ещё студенткой в составе организованной Е.С. Отиным на филологическом факультете группы исследователей-ономастов» [2, с. 8–9]. Следует отметить, что первая публикация еще студентки К. Першиной по теме «Словообразовательные типы топонимов Донбасса» появилась в 1969 году. Это были материалы межвузовской республиканской конференции, на которой она выступила с сообщением. Сегодня её «послужной список» включает 115 позиций. Это научные статьи разнообразной тематики, а также учебно-методические пособия и разработки, подготовке которых доцент К.В. Першина всегда уделяла особое внимание. Только в течение 2018 года она опубликовала девять научных статей и одно учебно-методическое пособие по спецкурсу «Основы ономастики». Мы видим, как широка география этих публикаций.

Кроме Донецка, в их перечне названия таких российских городов, как Смоленск, Симферополь, Волгоград, с вузами которых наша кафедра всегда поддерживала творческую связь. Не прерывается эта связь и в военное время. С января 2015 года, после ухода из жизни нашего Учителя и руководителя, коллектив кафедры продолжал и продолжает трудиться с единственным желанием сохранить память о нём, не позволить утратить те традиции, которые связаны с его научной, учебной и педагогической деятельностью. Трудно спорить с тем, что утрата профессора Е.С. Отина для всех нас невосполнима, но уже без него сделано многое: подготовлены и успешно проведены четыре Международные научные конференции «Актуальные проблемы изучения славянских языков», посвященные его имени (по материалам конференций опубликованы научные сборники). Несмотря на трудности военного времени, вопреки всему постоянно проводятся Международные ономастические чтения — любимое детище Евгения Степановича (с 2015 года конференция носит имя Е.С. Отина в память об основателе Донецкой ономастической школы, выдающемся лингвисте и ономасте), а также Михайловские чтения по ономастике, собирающие большое количество специалистов, многие из которых вышли из Ономастической школы профессора Е.С. Отина. Доцент К.В. Першина — активный участник всех подобных мероприятий, она всегда активно подключается к разработке любых совместных научных проектов, действующих как в университете, так и непосредственно на филологическом факультете. В 2018 году К.В. Першина вошла в число соавторов коллективной монографии «Донецкий региолект», в которой опубликована её статья по эргонимии Донбасса. Надо отметить, что в научном плане прошедшие годы для кафедры были вполне результативными.

Разноплановая работа К.В. Першиной всегда была результативной. Обобщая опыт её «научной лирики», профессор В.М. Калинин очень высоко оценил заслуги «навсегда верной ученицы Евгения Степановича Отина <...> достигнутые за годы упорного и самоотверженного труда на ниве ономастического краеведения Донбасса, осмысления феноменов коннотирования собственными именами культурных образов и смыслов...» [2, с. 8]. Можно утверждать, что среди специалистов в области ойконимии Донбасса Клавдия Васильевна Першина занимает сегодня первое место. В разное время только по этой тематике ею был опубликован не один десяток работ, среди которых можно выделить следующие: «О путях формирования ойконимии Донбасса советского периода (1974 г.), «Становление и функционирование ойконимии юго-восточной Украины в условиях украинско-русского двуязычия» (1982 г.), «Становление ойконимии позднего образования в условиях близкородственного двуязычия (на материале ойконимии Юго-Восточной Украины)» (1983 г.), «Особенности образования ойконимов от имен собственных (на материале ойконимии юго-восточной Украины)» (1985 г.), «Ойконимизация апеллятивов как один из способов создания названий населенных мест (ойконимия юго-восточной Украины)» (1986 г.), «Номинация селений в условиях близкородственного двуязычия (ойконимия Донбасса)» (1988 г.) и многие другие. Именно этой проблематике была посвящена и кандидатская диссертация, которую К.В. Першина успешно защитила в 1983 году, — но об этом хотелось бы рассказать подробнее.

В 1973 году Клавдия Васильевна начала работать на кафедре русского языка в должности ассистента. В то время это был коллектив опытных профессионалов, достаточно хорошо известных лингвистов, уже имевших своё имя в научном мире. Заведующая кафедрой Г.П. Цыганенко в том году находилась в долговременном отпуске (она заканчивала работу над второй докторской диссертацией), а её

обязанности временно исполнял доцент И.И. Ярмак, тоже достаточно яркая, творческая личность. При распределении учебной нагрузки молодому преподавателю досталась очень сложная дисциплина — «Русская диалектология», но Клавдии Васильевне очень повезло, потому что лектором был Е.С. Отин — её учитель и наставник (тогда он тоже работал на кафедре русского языка). Совместно они сделали этот непростой для студентов учебный курс познавательным, интересным и доступным. Знания основ русской диалектологии закреплялись еще и в ходе летней диалектологической практики. У преподавателей была прекрасная возможность руководить практикой студентов и одновременно в полевых условиях продолжать сбор материала к своим собственным исследованиям (Е.С. Отин в то время готовился к защите докторской диссертации, которая осуществилась в 1974 году). У ассистента К.В. Першиной всегда была очень большая учебная нагрузка. Одновременно она работала и на подготовительном отделении Донецкого университета, где рабочая и сельская молодежь, а также демобилизованные из рядов Советской армии юноши могли получить дополнительные знания перед поступлением в наш вуз. Большая часть времени у Клавдии Васильевны уходила на учебно-методическую и общественную работу. На научные исследования оставалось слишком мало времени, которое выходило за пределы двадцати четырех суточных часов. Сегодня не трудно понять всю степень сложности организации её личной жизни в те годы. В 1980 году родился сын Андрей. Любимые дети всегда долгожданны, но появляются почему-то всегда не вовремя. В этой шутке всё-таки есть какая-то доля грустной правды. Но и в этой сложнейшей жизненной ситуации проявился характер сильного и мужественного человека, каким была и остается К.В. Першина. Успешная защита кандидатской диссертации по теме «Становление ойконимии позднего образования в условиях близкородственного двуязычия (на материале ойконимии юго-восточной Украины)» состоялась в Одесском государственном университете в 1983 году.

С кафедрой русского языка К.В. Першина была связана долгие годы. После защиты диссертации в том же 1983 году она была переведена на должность старшего преподавателя, а с 1987 года продолжала работать уже в должности доцента этой кафедры. Смутные 90-ые годы ушедшего века принесли многочисленные изменения и в жизнь большой страны, и в жизнь каждой отдельной бывшей республики бывшего великого Советского Союза. В области образования на Украине, как и везде, постоянно наблюдались разнообразные перестроечные процессы, которые невольно приводили к кадровым изменениям и перестановкам внутри коллективов факультетов. Такие изменения коснулись и филологического факультета, в результате чего на нашу кафедру с кафедры русского языка были переведены доценты С.В. Малышев и К.В. Першина. В то время кафедрой общего языкознания и истории языка уже заведовал молодой и талантливый доктор филологических наук, профессор Е.С. Отин, назначенный на эту должность ещё в 1977 году. Он был инициатором таких положительных изменений, и мы с радостью приняли в свой коллектив наших уважаемых коллег, с которыми всегда поддерживали творческие и дружеские связи. С этого времени Клавдия Васильевна окончательно стала «нашей».

После защиты кандидатской диссертации К.В. Першина продолжает работать в области русской ономастики: в её научных разработках сохраняется интерес к ономастическому краеведению Донбасса. Высоко оценивая заслуги своей коллеги в этой области, профессор В.М. Калинин уверен, что работы К.В. Першиной обязательно будут лежать в основе не только уже разрабатываемого проекта «Филологическое наследие Донбасса», но и станут весомой частью «замышляемой»

«Энциклопедии Донбасса» [2, с. 9]. «Обладая уникальной для ономатолога способностью глубоко исследовать разные пласты онимной лексики», — отмечает он, — Клавдия Васильевна <...> представила результаты изучения хрононимов, зафиксированных в русском народном календаре» [2, с. 10]. В круг научных интересов К.В. Першиной вошли вопросы функционального использования топонимов в русских песнях, а также тесно связанных с этим многочисленных пластов онимной лексики в названиях художественных фильмов и многое другое. Для убедительности широты научных интересов Клавдии Васильевны хочу перечислить названия её научных публикаций, которые появились уже после защиты ею кандидатской диссертации: «Имя собственное как средство осуществления диалога культур в произведениях А.С. Пушкина» (1990 г.), «Изучение взаимосвязей культуры народа и номинационных процессов в свете концепции А.А. Потебни» (1990 г.), «Особенности номинации ветров в русском языке» (1992 г.), «Из наблюдений над использованием собственных имен в русской литературе XVIII века (1995 г.), «Из наблюдений над русской народной хрононимией» (1997 г.), «Заглавия произведений А.С. Пушкина (ономасиологический аспект)» (1998 г.), «Номинация дождя и погоды (по отношению к дождю) в русском языке» (1999 г.), «О семантико-коннотативном объеме лексемы *журавль* в русском языке (2000 г.), «О названии песни «Синий платочек» в русском языке (2001 г.), «О содержательно-номинационном потенциале названия песни «Катюша» в русском языке» (2001 г.), «О топонимах в русской песне» (2003 г.), «Русская идеонимия: «Прощание славянки» (2005 г.), «О названиях праздников в русском, украинском и болгарском народных календарях» (опубликовано в Болгарии в 2006 г.), «Русская идеонимия: «Священная война»» (2006 г.), «О названии колоколов и колокольных звонов Святогорья» (2010 г.), «Фамилии как свидетельство восточнославянского единства» (2012 г.) и другие. И снова поражает география этих публикаций: Донецк, Минск, Кировоград, Винница, Одесса, Москва, Харьков, Запорожье, Мариуполь, Киев, София и Велико Търново (Болгария), Крым, Смоленск и другие города ближнего и дальнего зарубежья.

На нашей кафедре доцент К.В. Першина как преподаватель постоянно связана с масштабным фундаментальным курсом «Общее языкознание», а также с важнейшей дисциплиной исторического цикла — «Историей языкознания» («Историей лингвистических учений»). Все знают её как прекрасного лектора: неторопливо, обстоятельно, не стремясь к внешним эффектам и не «заигрывая» со студентами, не подстраиваясь под аудиторию в желании понравиться, неспешно изо дня в день совершает она свой благородный Труд, утверждая, что знания — сила. Её лекции глубоки и содержательны, всегда наполнены современным научным материалом, затрагивают актуальные теоретические вопросы современной лингвистики, ориентированы на возможность студентов использовать полученные знания в школьной практике. Сегодня можно утверждать, что доцент К.В. Першина — опытный методист, она готова делиться собственным опытом с теми, кто в этом нуждается. За многие годы своего творческого труда она уделила максимум внимания подготовке публикаций учебно-методического характера, многие из которых были созданы на основе её выступлений на конференциях разного уровня, посвященных именно этой проблематике. Перечислю некоторые из них: «Развитие творческой самостоятельности будущих учителей-словесников в условиях университета» (1989 г.), «Принцип опережения как необходимое условие осуществления проблемного обучения» (1989 г.), «Совершенствование содержания и форм контроля знаний как фактор повышения педагогической подготовки студентов университета» (1990 г.). Специально для

студентов филологического факультета в границах читаемых дисциплин (в том числе и специальных) в разные годы доцентом К.В. Першиной были подготовлены такие учебно-методические разработки, как «Методические указания к изучению фонетики русских говоров (гласные звуки)» (1989 г.), «Методические указания к изучению фонетики русских говоров (согласные звуки)» (1990 г.), «Введение в ономастику (программа спецкурса)» (2007 г.), «Основы ономастики: Часть 1. Учебно-методическое пособие по спецкурсу» (2018 г.), в настоящее время готовятся новые материалы к фундаментальным курсам учебного плана образовательной программы «Магистр». Мудрость и опыт, высокий уровень общей профессиональной подготовки и главное — любовь и преданность избранной специальности позволили доценту К.В. Першиной быть включенной в «золотой состав» преподавателей филологического факультета, созидательный труд которых преумножил славу нашего коллектива как значимой части Донецкого национального университета.

Мы знаем, как искренне и глубоко переживает Клавдия Васильевна любые неудачи в важнейшем процессе получения и накопления знаний студентами, одни из которых радуют, а другие всё чаще огорчают. Трудные времена требуют поиска новых путей для решения многочисленных проблем в области высшего образования, но главное всё-таки зависит от преподавателя, учителя и воспитателя, его личных качеств и твердой нравственной основы его характера. Клавдия Васильевна когда-то назвала те качества, которые стали и для неё своеобразным ориентиром в жизни. Она увидела их в своем Учителе — Евгении Степановиче Отине и в дни его 75-летнего юбилея написала об этом [3, с. 102–104]. Ведущим в её обращении к нему было слово *верность* (верность избранному пути в науке, верность лингвистической традиции, в которой сформировался ученый). «Исследовательское сознание и научные позиции Е.С. Отина не подвержены сиюминутной конъюнктуре, — писала она. — Его научному стилю чужда любая эпатажность, стремление «осовременить» изложение результатов исследования. Он остается верен себе и здесь – не подгоняет анализируемые факты под заранее сформулированную идею, не расставляет исследовательские акценты в соответствии с ней, а вскрывает внутреннюю логику появления языкового факта...» [3, с. 103–104]. Сегодня всё сказанное можно адресовать ей. Эта маленькая женщина, украшенная мудрой скромностью, живет в мире, где отсутствует или, по крайней мере, не употребляется впустую местоимение *Я*, постоянно заменяемое местоимением *МЫ*. Великая труженица, не ждет похвал и оваций, хотя весь её жизненный путь позволяет говорить о ней высоким слогом самых торжественных и строгих жанров. Но всего этого ей не нужно, и, отвечая нам, она, наверно, сказала бы словами героини известного советского фильма «Член правительства», где блестяще сыграла народная артистка СССР Вера Марецкая: «Вот стою я перед вами – простая русская женщина...», и, перечислив все испытания, через которые прошла в этой жизни, заключила: «Живучая!» Вот этой русской женщине я и хочу пожелать здоровья и долголетия. Клавдия Васильевна Першина еще только поднимается к своим вершинам, и никакие жизненные стихии не смогут остановить это движение. Доброго и долгого вам пути!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисова Л.П. «А годы летят, наши годы, как птицы, летят, и некогда нам оглянуться назад...» (к 70-летию доцента кафедры общего языкознания и истории языка имени Е.С. Отина – Клавдии Васильевны Першиной) / Л.П. Борисова // Клавдия Васильевна Першина: Биобиблиографический указатель: к 70-летию со дня рождения / Сост. Л.П. Борисова, В.М. Калинин, Н.А. Ярошенко: отв. ред. Н.А. Ярошенко. – Донецк: ДонНУ, 2019. – С. 4–7.

2. Калинин В.М. Клавдия Васильевна Першина: из опытов «научной лирики» / В.М. Калинин // Клавдия Васильевна Першина: Биобиблиографический указатель: к 70-летию со дня рождения / Сост. Л.П. Борисова, В.М. Калинин, Н.А. Ярошенко: отв. ред. Н.А. Ярошенко. — Донецк: ДонНУ, 2019. – С. 8–17.

3. Евгений Степанович Отин: Биобиблиографический указатель: к 75-летию со дня рождения / Сост.: В.М. Калинин, К.В. Першина, Л.П. Борисова. — Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2007. – 142 с.

Поступила в редакцию 29.05.2019 г.

KLAVDIA VASILYEVNA PERSHYNА: PERSONALITY IN THE PROFESSION

L. P. Borisova

The paper addresses the life and creative work of Klavdia Vasiliyevna Pershyna, Associate Professor of General Linguistics and History of Language Department named after E. S. Otin. She is considered to be one of the most famous representatives of the Donetsk onomastic school. The article is a tribute to the wonderful professor, pedagogue and PERSONALITY, who opened her page in the history of the Philological Faculty of Donetsk National University.

Key words: Klavdia Vasiliyevna Pershyna, history of Philological Faculty of Donetsk National University, a scholar's and a professor's life.

Борисова Людмила Петровна.

Кандидат филологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры общего языкознания и истории
языка имени Е.С. Отина.
E-mail: donnuborisova@yandex.ru.

Borisova Ludmila Petrovna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Donetsk National University.
Associate Professor of General Linguistics and History
of Language Department named after E.S. Otin.
E-mail: donnuborisova@yandex.ru.

УДК 81-221

КОМИКС КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ

© 2019. А.В. Емельяненко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена комиксу как новому объекту лингвистики. Изучена история исследования комиксов отечественными учёными. Проанализировано взаимодействие вербальных и невербальных элементов в рассматриваемых текстах. Данная работа может быть использована студентами, аспирантами и преподавателями русского языка.

Ключевые слова: текст, креолизация, лингвистический анализ текста, комикс.

Растущие потребности современной коммуникации и возрастание роли визуализации информационного материала обуславливают активное изучение языковедами семиотически осложнённого текста. Исследуя проблемы текстовой гетерогенности, отечественные и зарубежные учёные применяют разнообразные термины: *креолизованный текст* (Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов), *поликодовый текст* (Г.В. Эйгер, В.Л. Юхт), *гибридный текст* (В.Е. Чернявская), *изовербальный комплекс* (А.А. Бернацкая), *иконотекст* (М. Нерлих), *видеовербальный текст* (О.В. Пойманова) и некоторые другие [8, с. 135]. Креолизованные тексты демонстрируют особую функциональную многогранность. Использование в рамках одного текста вербальных и невербальных элементов значительно расширяет возможности автора. В отличие от гомогенных текстов, креолизованный текст может оказывать влияние на уровне нескольких каналов восприятия. Невербальные компоненты могут не только дополнять вербальные, но и замещать их (например, использование эмодзи как эвфемизмов). Преимущества креолизованных текстов как потенциальных реализаторов суггестии осознаются специалистами, вовлечёнными в процесс формирования общественного мнения (PR-менеджерами, журналистами, копирайтерами, редакторами разнообразных СМИ и проч.).

Как отмечают Т.Ф. Семьян и Л.А. Юдин, в современном мире особое место занимают искусства, появившиеся через синтез уже существующих видов искусств. Одним из таких феноменов является комикс: «К комиксу обращались такие писатели, как Курт Воннегут, Нил Гейман, Ричард Матесон, Стивен Кинг, Рей Бредбери, Умберто Эко, Даниил Хармс, Генрих Сапгир. Технику комикса использовали в своих работах такие художники, как Казимир Малевич, Фрэнк Фразетта, Жан Жиро, Мило Манара. Во многих странах мира “рассказы в картинках” занимают одну из главных позиций массовой культуры: например, во Франции, Бельгии, Германии комикс, или по сложившейся в исследовательской литературе традиции графическая проза, стоит на одном уровне с традиционными литературными произведениями и признается отдельным видом искусства...» [19, с. 40].

Однако в современной лингвистике комикс до сих пор остается недостаточно исследованным феноменом. Всё сказанное обуславливает **актуальность** нашей темы.

Объектом исследования является история изучения комикса, а **предметом** – эволюция взглядов на комикс как коммуникативный феномен.

Цель работы – изучить историю исследования комикса отечественными учёными. Соответственно, необходимо решить такие задачи:

- 1) установить оптимальное определение *комикса*;
- 2) определить наиболее значимые исследования, посвященные изучению комиксов.

Большая Советская Энциклопедия дает определение комикса, которое, однако, большинство ученых не считают универсальным: «Комикс – графически-повествовательный жанр, серия рисунков с краткими текстами, образующая связное повествование» [6, с. 149]. Поиск оптимального определения понятия комикса предполагает скрупулезное изучение истории развития этого феномена и исследование его основных квалификационных признаков.

Р.В. Чуканов констатирует, что при изучении истории комиксов как отдельного вида искусства и одного из способов передачи информации принято считать отправной точкой их развития 90-е гг. XIX в., когда американские и европейские издательства начали публиковать тексты с характерным ведением повествования в виде серии картинок, сопряженных с вербальным компонентом [31, с. 169].

А.И. Денисова подчеркивает, что комикс, появившийся как жанр в начале XX века и использовавшийся газетами для привлечения иммигрантов, плохо знавших английский, эволюционировал до культового явления в Америке и полноправного жанра искусства во Франции. Первые серьезные шаги в развитии искусства графических новелл были сделаны в начале XX века. И хотя первые комиксы носили юмористический характер, ситуация изменилась в июне 1938 года, когда в США появился такой персонаж, как *Супермен* (англ. *Superman*) [6, с. 150].

Р.В. Чуканов считает наиболее подходящим определение комикса, данное С. МакКлаудом: «Комикс – это объединенные в пространственные последовательности образные или другие знаки, задача которых состоит в том, чтобы передавать определенную информацию и / или вызывать у реципиента соответствующую эстетическую реакцию» [31, с. 173]. Эта дефиниция, на наш взгляд, является удачной с точки зрения изобразительного искусства, однако не совсем удачна с точки зрения лингвистики: автор несколько недооценивает роль вербального компонента в исследуемом типе текста.

Т.Ф. Семьян и Л.А. Юдин полагают, что в России комикс не смог проявить весь свой художественный потенциал из-за западной эмблематики. Однако в научных кругах интерес к комиксу все же возрос. Наиболее значимыми работами, по мнению Т.Ф. Семьян и Л.А. Юдина, являются статья В.В. Ерофеева «Комикс и комиксовая болезнь» (1995 г.), в которой автор проанализировал феномен комикса в русской культуре, и историко-критический обзор Е.В. Харитонова «Девятое искусство» (2005 г.), в котором рассматривается история мирового комикса [19, с. 41].

Важную роль в изучении специфики структуры комикса сыграли работы А.Г. Сониной [21] и Е.В. Козлова [9; 10]. В научных работах конца двухтысячных годов часто встречаются ссылки на идеи этих исследователей. А.Г. Сонин определяет комикс как «особый способ повествования, текст которого представляет собой последовательность кадров, содержащих, кроме рисунка, вербальное произведение, передающее преимущественно диалог персонажей и заключенное в особую рамку. При этом рисунок и заключенный в него вербальный текст образуют органическое смысловое единство» [24, с. 384].

Исследователь французских комиксов Е.В. Козлов выделяет такие категории комикса, как целостность (цельность), связность (когерентность), членимость и изолированность (замкнутость) текста [10]. Интересны также рассуждения Е.В. Козлова относительно роли цвета в комиксе. Цвет, по мнению исследователя,

может выполнять такие функции: 1) реалистическую (или функцию аналогии), заключающуюся в установлении аналогии между окраской изображений и цветом изображаемых предметов в действительности; 2) символическую, которая заключается в варьировании цвета в зависимости от индивидуальной авторской философии или художественной концепции конкретного произведения в соответствии с принятой в данной культуре сигнификации (например, белый – цвет праздника в Европе и траура в Индии); 3) эстетическую функцию, вследствие реализации которой рисунок может привлечь взгляд ценителя своими достоинствами. Определенная манера окраски всех произведений становится маркой авторского почерка [24, с. 386].

В числе русских ученых, которые одни из первых занялись изучением комиксов, нельзя не назвать В.А. Силантьеву и Д.Н. Топильского. В работе 2001 г. «Комикс как полисемический носитель информации» исследователи говорят о двух видах комикса: 1) комиксы, не содержащие текста; 2) собственно комиксы. Собственно комикс ученые определяют как «полисемический носитель информации, строящийся на взаимодействии изображения, текста и паралингвистических средств» [20, с. 70]. Такая дефиниция, на наш взгляд, чрезмерно лаконична. Возникает закономерный вопрос: чем в таком случае комикс отличается от других типов креолизованных текстов (карикатур, инструкций, иллюстрированных книг, мемов и т. д.)?

2005 год ознаменовался появлением статьи С.И. Петровой и З.Б. Степановой «Японский комикс как тип текста». Исследование посвящено японским комиксам манга. Авторы рассматривают структурные особенности комиксов в контексте лингвистики текста и типы распределения информации между изображением и словом [14].

В 2009 г. А.В. Анищенко ставит в своем научном исследовании цель выявить специфику комикса как особого типа дискурса, его экстралингвистические, текстуальные и функциональные характеристики. Исследовательница определяет комикс как особый способ повествования, текст которого представляет собой последовательность кадров, содержащих, кроме рисунка, вербальное произведение, репрезентирующее преимущественно диалог персонажей и заключенное в особую рамку – графическое пространство речевого компонента [2, с. 118]. При этом исследовательница поддерживает идею Е.В. Козлова относительно органического смыслового единства рисунка и вербального компонента [9, с. 12]. По нашему мнению, сама по себе отсылка к тезису Е.В. Козлова, которую А.В. Анищенко приводит как уточнение к определению, вносит некоторое противоречие в формулировку: если вербальный и невербальный компонент в рамках одного текста сливаются в единое целое, то неуместно вести речь об отдельном «вербальном произведении». Корректнее было бы говорить о вербальном компоненте или элементе как части негомогенного знакового образования, т. е. *единого* креолизованного текста. В остальном же мы поддерживаем идеи, высказанные А.В. Анищенко. Так, не подлежит сомнению, что комикс обладает национальной спецификой, обнаруживающейся на всех смысловых уровнях. Это отражается в тематическом репертуаре, через визуальные изображения (мимика, жесты, позы персонажей) и через вербальный ряд. В качестве основных текстовых категорий комикса А.В. Анищенко называет категории модальности, темпоральности и локативности [2, с. 119–121].

В 2009 г. проблему анализа комикса как особого типа воздействия на человека рассматривает Л.Г. Столярова, которая, как и А.В. Анищенко, согласна с мыслью, что комикс сочетает в себе высокий объем информации, рассчитанной на максимальную простоту восприятия, и предназначен для быстрой и эффективной передачи сообщения. Однако, в отличие от А.В. Анищенко, исследовательница относит комикс лишь

к художественному дискурсу [23, с. 281]. С этим, на наш взгляд, нельзя согласиться: анализ фактического материала свидетельствует, что как комикс могут квалифицироваться как минимум тексты трех дискурсов: художественного, учебного и рекламного. Но автор абсолютно права в том, что жанровое разнообразие комикса велико: научная фантастика, детектив, вестерн, фарс, эротика, приключения, сентиментальный рассказ и т. д. [23, с. 282].

В 2010 г. Л.Г. Столярова продолжает исследование комиксов – уже на уровне структуры. Автор анализирует разные определения комикса и приходит к выводу, что дефиниция из французского словаря «Le Petit Robert» («последовательность рисунков, рассказывающих одну и ту же историю или представляющих одного и того же персонажа») является неполной: в ней не учитывается вербальная составляющая комикса и способ организации невербальных компонентов. В этом случае трудно разграничить комикс и такие сходные жанры, как, например, фотороман [24, с. 384]. В то же время определение одного из первых французских исследователей комиксов П. Фрэно-Дерюэля лучше отражает суть изучаемого явления: современная форма образного повествования, комикс, представляет собой произведение, неотъемлемой частью которого является последовательность картинок, сопровождаемых текстом или без него и дополненных различными идеографическими знаками [34, с. 62–78]. Также в 2010 г. выходит статья Л.Г. Столяровой «Синтаксическая специфика языка комиксов» [24; 25]. И хотя фактическим материалом исследования послужили французские тексты, многие идеи, сформулированные автором, применимы и к славянским комиксам.

Исследуя специфику комикса, отечественные лингвисты также рассматривают разнообразные коды передачи информации в анализируемом типе текста. Так, в статье 2009 г. «Поликодовый статус комиксов как явления современной немецкой лингвокультуры» Р.В. Чуканов вслед за Е.В. Козловым разделяет реализуемые в комиксах коды на две группы: технический и языковой. Р.В. Чуканов солидарен с Е.В. Козловым и в том, что функцию передачи фоновой информации берет на себя параграфика. Последняя не ограничивается изображением передаваемого графикой невербального поведения и созданием звуковой дорожки произведения: она способна передавать самостоятельную информацию. К параграфике при этом следует относить не только шрифт, но и ономотопозитическую систему комикса [31, с. 174–177].

Л.Ф. Нефёдова в 2010 г. рассматривает когнитивные особенности комикса как креолизованного текста [12]. В статье упоминаются семь характерных особенностей комикса по Р. Барту: 1) наличие жизненно-мировоззренческого конфликта между персонажами; 2) существование каждого отдельного рисунка комикса лишь в контексте; 3) лаконичность, сочетающаяся с актуализацией отдельных деталей; 4) динамичность; 5) броскость кадров; 6) экспрессивность; 7) раскадрованность [12, с. 6–7].

Русские ученые обращаются к анализу не только европейских, но и американских комиксов. А.И. Денисова в 2011 г. анализирует возникновение и развитие американского комикса и факторы, способствовавшие развитию его популярности [6].

И.Ю. Сычев в работе 2011 г. изучает специфику англо-американской комикс-культуры [27]. Ученый выделяет сказочные, детективные, научно-фантастические и супергеройские комиксы. Последние, по мнению автора, могут включать элементы других типов. Супергеройские комиксы, утверждает И.Ю. Сычев, не могли возникнуть нигде, кроме США, т. к. только в стране, лишенной собственных древних героев, культурных символов прародителей, мог появиться эрзац-герой: «Все иные герои американской культуры – борцы за независимость, пионеры, колонизаторы, ковбои не только могли существовать, но и реально существовали (как типы, но не обязательно

персонажи), и это делает их недостаточно привлекательными, недостаточно чудесными» [27, с. 100].

В это же время, в 2011 г., Д.С. Туляков анализирует особенности комикса художника И. Вышинского и сценариста Б. Караджева «Петр Великий», выпущенного совместным проектом пермского и московского издательств в 1992 г. [29].

В 2010 г. издательство «Новое литературное обозрение» выпустило сборник статей «Русский комикс», в котором была предпринята попытка презентовать различные взгляды относительно специфики нового текстового феномена [15]. В этом же году выходит статья Г. Д. Махашвили «Иллюстрированная книга и комикс» [Махашвили 2012]. Исследователь подчеркивает, что между иллюстрированным изданием и комиксом существует два основных отличия. Первое – это разные подходы к трактовке времени и действия. Комикс дробит событие на множество кадров, каждый из которых заключает в себе всё, что необходимо для полноценного восприятия описуемого момента действия; книга же содержит вербальный компонент, идущий непрерывным потоком, а иллюстрации в ней отображают зачастую не столько конкретное мгновение, сколько обобщение определенного временного отрезка. Из первого отличия вытекает второе – это разница в компоновке вербального и невербального элементов: в иллюстрированном издании вербальный компонент непрерывен, в комиксе же текст посредством кадрирования реализует особую фрагментарность [Махашвили 2012, с. 207].

В 2013 г. ученые продолжают рассматривать связь между вербальным и иконическим компонентами комикса на содержательно-языковом уровне. Так, Н.Ю. Григорьева анализирует коммуникативно-прагматическую норму использования гетерогенных составляющих комикса, а также типы корреляций между ними [4].

И.С. Гринберг и А.А. Сухов в 2013 г. посвятили внимание исследованию проблемы хронотопа в комиксе. Ученые также определили характерные черты комикса как синтетического вида искусства через сравнение с кинематографом и литературой [5].

Анализируя прецедентные вербальные, визуальные и вербально-визуальные феномены в креолизованном тексте (на материале современного российского политического комикса), Р.Т. Саудов в работе 2013 г. обращается к определению комикса, автором которого является К. Мей: Комикс – это «нарративная форма, сочетающая в себе письменный текст и изобразительные элементы» [36, р. 80]. Это определение, на наш взгляд, не является оптимальным, т.к. не учитывает квалификационных признаков комикса: опираясь на такую дефиницию, невозможно отличить комикс от иллюстрированной книги.

Отечественные исследователи не оставили без внимания и комиксы малого формата. Например, И.В. Степанова в статье «Креолизованный текст как средство репрезентации концепта *love* (на материале комиксов “Love is”))» (2013 г.) рассматривает однокадровые комиксы [22].

Связь комикса с кинематографом, а именно общность генетического кода этих двух феноменов, рассматривает в 2013 г. Н.А. Цыркун [30]. Автор подчеркивает, что хотя комикс, как и кинематограф, изначально воспринимался как низовое, ярмарочное развлечение, со временем даже некоторые сюжетно примитивные комиксы (например, комикс «Чокнутый котяра», который можно квалифицировать как комикс-слэпстик) смогли эволюционировать в восприятии публики едва ли не до артхаусного произведения искусства [30, с. 5–6].

В 2013–2014 гг. появляются две работы Л.А. Юдина [32; 33], посвященные анализу комикса-адаптации А. Климовского и Д. Шейбал «Мастер и Маргарита».

Опираясь на работы У. Айснера и С. Макклауда, исследователь определил и систематизировал основные черты, характерные для поэтики комикса [32, с. 290].

В 2014 г. исследователи обращают внимание на интерпретацию комикса как феномена массовой культуры. Так, Р.Т. Алиев проводит сравнительный анализ мифа и комикса, выделяет основные функции мифа и выстраивает анализ комикса по этим параметрам. В статье «Мотив инициации как структурный элемент мифологического в комиксе» автор рассматривает проблему отождествления героя комиксов с героем мифов в контексте психоаналитических и структуралистских подходов [1].

В конце первого десятилетия XXI в. в России стали все чаще публиковаться переводные издания графических романов. Процесс адаптации и перевода различных форм визуального искусства не мог не заинтересовать и исследователей комикса. Именно эта проблематика освещена в статье Д.Г. Дмитриевой «Графический роман Алана Мура “V – значит вендетта” для российского читателя: к вопросу о сложности межкультурного перевода» [7].

В 2014 г. Е.С. Криницина проводит анализ функционирования междометий в комиксах. По мнению исследовательницы, именно в комиксе наиболее ярко проявляет себя междометный тип общения, так как здесь содержится большой объем информации, который передается с помощью минимального набора компонентов. Вербальная часть комикса преимущественно состоит из диалогов с использованием различных междометий. Иконический компонент в этом случае выполняет роль контекста высказываний [11, с. 152–154].

Еще одним важным вектором исследования комиксов является анализ специфики комиксов-адаптаций. Именно этой проблеме посвятили свою статью Т.Ф. Семьян и Л.А. Юдин. Авторы анализируют соотношение визуального и вербального компонентов в адаптации романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» южно-уральским автором Р.Б. Танаевым, изучают поэтику комикса, его основные особенности и принципы организации [19].

В 2015 г. выходит работа Т.М. Беловой, посвященная комиксам как средству выражения этнокультурных стереотипов [3]. Автор указывает, что материалом исследования послужили 42 аутентичных комикса под общим названием «Пузыри Франции. Стереотипы в комиксах и межкультурное», предназначенных для изучения французского языка как иностранного. Создателями сборника являются преподаватель французского языка и литературы Ж. Жефрэ и художник-комиксист Унтер [3, с. 133]. Исследовательница приводит две дефиниции комикса из французских источников, которые ранее, по нашим наблюдениям, славистами не рассматривались: 1) комикс – последовательность изображений, сопровождаемых текстом, описывающих действие, временное развитие которого совершается скачкообразно от одного изображения к другому, так, чтобы не прерывались ни безостановочность действия, ни присутствие персонажей [28]; 2) комикс – последовательность рисунков, рассказывающая одну историю или представляющая одного персонажа [PR 2014].

Ю.А. Ейкалис в статье 2015 г. рассматривает специфику организации и функционирования паралингвистических средств коммуникации в текстах современных немецкоязычных комиксов [8]. Весьма интересны наблюдения автора касательно поиска комиксистами новых средств выражения экспрессивности, что обуславливает, например, появление в тексте таких сочетаний знаков препинания, как «?!?!», «?!?!?», «!?!» и т. п. [8, с. 137]. Мы солидарны с Ю.А. Ейкалис в том, что случаи нетривиального функционирования пунктуационных знаков в комиксах представляют

собой чрезвычайно оригинальный и интересный материал для лингвистических исследований. Подобные явления присущи лишь исследуемому типу текста.

А.Ю. Рязанова посвящает сразу несколько работ рассмотрению нового жанра публицистического текста – новостного комикса. Следует отметить, что на сегодняшний день эта разновидность комикса не встречается в России. Однако в любом случае описываемый А.Ю. Рязановой лингвистический феномен будет интересен и русистам: важные наблюдения можно сделать, сравнивая новостной комикс с образцами русских комиксов других жанров [16; 17].

В 2016 г. Г.В. Онкович и А.В. Онкович пишут статью «Комикс как средство медиаобразования». Авторы рассматривают новый вид текста – образовательные комиксы (англ. *educational comics*), которые используются как в начальной школе, так и в вузах. Также ученые прогнозируют перспективы использования комиксов в качестве одной из медиаобразовательных технологий [13, с. 53].

Итак, на сегодняшний день в русистике существует некоторое количество работ, посвященных определённым нюансам анализа комикса. Однако до сих пор не предложено достаточно глубоких и всеобъемлющих исследований, объектом которых являлся бы этот тип креолизованного текста.

Оптимальным определением *комикса* считаем вариант, предложенный П. Фрэнно-Дерюэлем: комикс – это произведение, неотъемлемой частью которого является последовательность картинок, сопровождаемых текстом или без него и дополненных различными идеографическими знаками [34, с. 62–78].

Хотя некоторые исследователи считают, что в России комикс не смог проявить весь свой художественный потенциал, в научных кругах интерес к нему всё же возрос. Наиболее значимыми являются работы таких учёных, как В.В. Ерофеев, А.Г. Сонин, Е.В. Козлов, Е.В. Харитонов, В.А. Силантьева, Д.Н. Топильский и другие. Самыми актуальными областями дальнейшего исследования отечественных комиксов считаем: 1) изучение специфики вербальных компонентов комикса на разных уровнях (лексическом, грамматическом, стилистическом, графическом и т. д.); 2) разработку лингвистических типологий комиксов по разнообразным параметрам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиев Р.Т. Мотив инициации как структурный элемент мифологического в комиксе / Р. Т. Алиев // Теория и практика общественного развития. – 2014. – Выпуск № 19. – С. 182–185.
2. Анищенко А.В. Комикс как тип видеовербального дискурса / А. В. Анищенко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2009. – Выпуск № 559. – С. 116–122.
3. Белова Т.М. Комиксы как средство выражения этнокультурных стереотипов / Т. М. Белова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – Выпуск № 2-3 (62). – С. 132–136.
4. Григорьева Н.Ю. Комикс как креолизованный текст / Н. Ю. Григорьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2013. – Вып. 1. – Т. 10. – С. 109–111.
5. Гринберг И.С. Проблема хронотопа в комиксе / И. С. Гринберг, А. А. Сухов // Человек в мире культуры. – 2013. – Выпуск № 3. – С. 51–57.
6. Денисова А.И. Американский комикс: факторы развития и феномен популярности / А. И. Денисова // Аналитика культурологии. – 2011. – Выпуск № 21. – С. 149–150.
7. Дмитриева Д.Г. Графический роман Алана Мура «V – значит вендетта» для российского читателя: к вопросу о сложности межкультурного перевода / Д. Г. Дмитриева // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – Выпуск № 1. – С. 305–307.
8. Ейкалис Ю.А. Паралингвистические средства коммуникации в текстах современных немецкоязычных комиксов / Ю. А. Ейкалис // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – Выпуск № 11 (186). – С. 135–141.
9. Козлов Е.В. Коммуникативность комикса (в текстуальном и семиотическом аспектах): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Козлов. – Волгоград, 1999. – 18 с.

10. Козлов, Е. В. Комикс как явление лингвокультуры : знак – текст – миф / Е. В. Козлов. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. – 183 с.
11. Криницына Е.С. Прагматика междометий в креолизованном тексте / Е. С. Криницына // *Lingua mobilis*. – 2014. – Выпуск № 3 (49). – С. 151–155.
12. Нефёдова Л.А. Когнитивные особенности комикса как креолизованного текста / Л.А. Нефёдова // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика»*. – 2010. – № 1 (117). – С.4–9.
13. Онкович Г.В. Комикс как средство медиаобразования / Г. В. Онкович, А. В. Онкович // *Медиаобразование*. – 2016. – Выпуск № 2. – С. 52–60.
14. Петрова С.И. Японский комикс как тип текста / С. И. Петрова, З. Б. Степанова // *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Амосова*. – 2005. – Вып. 4. – Т. 2. – С. 47–51.
15. Русский комикс: сб. ст. / Идея Ю. Александрова; составление Ю. Александрова и А. Бархазы. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 352 с.
16. Рязанова А.Ю. Вербальные и невербальные компоненты новостного комикса как поликодового журналистского текста / А. Ю. Рязанова // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. – 2015. – Выпуск № 1. – С. 157–160.
17. Рязанова А.Ю. Новостной комикс как новый конвергентный жанр интернет-СМИ Китая / А. Ю. Рязанова // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания*. – 2015. – Вып. 1. – С. 80–85.
18. Саудов Р.Т. Прецедентные вербальные, визуальные и вербально-визуальные феномены в креолизованном тексте (на материале современного российского политического комикса) / Р. Т. Саудов // *Политическая лингвистика*. – 2013. – Выпуск № 4. – С. 221–229.
19. Семьян Т.Ф. Поэтика комикса-адаптации «Мастер и Маргарита» Р. Б. Танаева: визуальное vs. Вербальное / Т. Ф. Семьян, Л. А. Юдин // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика*. – 2014. – Вып. 4. – Т. 11. – С. 40–44.
20. Силантьева В.А. Комикс как полисемический носитель информации / В. А. Силантьева, Д. Н. Топильский // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. – 2001. – Вып. 3. – С. 70.
21. Сонин А.Г. Комикс: психолингвистический анализ / А. Г. Сонин. – Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 1999. – 111 с.
22. Степанова И.В. Креолизованный текст как средство репрезентации концепта *love* (на материале комиксов «Love is») / И. В. Степанова // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2013. – Выпуск № 24 (315). – С. 152–156.
23. Столярова Л.Г. Комикс как тип дискурса / Л. Г. Столярова // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. – 2009. – Выпуск № 2. – С. 278–284.
24. Столярова Л.Г. Анализ структурных элементов комикса / Л. Г. Столярова // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. – 2010. – Выпуск № 1. – С. 383–388.
25. Столярова Л.Г. Синтаксическая специфика языка комиксов / Л. Г. Столярова // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. – 2010. – Выпуск № 2. – С. 429–436.
26. Столярова Л.Г. Вербальные и невербальные компоненты коммуникации в текстах французских комиксов (на материале комиксов серии «Астерикс»): автореф. ... канд. филол. наук / Л. Г. Столярова. – Воронеж, 2012. – 23 с.
27. Сычев Ю.И. Герой комикса и герой комикс-культуры / Ю. И. Сычев // *Челябинский гуманитарий*. – 2011. – № 4. – С. 99–103.
28. Толковый словарь французского языка. – Режим доступа: http://www.larousse.fr/encyclopedie/divers/bande_-dessin%C3%A9/185578 (дата обращения: 03.09.2014).
29. Туляков Д.С. рисованная книга «Петр Великий» И. Вышинского и Б. Караджева: типическое и индивидуальное в жанре комикса / Д. С. Туляков // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. – 2011. – № 4. – С. 188–193.
30. Цыркун Н.А. Комикс и кинематограф: общий генетический код / Н. А. Цыркун // *Артикульт*. – 2013. – Вып. 1 (9). – С. 4–10.
31. Чуканов Р.В. Поликодовый статус комиксов как явления современной немецкой лингвокультуры / Р. В. Чуканов // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. – 2009. – Выпуск № 559. – С. 169–179.
32. Юдин Л.А. Анализ комикса-адаптации А. Климовского и Д. Шейбал «Мастер и Маргарита» / Л. А. Юдин // *Уральский филологический вестник*. – 2013. – № 5. – С. 288–295.
33. Юдин Л.А. Драматургический потенциал графического романа / Л. А. Юдин // *Уральский филологический вестник*. – 2014. – № 5. – С. 317–323.

34. Fresnault-Deruelle P. Aspects de la bande dessinée en France / P. Fresnault-Deruelle // Comics and visual culture. La bande dessinée et la culture visuelle. – München: Walter de Gruyter, 1986. – 264 pp.
35. Le Petit Robert Tout l'univers des mots. – Режим доступа: <http://www.lepetitrobert.fr> (дата обращения: 03.09.2014).
36. Mey K.-A. L. Pragmatic Aspects of Comics / K.-A. L. Mey // Concise Encyclopedia of Pragmatics / Ed. Jacob L. Mey. – Oxford: Elsevier Ltd., 2009. – P. 80–85.

Поступила в редакцию 10.05.2019 г.

COMIC STRIP AS AN OBJECT OF LINGUISTIC RESEARCH BY RUSSIAN SCHOLARS

A.V. Yemelyanenko

The article addresses the study of the comic strip as a new object of linguistics. The history of the research of comics by Russian scholars is studied. Correlation of verbal and non verbal elements of creolized texts are analyzed. The data can be used by students, postgraduate students and teachers of the Russian language.

Key words: text, creolization, linguistic analysis of the text, comic strip.

Емельяненко Анна Владимировна.

Кандидат филологических наук.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры общего языкознания и истории языка имени Е. С. Отина.

E-mail: yemelyanenko84@gmail.com.

Yemelyanenko Ann Vladimirovna.

Candidate of Philology.

Donetsk National University.

Associate Professor of General Linguistics and History of Language Department named after E. S. Otin.

E-mail: yemelyanenko84@gmail.com.

УДК 82.09

О СМЫСЛЕ И ЦЕННОСТИ ПОЭЗИИ В ТОЛКОВАНИИ А.В. ДОМАЩЕНКО

© 2019. *О.Р. Миннуллин*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье предлагается анализ филологической теории Александра Владимировича Домашенко в аксиологическом аспекте. В работе дается описание языка мыслителя и критика фундаментальных положений его концепции вопрошающего мышления и поэзии как священной речи, а также предлагается исследование полемиического контекста, спровоцированного его теорией в кругу донецких филологов.

Ключевые слова: теория А. В. Домашенко, поэзия, фундаментальная онтология, вопрошающее мышление, прекрасное и священное.

Трудность критического обращения к филологической теории А.В. Домашенко в том, что эту теорию можно или пересказывать, принципиально во всем соглашаясь, уточняя лишь несущественные детали, или, если не принимать исходных ее положений, подвергать уничтожающей критике, опять же, чуть ли не все в ней. Диалог здесь, – с чем, наверное, охотно согласился бы, спроси его об этом, и сам филолог, – невозможен: тут уж или веришь или нет. А между тем ряд наблюдений, сделанных мыслителем, ряд теоретических находок, вне всякого сомнения, заслуживают поддержки и дальнейшей разработки. Хочется присоединиться и к общему пафосу духовного «прорыва», который направляет концепцию, определяет неизменной глубокий уровень постановки проблемы и способность этот уровень поддерживать на протяжении многих страниц филологической беседы.

С другой стороны, в работах А.В. Домашенко есть существенная риторичность (вплоть до манипуляционного давления на читателя приемами испокон веков известными проповедникам), порой какой-то мрачный «инквизиторский» тон и насилие над художественным текстом – все это не просто отталкивает, но вызывает естественную защитную реакцию.

В результате наша работа (наше чтение трудов А.В. Домашенко в аспекте аксиологии поэтического творчества) приобрела вид отдельных, несколько разрозненных опытов, обладающих скорее внутренним единством, чем стройностью внешней структуры. Курсивом в статье выделены наименования, которым А.В. Домашенко придает свой особый смысл, создающие его своеобразную «терминологию», за исключением специально оговоренных случаев.

Вопрошающее мышление и язык филолога. Анализ оснований, исходных положений той или иной концепции в гуманитарной сфере – это в значительной мере анализ языка ученого или философа. Язык не просто инструмент мышления, но сама смыслопорождающая парадигма, в которой реализуется мышление. Работы А.В. Домашенко написаны **своим** языком, пусть и не герметичным, то, несомненно, нуждающимся во вхождении в него, толковании, иногда своеобразном «переводе с русского на русский». Прежде разговора о заявленном в заглавии статьи предмете, попытаемся приблизиться к самому языку филолога.

Существующие в современной науке направления теории литературы (поэтики в самом широком смысле) А.В. Домашенко каталогизирует по трем рубрикам:

1) эмпирически-познавательная *литературоведческая грамматика* («точная» наука о литературе); 2) ориентированная на классическую категорию художественного образа эстетика словесного творчества – *эйдосная поэтика*; 3) базирующаяся на философской этике теория автора – *персонализм* в разных его вариантах [5, с. 52].

Все эти стратегии постижения поэтического признаются ученым неудовлетворительными по разным причинам, но, во многом потому, что они не помещают в фокус своего внимания главное с точки зрения А.В. Домашенко: *укорененности* поэзии в сфере **сакрального**, которое поэзия по-разному способна являть или же *указывать* на священное, *апеллировать* к нему: «Поэтическое слово... всегда чревато проявлением таящегося в его глубине изначального священно-символического смысла» [4, с. 182]. По мысли филолога, священное содержание может просвечивать «сквозь тусклое стекло» (выражение ап. Павла) поэтического искусства или даже переживаться в нем как мучительная неявленность: поэтическое творчество способно «вопить об утрате» священного истока [5, с. 118]. Смысл этой изначальной соприродности поэтического и священного в онтологическом плане призвана описать *филологическая теория*, контуры которой, согласно А.В. Домашенко, только вырисовываются.

Осмысление священного возможно по мысли А.В. Домашенко в *Имени*, которое истолковано как явление священного, ощущаемое человеком в качестве актуализированного смысла. *Имя* – это самораскрывающаяся полнота соприсутствия божественного и человеческого [5, с. 54], и конечная цель филологии – «толкование сакрального смысла имен» [5, с. 68].

Начала новой *филологической теории* мыслитель связывает с *вопрошающим мышлением*, укорененным в *фундаментальной онтологии* (вопрошание бытия, «понимающее присутствие в мире» [4, с. 31], «сосредоточенное всматривание и вслушивание» [4, с. 34] в бытие, «мышление из Тайны» [4, с. 33]). В теории ученого это та сфера, которая должна вместить постижение поэзии: «вопрошанием правит сама поэтическая речь» [4, с. 34]. Первая задача филологической теории, руководимой вопрошающим мышлением, – «прояснение онтологической природы поэтической речи» [4, с. 36]). По словам А.В. Домашенко, «филология в ее подлинной сути есть эксплицирование поэтического смысла: его эхо» [5, с. 30].

Вопрошающее мышление, на котором настаивает автор «Интерпретации и толкования», отвергает понятийность (вообще, понятие, как операционную единицу научного познания), отрицает методологическую инструментальность, терминологию, категориальный аппарат, сферу представления (*представляющее мышление*). Понятийное мышление – это забвение языка [5, с. 11]. Строго говоря, речь идет не о науке, но о некоторой иноморфе знания, «дисциплине» (И.Б. Роднянская, [15, с. 501]), что, в общем-то, для современной филологии становится уже *locus communitatis* (общим местом).

И все же в учении донецкого филолога явственно обнаруживается – пусть не понятийный аппарат, но, скажем, **номинативное поле**, которым он не оперирует, но, допустим, в котором вращается, ориентируется его мысль.

К этому смысловому полю вопрошания/именования относятся *фундаментальная онтология, мышление именами, толкование, орудийность языка, священно-символическая и казовая орудийность, причастность, укорененность, присутствие (со-присутствие), лад, развертывание сакрального имени, несказанный язык...* Поэзия толкуется как *священная речь, мышление, руководимое именами, прямое сказывание истины...*

Филолог чуток к метким определениям, которые дают поэты, философы или эстетики тем или иным аспектам поэтического. Он плодотворно вовлекает такие определения в круг своих наименований. Для примера укажем на «*преддверие*» (И. Гете) [4, с. 127], «*предел*» (П. Валери об А. Рембо) [5, с. 91], «*просвет бытия*» [5, с. 98] или «*хранитель присутствия*» [4, с. 35] (М. Хайдеггер).

Ввиду неудовлетворительности логически-понятийного инструментария, зачастую мыслитель вынужден прибегать к достаточно вычурной метафоричности или прямо к языку философского богословия, или, правильнее сказать: сам этот язык определяет смыслы, к которым обращен исследователь. Например, опираясь на известное выражение того же М. Хайдеггера о языке как «доме бытия», А.В. Домашенко называет поэзию «сокровенной горницей» этого дома [4, с. 35]. Неоднократно мы встречаем в работах донецкого филолога словосочетания *путеводная нить, сокровенная тайна, духовный посох, таинственный путеводный свет, прозрачное прозябание* и другие образные выражения из области близкой к религиозной риторике.

«Трансцендентная филология» как проблема. Это ёмкое определение для филологических теорий определённого типа предложил А.А. Кораблев, присоединяясь к дискуссии о религиозной филологии: «Имманентная филология... прочитывает художественный текст как бы изнутри, проясняя его значения, просвечивая его смыслы, ничем не нарушая его целостного бытия и не сводя его ни к какой внешней определенности. Трансцендентная же филология... не столько входит в художественный текст, сколько включает его в себя, в контекст своего видения...» [10, с. 22-23].

Говоря о филологической теории А.В. Домашенко, справедливо сразу же привести ряд критических замечаний, уже высказанных в научной среде и возможных к высказыванию, относительно самого способа (образа) мышления, который представлен в работах филолога, критику исходных положений. В общем-то, даже решительная критика столь специфическому учению, несокрушимому, как религия, нанести настоящий вред не способна, однако способна спровоцировать некоторые вопросы для обдумывания, которое и предложено далее в работе.

Понятийность и сфера представления в своей конкретности, несовершенстве однозначности, неизбежной косности опредмечивания, действительно, самой определенностью терминологии закрывает многозначность, редуцирует реальную сложность и многообразие проявлений бытия, делает невозможной полноту понимания. С этим не поспоришь.

Однако что же предлагается в описываемом учении как альтернатива понятию и методу? Альтернатива – это вопрошающее мышление, которое для непосвященного может предстать набором магнетизирующих наименований (приведенных выше), зовущих в сферу веры и находящихся опоры в возвышенном пафосе, в красноречии гомилетики.

Однако же в обращении к подобному именованию и духовное красноречие не реализует свою первейшую задачу – пробудить (укрепить веру). Здесь именно особый филологический язык. Однако, опять же, без изначального согласия, принятия ряда аксиом, это язык служит лишь созданию таинственного ореола вокруг такого явления, которое и без этой сети завораживающих формулировок, облекающих филологическую мысль в неподходящие к ней «как бы» богословские одежды, само по себе таинственно. Приносим извинения за это «как бы», но ведь этот язык, во-первых, и не богословие, а во-вторых, религиозная филология [1] или, во всяком случае, «трансцендентная

филология» [10], по ведомству которой, по видимому, следует «прописать» *филологическую теорию* А.В. Домашенко, способна быть строже, конкретнее и острее в своих наблюдениях над поэтикой.

Данные соображения приводятся при том, что искренне хочется принять установку заявленного вопрошающего мышления, призванного соединить опыт веры и «свободное мышление», отнесенные к поэтическому творчеству. Сама поэзия, кажется, готова «поддаться» такому подходу, раскрыться навстречу ему. Однако «недоверие... к свободному смыслу поэзии» [1, с. 493], некая установка видеть *сквозь* произведение и желание выстроить, «закруглить» свою теорию приводят к тому, что конкретные разборы произведений зачастую служебно-иллюстративны и принимают вид «сухой теории», может быть, и потому что часто идут мимо произведения сразу к некому сверхсмыслу.

Что же такое эта новая *филологическая теория*, строящаяся на «способности духовно возрастать к тайне» [5, с. 32], которую проповедует филолог для того, кто живет невоцерковленной жизнью или вовсе лишен религиозного чувства? Онаученная, «офилологиченная» богословская риторика, устремляющая к сведению к Единому знаменателю всего многообразия неповторимого художественно-словесного опыта? Однако же и адекватное религиозное видение предполагает единственность пути человека, несводимость его духовно-творческого поиска ни на какие готовые шаблоны, конечную неповторимость опыта Бытия, веры, богопознания. Тем более невозможно такое приведение всего к Единому смыслу, когда речь идет о творчестве. Сразу ответить на эти вопросы и развеять все сомнения мирского разума, связанные с фундаментальными установками рассматриваемого учения, не удастся.

Обозначим некоторые полюса критики концепции донецкого филолога, возможные именно в части методологического инструментария, наличие которого, хоть сам филолог это и отрицает, все же в его работах есть. У самого А.В. Домашенко столь громко заявленное *толкование смысла имен* составляется отчасти в более-менее произвольном широком этимологическом анализе (происхождение слова, его история, взаимосвязи, в которые слово вступает, ассоциативное поле в культуре и литературе), который подкрепляется различными комментариями, строящимися на небесспорных ассоциациях, а порой и с откровенными натяжками. Логические «сцепления» и итоговые выводы из этих рассуждений бывают весьма неожиданными. Например, полемизируя с философами-диалогистами, опираясь на этимологию и анализ «внутренней формы», А.В. Домашенко выстраивает смысловой ряд, в котором доказывает, что «диалог» – это «небытие-между», «держава смерти», которой правит «дьявол» [5, с. 70–71].

Существующие переводы греческих текстов (М.Л. Гаспарова [4, с. 55, 243], Г.М. Прохорова [4, с. 52]) не удовлетворяют донецкого филолога, взамен чего предлагается свои переводы-комментарии, которые по ощущениям призваны лишь подкрепить теорию, и в свете этой теории подвергаются насилию интерпретации, которую сам провозвестник новой герменевтики остро критикует. Укажем в качестве примера толкование слова «эпиграмма» как «надпись на имени» [4, с. 250]. В свете этого осуществляется анализ стихотворений Ф.И. Тютчева, венчающийся выводом, что «Silentium» – это «надпись на имени «молчание», а «О чем ты воешь, ветр ночной?» – надпись «на имени «ночной ветер» [4, с. 253].

Категорическое заявление о негодности любого инструментария, любой методологии для новой филологической теории приводит к неизбежной «контрабанде» (М.М. Бахтин) различных стратегий, отдельных аналитических приемов в свое

вопрошающее мышление. Прежде всего, это инструментарий герменевтики (как это точно обозначил Р.В. Мных, «символично-этимологические рассуждения о семантике слов в духе Хайдеггера» [14, с. 221]), а также разнообразные элементы лингвистических методов анализа текста, отголоски разных модификаций исторического метода и другое.

Острую критику, даже неприятие, *вопрошающего мышления*, предложенного А.В. Домашенко, дает в работе «Об интерпретации художественного произведения» упомянутый польский филолог, причастный донецкому контексту, Р.В. Мных. Ученый пишет: «Та позиция толкующего, о которой пишет А. Домашенко... для ситуации интерпретации художественного произведения невозможна в принципе, ибо художественное произведение не «вопрошает» (оно – «слово *явленное*»), «вопрошает» – реципиент». «Художественное произведение... всегда претендует на смысл, который можно и должно интерпретировать» [14, с. 227, 229]. В указанной статье звучат прямые упреки «пути продумывания», который воплощен в работах А.В. Домашенко, отказу от «рационализирования», отречению от идеи произведения как художественной целостности.

Если вообразить себе недоброжелательного постструктуралиста (заклятого теоретического врага, жестоко заклеянного А.В. Домашенко в своих трудах с позиций христианского логоцентризма [5, с. 62]), то можно представить, как бы резко мог выразиться он о вопрошающем мышлении: хромающая этимология, гипнотизирующая свой таинственностью номинация и священный трепет (наследие богословской риторики), а также мелкая теоретико-литературная контрабанда, – вот, кажется, и весь эпистемологический арсенал вопрошающего мышления. Но мы, естественно, этого себе не позволим – просто по причине ясного чувства, что за хитросплетениями «сухой теории» есть тот самый желанный «просвет бытия» (М. Хайдеггер), поэтому не станем торопиться с выводами.

Донецкий контекст. Оригинальные идеи А.В. Домашенко окончательно оформлялись именно в среде донецких теоретиков литературы, многим из которых он, будучи представителем этой филологической среды, противостоял с середины 1990-х и особенно остро в 2000-х годах. На страницах книг «Интерпретация и толкование» (2000), «Об интерпретации и толковании» (2007) и «Филология как проблема и реальность» (2011), о которых, в первую очередь ведется речь, мы находим основательные полемические выкладки по отношению к концептуальным идеям коллег. Не только христианские мыслители, а также философы Ф. Ницше, неокантианцы, М. Хайдеггер, Г. Гадамер, М.М. Бахтин, но и донецкие филологи М.М. Гиршман, В.В. Федоров, А.А. Кораблев постоянные собеседники ученого.

Среди донецких филологов А.В. Домашенко, вместе с А.А. Кораблевым (настоящим летописцем донецкой филологии), является одним их самых внимательных читателей работ М.М. Гиршмана и В.В. Федорова. Очерчивая свое место в данном филологическом контексте, А.В. Домашенко наиболее принципиально выступил в фундаментальной критикой давней структурно-семиотической традиции в университетском литературоведении, а также представил основательное неприятие онтологического персонализма (В.В. Федоров) и сравнительно поздно оформившегося здесь филологического диалогизма (последний период научного творчества М.М. Гиршмана).

Для В.В. Федорова главным предметом филологии и ценностно-смысловым ориентиром является автор-творец, чье бытие по типу сходно с бытием Слова [16]. Для М.М. Гиршмана центральной категорией литературоведения является целостное

художественное литературное произведение как пространство встречи разных субъектов (автор – герой – читатель), и аксиологический аспект творчества понимается вполне в человеческой перспективе хоть и «на фоне», перед лицом, Абсолюта. Для А.В. Домашенко смысл и ценность поэтического творчества заключены не в бытии автора-творца и сосредоточены не в диалогически понятом произведении. Главное для него – священный смысл, к которому поэтическое, так или иначе, *причастно*. Этот смысл существует до творческого акта, он общий и одинаковый для всех, это *Единое*, которому можно только принадлежать и которое можно вопрошать как *Тайну*.

Но в чем этот смысл воплощается? Что толкует филолог? Строго говоря, категория «художественное произведение» не актуальна для филологической теории А.В. Домашенко. Еще менее актуальными оказываются лингвистически понятия «текст» и «дискурс», эстетически ориентированный «художественный («поэтический») мир», или этически окрашенный «диалог». Все это, так или иначе, подвергается жесточайшей критике. Может быть, **высказывание**?

Священная речь или поэтическое высказывание. Вместилищем священного смысла по А.В. Домашенко, его «носителем», вообще, центральным, нельзя сказать, «понятием», но допустим, смысловым центром его теории оказывается *священная речь*. Поэтому около **высказывания** мы поставили вопросительный знак: никогда, надо думать, этот ученый не согласится с тем, что ключевое слово его концепции сближается с такой «трендовой» для современной гуманитарной науки категорией. Но при всех оговорках, это именно так. Его концепция филологии, обращенной к *священной речи*, это не только модификация религиозной филологии, но еще и теория особого рода *высказывания*. На это еще в 2000 году обратил внимание Р. В. Мных: «Мысли, высказанные в сообщении «Об интерпретации и толковании» ... свидетельствуют о такой **методологии** высказывания, когда смысл ищется не в *произведении*, и не в *языке произведения*, а в потоке Речи как таковой» (курсив авт. – [14, с. 220]). Польский литературовед отмечает, что, как и в работах М. Хайдеггера, у А.В. Домашенко есть «стремление интерпретировать слово в художественном произведении и само произведение как «говорящее бытие», что само собою представляет тенденцию уничтожить разницу между языком как таковым и языком художественного произведения» [14, с. 227]. Упрек в «редукции всего того, что составляет специфику художественного произведения как «образа мира, в слове явленного», звучащий здесь, справедлив. Опасность растворения художественного произведения в Речи, замеченная литературоведом, – реальна. Однако критик концепции донецкого ученого не учитывает своеобразия того положения, в котором в современном состоянии оказалась поэзия – разрушающее вторжение в область духа профанированного, повседневности (*действенной сферы*) и фактически уничтожение классического поэтического сознания, что осмыслено в более поздних работах А.В. Домашенко (о чем мы специально скажем ниже).

«Теория» автора «Интерпретации и толкования» лучше всего работает на таком абсолютно отстоящем от нас материале как античная лирика. Это мыслится как поэтическое высказывание в его абсолютной воплощенности *in illo tempore* (М. Элиаде), так сказать, «в то самое время», когда «поэзия творила мир», высказывание с высочайшей степенью внимания к процессу своего порождения и устремленности к самому своему порождающему началу. В то же время, как и «положено» священному, в таком высказывании есть и мера непреодолимой принципиальной непроницаемости, *сокрытости* этого своего истока, что допускает одновременно и священный трепет, и потребность «вчитывания» некоторого смысла в *речь* без насилия над ней.

А вот на материале, например, классической поэзии 19 столетия (лирика А.С. Пушкина или Ф.И. Тютчева – вообще, все, что покрывается понятием «классика»), на наш взгляд, теория дает сбой. Это происходит потому, что классическое художественное литературное произведение плохо ложится в прокрустово ложе этой своеобразной теории *высказывания* или *речи* «без конца и без края» (А. Блок). Точнее: оно-то ложится, но истолкование в этом случае идет мимо его специфики как таковой, **сквозь** художественное произведение или через него, однако не художественность и эстетическое завершение, столь важные здесь, оказываются в центре внимания толкователя. Произведение перетолковывается по другим законам, скажем, не по тем, по каким оно создавалось (по каким его, кажется, и «должно судить»).

Понятие классического искусства, «классики» толкуется у А.В. Домашенко вслед за И. Гете как «преддверие» священного, соединение эстетического со священным [4, с. 126]. В этом «преддверии» оказывается возможным восприятие священного, которое «с точки зрения чувственного созерцания – это Ничто» [4, с. 127], достигается взаимопроникновение чувственно-эмпирического и сакрального, которое «одухотворяет» [4, с. 128], гармонизирует воспринимаемое. На этом принципе по мысли филолога строится творчество самого И. Гете, а также В. Шекспира, французских классицистов, А.С. Пушкина. С понятием «классика» А.В. Домашенко связывает представление о *священно-символическом языке*, до которого это искусство способно возвышаться в своем *пределе*.

Критерием ценности поэтического произведения оказывается степень (глубина) его причастности священному истоку, *священно-символическому языку* [4, с. 133]. Пусть и справедливо замечание А.А. Кораблева о невозможности хоть как-то конкретизировать (измерить, оценить) эту глубину причастности [9, с. 173], однако вызывающей поддержку оказывается сама мысль о принципиальной несводимости критерия поэтической ценности на эстетическое, неуместности этого критерия сферой эстетики и выдвигании его в сферу онтологии.

Поэтическое высказывание, *священная речь* у А.В. Домашенко – это смысл, но не в аксиологическом (ценностном) и не в гносеологическом (постижимое) аспектах, а в онтологическом отношении – смысл как бытие. Следуя логике традиционного (религиозного) сознания, А.В. Домашенко провозглашает, что «подлинной реальностью, в конечном счете, обладает лишь то, что приобщено к этому смыслу, тогда как все остальное обречено раствориться в пустоте» [2, с. 56], приговорено к «призрачному прозябанию» [5, с. 161].

Домашенко против Федорова. Лучше представить себе *филологическую теорию* А.В. Домашенко можно, сопоставив ее с учением о Слове В.В. Федорова. Как и автор концепции Слова-бытия, идеолог новой герменевтики провозглашает, что подлинная филология еще только начинается. Но новые начала, утверждаемые В.В. Федоровым, подвергаются принципиальной критике этим филологом (об этом шла речь в статье «Аксиологический аспект учения В.В. Федорова о поэтическом бытии»).

Однако, необходимо сказать и об объединяющих установках. Сходства взглядов двух ученых ощутимы, во-первых, в общем понимании того, что постижение смысла поэзии лежит не в ведении узко понимаемой поэтики или «эстетики словесного творчества», а является проблемой *фундаментальной онтологии*: «Об искусстве нужно говорить серьезно. Речь ведь не просто о любопытных историко-литературных фактах, о которых на досуге можно почитать. Речь о том, что свершилось и затронуло каждого из нас...» [5, с.87]. О той же «онтологической серьезности» творчества читаем и у В. В. Федорова [16, с. 454].

Филология священной речи – так можно определить учение А.В. Домашенко. Однако священная речь толкуется как бытие, а не как деятельность или состояние, поэтому его филологическая теория, очевидно, сближается с онтологической поэтикой В.В. Федорова, где многократно утверждается мысль о творческом **бытии** в противовес **деятельности** (рефлексию о главенстве онтологической проблематики в среде донецких филологов см., например, в статье В.В. Любецкой [13]).

Во-вторых, у ученых присутствует объединяющая мысль о некой «мессианской» роли поэзии в бытии человека, особой ее роли в обретении им своей человечности в полном смысле слова, «восполнении до целого»: «Поскольку «поэзис» является изначальным способом самораскрытия Истины, постольку поэзия с самого начала становится делом прежде всего, самым главным делом человеческой жизни» [4, с. 175], «с нее история начинается; она же будет последним делом и делом» [4, с. 182].

В другой работе А.В. Домашенко пишет о смысле и назначении поэзии следующее: «Рождение песни обусловлено не потребностью отдохновения от трудов, но сущностными причинами онтологического характера: необходимостью восполнения человека до целого, когда принадлежность к целому оказывается под вопросом. Такое восполнение необходимо человеку, ибо оно целительно: оно исправляет поврежденный дух» [5, с. 121].

Здесь же укажем и на особую роль самой филологической теории, вытекающей из фундаментальной роли поэзии, признаваемую и В.В. Федоровым и А.В. Домашенко. Без сомнения, это вообще присуще донецкому теоретико-литературному дискурсу. В подтверждение приведем слова А.А. Кораблева, высказанные как раз в дискуссии по поводу аксиологического компонента филологии, с которыми более-менее согласились бы оба названных ученых: «Поэтика словесного творчества, если она сущностно и бытийно совпадает с процессами общечеловеческой и индивидуально-человеческой истории, обретает значение мировой доктрины» [9, с. 169].

Наконец, общим является онтологический историзм, по-своему звучащий у В.В. Федорова и А.В. Домашенко: «Поэзия... определяется актуальной для того или иного исторического периода орудийностью языка... сохраняющей связь со сферой Священного» [4, с. 50]. Священное мыслится неизменным, однако характер взаимосвязи поэтического искусства с этим неизменным может быть различный в разные культурно-исторические эпохи.

Приведем в качестве примера развернутую цитату, характерное размышление А.В. Домашенко, где в ёмких формулировках мыслитель излагает ключевые моменты своей филологической теории: «Вопрос об онтологии поэтического творчества равнозначен вопросу о смысле человеческого существования. Единственное оправдание поэтического творчества заключается в том, что оно способно раскрыть этот смысл. *В разные времена поэзия раскрывает его по-разному.* Поэзия с самого начала – необходимая опора идущего по жизненному пути человека. И в своей сокровенной глубине хранит, пока остается подлинной поэзией, эту свою родовую сущность... Этот свет, который вбирает в себя или отражает поэзия, и есть духовный посох в странничестве, каковым является жизнь каждого из нас... в этом случае речь идет уже об онтологической проблематике, а не об эстетической. Давая разные ответы на вопрос о смысле человеческого существования, поэзия не лукавит, *но обнаруживает в разные исторические периоды разную глубину понимания своей собственной сущности*» (курсив мой. – О.М. [6]). Поэтическое как бытие (и его смысл), священный исток поэзии, онтологический историзм – узловые аспекты приведенного размышления.

Итак, поэзия толкуется мыслителем как «священная речь (герменейя)», «предсказанное» [4, с. 170], пророческое слово, выводящее на свет Истину, открывающее «природу вещей... в их именах» [4, с. 185], «являющее тайные связи», «сокровенное в присутствующем» [4, с. 192]. Поэт же – не творец (создатель), поэзии, но «причастный священной речи» ее проводник, т.е. «являющий священное», приводящий его в актуальное бытие как явленность (*гиерофант*).

Здесь обозначается идейное противостояние А.В. Домашенко М.М. Бахтину и, соответственно, В. В. Федорову в отношении онтологического статуса автора-творца и финального смысла поэтического творчества. Для учения В.В. Федорова с его идеей движения к обретению Словом самого себя («внутрибожественной катастрофы» – о. Дмитрий Трибушный) роль автора-творца заключена в содействии Слову в его событии обратного превращения в будущем. У А.В. Домашенко – поэт обращен к уже явившемуся в бытии и вечно пребывающему священному истоку, где «ни прошлого, ни будущего нет». Гений понят вслед за В. Шеллингом как «обитающее в человеке божественное» [4, с. 170], а индивидуализированный автор-творец, как обособленный субъект лишен, по мнению А.В. Домашенко, бытийности. Он назван «пародией» на Бога [4, с. 172]: «Там, где мы приближаемся к уяснению подлинной онтологии поэтического творчества, – там автора уже нет» [4, с. 174]. Мыслитель противопоставляет Истину и индивида, отказывая последнему в возможности подлинного поэтического творчества. В этом вопросе «берега» двух теорий никогда не сойдутся.

Поэзия и Священное. Poleмика с М.М. Гиршманом. Как отмечалось, в работах А.В. Домашенко неизменно варьируется мысль о едином истоке прекрасного и священного: «Красота – это явленность Священного» [4, с. 110], «истинная красота – источник вечной жизни» [5, с. 50] и т.п.

Иногда это приобретает вид триады: священное – язык – поэзия: «Язык хранит священное содержание, которое переживается в поэзии как красота»; или: «В Священном как красоте сущность языка проявляется поэтически» [4, с. 49]. В другом месте сказано: «в его (языка) глубине таится живой источник всякой поэтической строки. Приобщение к этому источнику, истоку, позволяет... пережить истинно лирическое как священное, а священное как истинно лирическое» [4, с. 195]. В поэзии, таким образом, священное и прекрасное, едины. Подобное приведение к одному знаменателю вызывает обоснованные возражения, ясно сформулированные М.М. Гиршманом: «...становление искусства связано с осознанием его именно как особой творчески создаваемой реальности, отличной от сакральности культа...» [2, с. 541]. Он напоминает, что в произведении священный исток и секулярная повседневность сопresentуют в акте творчества: прекрасное – не может быть сведено к священному – оно «всеоживляющая связь» (Гёте) «разрывов бытия» [2, с. 542].

Размышлению М.М. Гиршмана, вступающего в полемику с А.В. Домашенко, созвучно размышление С.Г. Бочарова, высказанное в дискуссии по поводу религиозной филологии: «Перед судом религиозной филологии сама поэзия утрачивает ту свободу и сложность своего положения между лежащей под нею жизнью и высшим духовным началом и свободу вопрошания в обе стороны, какую она обрела на независимом своем пути...» [1, с. 493].

С одной стороны А.В. Домашенко выражает вполне устоявшуюся мысль о способности поэзии «восполнять» существование человека, разрозненное и дисгармоничное, «призрачное существование», до Целого, давать возможность

переживать причастность целому, полноте бытия. Но каким образом эта возможность реализуется? По мысли филолога поэзия «хранит память» [4, с. 106] о целом: ««Поэзия хранит живое дыхание целого и сохраняет живыми все его... смыслы даже тогда, когда о давно прошедшем времени уже ничто, кроме нее, не напоминает» [6]. В таком истолковании поэтического отбрасывается мысль о «приращении бытия» (Г. Гадамер), творении небывалого, и упор делается на некоем «припоминании» того, что было изначально и вечно пребывает, что напрямую выводит в сферу религиозного опыта, обращает к проблеме сакрального.

А.В. Домашенко мыслит главную ценность художественного произведения как укорененную в сфере духа, стоящей за искусством, сближая опыт художественного творчества (и само чтение) с религиозным опытом. Апеллирование к данному заранее смыслу, который уже осуществлен и следует лишь «переоткрыть», «вспомнить» «утраченный смысл позабытых имен» (см., например, статью «Путеводный свет утраченных слов» [5, с. 6–11]).

Ценность поэтического произведения по А.В. Домашенко не создается в акте творчества, а существует до произведения, «всегда дана, а не создана» [4, с. 138]. Смысл не порождается впервые в авторском воображении, а «опредмечивается... в тексте» [5, с. 35], существуя до него и вне его, так что к этому смыслу происходит только «приобщение». Анализируя чеховский рассказ «Студент», ставший предметом обсуждения и своеобразным камнем преткновения в кругу донецких филологов, автор «Интерпретации и толкования» пишет, что присутствие этой заданной ценности «вовсе не исключает художественности, поскольку восходя к ней, мы не только не оставляем сферу красоты, но обретаем ее изначальную сущность» [4, с. 138]. Вопрос, однако, не снимается: это «восхождение» – попытка обретения религиозного опыта в обращении к эстетическому феномену – адекватно ли оно? Возможно ли это «непосредственное совпадение религиозного и художественного сознания» [1, с. 496]? Нет ли здесь подмены главного предмета, заблуждения и, наконец, даже самообмана?

Наконец, обозначается гносеологическая проблема: выходит, что без веры, без религиозного опыта ни приближение к поэтическому смыслу, ни даже адекватное восприятие «концепции» А.В. Домашенко невозможны, и «мышление из Тайны» оказывается не более, чем красивой метафорой. Формулируется категорическое требование: сначала вера и культ, и только затем сама возможность приближения к постижению поэзии: «Целокупное разумение, будучи неотрывным от благочестия, оказывается возможным, когда оно... благоговейно, влекомое горним в пределах культа вступает в сферу действия божественного права... Вопрошающее мышление – целокупно» [5, с. 67]. Но так ли в действительности обстоит дело с поэзией? Едва ли: поэзия открыта и для сколь угодно светского мировоззрения.

Не хочется отбрасывать проблему, указывая на несводимость сфер прекрасного и священного друг к другу, на автономность сферы искусства и т.п. в силу того, что само это указание ровным счетом ничего не объясняет. Соприкосновение областей священного и прекрасного и неизменная потребность самого искусства обращения к религиозному опыту невозможно отрицать. Однако и утверждение А.В. Домашенко, что «задача поэзии та же, что религии... только средства ее иные» [4, с. 106], вызывает внутреннее сопротивление. Мыслитель здесь слишком категоричен: «Самоценное» эстетическое всегда вторично по отношению к этой «несотворенной красоте» [4, с. 138]. В некотором смысле, все вторично по отношению к Творцу, но человеческое творчество имеет и **свой** внутренний смысл, связанный в «несотворенной красотой», но не сводимый к ней.

Здесь уместно привести возражения, которые высказал М.М. Гиршман относительно комментария чеховского «Студента», предложенного автором «Интерпретации и толкования». Эти возражения как раз обращены к осмыслению взаимоотношений прекрасного и священного. Для А.В. Домашенко художественное произведение обладает ценностью только в силу своей *укорененности* в священном, для М.М. Гиршмана – ценность искусства заключена в нем **самом по себе** и скорее выступает в область предельно широко понятой **этики**: «Чехов не Бог и не создает высший, священно-символический смысл «из ничего», но едва ли столь же бесспорно, что Чехов к этому смыслу просто «апеллирует»... он создает художественное произведение... как эстетическое проявление... высшего смысла в словесной плоти. И если это не создание высшего смысла, так сказать, впервые, то, безусловно, его воссоздание... развитие, объединение смыслообразующей энергией его священного истока и секулярной, даже бытовой повседневности» [2, с. 541].

Говоря о единящей силе искусства, М.М. Гиршман настаивает, что оно способно объединять верующих и неверующих. Оно не «инструмент» спасения, но обладает способностью возвращения человека к самому себе в свете высшего смысла бытия. Художественное творчество в языке способно прояснять «возможности, пределы и масштабы человечности в «промежутке» между равно неплодотворными обожествлением авторской индивидуальности и ее деонтологизацией» [2, с. 542]. По М.М. Гиршману, поэтическое творчество, будучи обращенным к всеобщему, не сводится на личный опыт, но и не возможно без него. Поэтому автор не просто напоминает о священном смысле, апеллирует к истоку древних смыслов, но оказывается причастным ему именно и только как творец «особого рода жизни этих смыслов», как «создатель художественной реальности их бытия в поэтическом слове», проявляющий их в «эстетической очевидности» [2, с. 542]. Автор-творец по мысли М.М. Гиршмана существует как посредник между этой сотворенной реальностью и «действительным единством бытия – жизнью» (М.М. Бахтин), в которую он вовлечен.

Позиция М.М. Гиршмана «классична» (построена на «классике» и проникнута ее взглядом на творчество, на человека, на бытие), теория А.В. Домашенко – постклассична. В ситуации, когда некое гармоничное равновесие прекрасного и священного в искусстве, человеческого и божественного в творческом акте, оказываются остро проблематичными, выбор делается в пользу священного, а «слишком человеческое» в искусстве приносится в жертву. Однако этот выбор оказывается как бы противоестествен: как если бы эта жертва была негодна Богу.

Ценностная дифференциация поэзии: *поэзис* и *поэтике техне*. Важным в аксиологическом отношении является различие качественная дифференциация поэтического, производимая в теории А.В. Домашенко: разделение на «поэзис» (поэзия как священная речь) и поэтике техне (поэтическое искусство, построенное на мимесисе). Традицию этого разделения филолог связывает с именем Платона, говорящего в своих диалогах о манической поэзии и миметическом искусстве [4, с. 208 – 215]. Маническая поэзия онтологична – это бытие в его священном содержании, миметическое искусство – реализуется эстетически в сфере представляющего мышления и связана не с «даром богов», а с мастерством человека-художника.

Согласно учению А.В. Домашенко подлинной ценностью обладает лишь *поэзис, священная речь*. Ценность *поэтике техне* вторична, зависима: «В поэтике техне, зыблясь отраженным светом, высвечивает существо поэзис» [5, с. 51]. Этот тип поэтического осмыслен Аристотелем в его «Поэтике» и надолго объявлен в теоретических построениях единственным легитимным видом словесного творчества

(см., например, известную работу Ж. Женетта [7]) – автономной сферой поэтического искусства.

А.В. Домашенко развивает оригинальную идею об *орудийности языка*, которая может быть в его номинации *казовой*, *символической* или *инструментальной*. Первые две возможности, указывающие на принадлежность языка сфере священного, реализуются поэтическим словом. Для инструментального языка поэтическое закрыто.

По мысли филолога, поэзия в ее высшем качестве способна обнаруживаться благодаря *казовой орудийности языка*, например, в произведениях античных авторов (частотный пример в его работах, гимны Пиндара «на случай» в различных модификациях этого архаического жанра). Здесь воплощается прямое выговаривание бытия в его священном смысле, происходит помещение восплаемого события в актуализированный мифологический ряд, *воздвижение* того или иного *лада* – «соприсутствия людей и богов», их «соратничество», явление истины в ее «несокрытости», осуществляющееся благодаря песне [5, с. 98]. *Лад* в толковании А.В. Домашенко – «явленная полнота бытия: самопроявление божественности божественного и человечности человеческого в их взаимосвязи» [5, с. 41].

Вторая возможность воплощения для поэзии как таковой – *священно-символическая орудийность* языка, открывающаяся в эру христианства (пример А.В. Домашенко, гимны священномученика Дионисия Ареопагита). Здесь речь идет об *иеронимии* (священном именовании) [5, с. 68]. Священно-символическое начало способно выявляться и в стихотворениях различных поэтов, вплоть до современности (в статье «О принципах эстетического завершения» названы имена Г. Р. Державина, А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева, Ю.П. Кузнецова, О.Г. Чухонцева и других поэтов [4, с. 111]).

Этот принцип завершения филолог считает, наряду с первым (*казовой орудийностью*), наивысшим. В названной работе поясняется, каким образом священное определяет конкретные возможности эстетического завершения в литературе последних двух столетий и предлагается своеобразная типология взаимоотношений священного и эстетического: «можно выделить три основных типа эстетического завершения: символично-антиномический, символично-эмпирический и символично-синномический» [4, с. 111].

Данная типология подробно проиллюстрирована анализом произведений различных поэтов, досконально прописана (она имеет дальнейшее дробление), так что любые уточнения здесь возможны только при общем принятии этой типологии и могут быть отнесены лишь на счет деталей. Принципиальный тезис: ценность художественного произведения определяется мерой, степенью явленности священного в нем остается предметом веры, принимаемых или нет исходных положений.

Предложенная дифференциация поэтического позволяет примирить многие теоретические расхождения в толковании поэзии А.В. Домашенко с филологами, не принимающими его учения в целом. Достаточным оказывается конкретизировать: это *поэзис* – священное со всеми вытекающими последствиями, а это *поэтике тэхне* – многого от него не требуя, а в третьем случае тоже *тэхне*, но качеством повыше...

Вполне закономерно не снимается вопрос о критерии причисления того или иного произведения к являющему священное, *укорененному* в этом истоке. Приведем его в варианте А.А. Кораблева: «Остается непонятным, как и чем измерить эту «укорененность» и, вообще, её идентифицировать» [9, с. 173]. Сказано категорично и несколько механистично, но по существу. Складывающаяся в трудах А.В. Домашенко картина местами являет собой демонстрацию вменяемой самому себе

своеобразной особой власти: ведь все несогласное с авторитарно устанавливаемой новой доктриной в филологии объявляется негодным и прямо дьявольским [5, с. 60]. Приходится констатировать, что резкий отказ от устоявшихся в литературоведении путей постижения поэзии, постоянное обещание нового духовно-смыслового прорыва в этом постижении, обретения исконного филологического знания порой оборачиваются слегка прикрытой, но суровой проповедью веры (на свой лад), а порой и попыткой манипулирования читателем (потенциальным адептом учения) с помощью *Тайны* и т.п.

Здесь мы упираемся в уже обозначенную проблему специфики религиозной филологии как таковой. В контексте достаточно широкой полемики вокруг этой темы Т.А. Касаткина указала: «современная «научность» и религиозное мышление несовместимы как системы разным образом и на разных основаниях конструирующие и объясняющие мир» [8, с. 468]. Далее филолог ясно очерчивает «водораздел» двух стратегий мышления. На самом деле, столь однозначный ответ на вопрос о «совместимости» невозможен, это большая тема для отдельного разбора.

Нетрудно заметить, что *поэзис* в толковании А.В. Домашенко воплощается преимущественно в чистой лирике (псалмы, гимны, песнопения, с оговорками – отдельные стихотворения). Хотя в качестве примеров мышления, *руководимого именами* А.В. Домашенко, приводит не только лирику Ф.И. Тютчева или Ф. Гельдерлина, но и прозу Н.В. Гоголя, И. Во, первенство остается за лирикой. Теория литературных родов становится специально выделенной темой в книге «Об интерпретации и толковании» (2007), что свидетельствует о важности типологического компонента филологической теории, важности качественно-ценностного критерия для осмысления поэтического творчества.

Специально сказано о пограничном положении (между священной речью и подражанием) древнегреческой трагедии [4, с. 214]. Само аристотелевское понятие катарсиса А.В. Домашенко связывает с действием священного. Комментируя то место «Политики», где Аристотель говорит об исполнении «религиозных песнопениях», донецкий филолог поясняет, что очищение связано не столько с «эстетическим удовольствием» от подражания, сколько с идеей духовного исцеления [4, с. 190]. Но опять же наиболее убедительно это доказывается на материале лирики, происходящей из «заклинаний и прорицаний», а не, например, в разборе трагедии Еврипида. В статье «О чистой лирике и сущности языка» А.В. Домашенко опирается на определение В.И. Иванова, называющего такую «чистую лирику» – «иератическим стихом» (от иерофания – явление священного). Лирические жанры с их выразительным (а не изобразительным) началом ближе священному истоку поэзии.

Главным конструктивным моментом *поэтике тэхне*, построенной на мимесисе, по мысли донецкого филолога является эстетическое завершение [4, с. 106], связанное с *представляющим* мышлением, противопоставленным вопрошающему, в котором возможно поэзия как бытие. Ученый различает *иконику* и *эйдетику*. *Иконика* – «образность, в которой священное выступает онтологической основой красоты», а *эйдетика* – «образность, в которой эстетическое оказывается автономным по отношению к священному» [4, с. 110]. Только в усилии подражания «онтологическому событию» явления священного (священной речи) «поэтическое искусство обретает смысл» [5, с. 94], «поэтическое искусство чего-то стоит лишь тогда, когда оно оживлено живой водой – подспудным присутствием лада» [5, с. 118]. Другими словами *поэтике тэхне* обретает ценность в своей обращенности к *поэзис*.

Поэтике тэхне (поэтическое искусство) – усилие, *жест* мастера – попытка воссоздать в подражании *поэзис*, «подобие онтологического события» [5, с. 94] или, в

другом отношении, сам завершённый художественный мир, но никак не произведение в его материальной определенности (текст): «Сущность поэтики *тэхне* непосредственно заключена не в слове текста в его лингвистической, доэстетической данности, также и не в столкновении высказываний («социальных диалектов»), раскрывающих идеологический, мировоззренческий контекст действенной сферы, но в образе: не убивающем жизнь, но иносказательно являющем ее смысл» [5, с. 51]. Без этого высшего ориентира искусство утрачивает «онтологическую серьезность» и какую бы то ни было ценность, иссякает в отрыве от бытия, становится «тенью тени» (Платон).

Вполне закономерно у А.В. Домашенко вслед за традицией, идущей еще от Платона (диалог «Государство»), появляется критика таким образом понятого миметического в целом. В представляемой парадигме эта критика существенно усиливается подозрительностью к искусству в целом, формирующейся в лоне иудейско-христианской традиции. Характерно в этом отношении размышление филолога о катарсисе, связанном с восприятием художественного произведения, который радикально в сравнении с Аристотелем перетолковывается: «Необходимым условием катарсиса является способность узреть в трагической ситуации «правду без покрова» (Е. Боратынский), т.е. именно без «нас возвышающего» эстетического обмана, во всей ее онтологической безысходности. В онтологическом смысле катарсис – это не сопереживание Гамлету... а преображение через покаяние» [5, с. 75]. Естественно, хочется спросить: то ли ожидается от искусства (пусть даже и от Шекспира), что оно, вообще, способно дать? Сближая поэтологическую номинацию с религиозной, кажется, можно предложить **преображение**, но *покаяние*, решительно порывает со сферой эстетического в принципе. А с другой стороны, а что же способно дать искусство, лишённое этой серьезности по финальным меркам, – «наслаждение, без которого можно и обойтись» (Г. Лессинг [12, с. 66])?

Поэзия и действенная сфера. В поэтике *тэхне* эстетическое изначально «сопряжено со сферами познания и действенности» [5, с. 79]. Опираясь на поэтику Аристотеля, современный филолог аргументировано утверждает, что мимесис как творческий принцип предполагает принципиальную нерасторжимость областей познания, этики и эстетики (с преобладанием последней): «Художественный образ с его не просто совмещением, но интегральным единством онтологического, гносеологического и аксиологического моментов является концентрированным выражением самой сущности поэтики *техне*» [5, с. 82]. Согласно А.В. Домашенко, сфера эстетического позволяет состояться миру, в котором уже недоступно *соприсутствие* Бога и человека как событие непосредственного бытия. Пока искусство ориентировано на это священное событие, оно еще живо. Однако постепенно все большую роль в миметическом творчестве начинает приобретать *действенная сфера*, которая грозит забвением священного истока. Для поэзии в высшем смысле, к которой обращено поэтическое искусство (эстетическое), бытием обладает только то, что священно, а *действенная сфера* – вне священного.

Окончательный разрыв связей и смещение события бытия в автономную священную *действенную сферу* бесповоротно происходит в наше время, и «поэтическое искусство, подчинившись действенной сфере», теряет главное в себе: «способность осуществлять конститутивную для него интегрирующую функцию» [5, с. 88]. Это, конечно, звучит своеобразным надгробным псалмом над подлинным искусством, еще одной редакцией его отрицания в современном мире (в данном случае, с позиции самой духовной жизни).

Голос донецкого филолога присоединяется к разноголосому хору мыслителей, прощающихся с поэтическим искусством в его священном смысле, провозглашающих его «закат», «умирание» (В. Вейдле) и тому подобное. По словам А.В. Домашенко уже у Александра Блока «жизни гибельный пожар» затмевает «бледные зарева искусства» [5, с. 88]. Мыслитель констатирует утверждение в XX веке (в широко понятой современности) в качестве основной событийной области действенной сферы (повседневности, т.н. *casual*, существующей вне священного, помимо него, в однородности профанной среды). По его словам, место и роль поэзии в так ориентированном мире представляются ничтожными, ее ценность стремится к нулю: «действенная сфера становится самодостаточной и ни в какой поэзии не нуждается» [5, с. 90]. Наступившая эпоха, по его мнению, грозит опасностью окончательной утраты человеком своего должного человеческого состояния, причастности истине: «...Бог, поэзия, а также наполненная онтологическим содержанием мысль («свободное мыслительство») оказывается вне той области, в которой отныне протекает жизнь человека» [5, с. 91]. Напоминание, сосредоточенное в поэзии, становится все более затруднительным, концентрируясь в «кыё!» (О. Чухонцев, «Фифиа»). Поэт более не пророк, открывающий бытие, и даже не его причастный свидетель, соучастник бытия. Поэту отводится ничтожная роль то ли «зазывалы на рынке» (М. Цветаева о В. Маяковском), то ли «гистриона» (скомороха, шута), развлекающего публику на досуге, о чем резко и при этом убедительно пишет А.В. Домашенко.

Думается, сегодня на смену действенной сфере как преобладающей области бытия человека приходит некая десокрализованная виртуальность, в которой положение поэзии, как особого рода высказывания, становится еще более эфемерным. Хотя, кто знает: за погружением в ад ведь следует Воскресение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочаров С.Г. О религиозной филологии / С.Г. Бочаров // Литературоведение как проблема: сборник науч. трудов памяти А.В. Михайлова / под ред. Т.А. Касаткиной. – М.: Наследие, 2001. – С. 483–498.
2. Гиршмана М.М. Литературное произведение в свете философии и филологии диалога // Литературное произведение: Теория художественной целостности / М.М. Гиршман. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – С. 539–546.
3. Домашенко А.В. Интерпретация и толкование / А.В. Домашенко. – Донецк: Донецкий государственный ун-т, 2000. – 162 с.
4. Домашенко А.В. Об интерпретации и толковании / А.В. Домашенко. – Донецк: ДонНУ, 2007. – 276 с.
5. Домашенко А.В. Филология как проблема и реальность / А.В. Домашенко. – Донецк, 2011. – 175 с.
6. Домашенко А.В. Об онтологии поэтического творчества (2017): [аудиозапись]: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=OTxCJkY3hEA&t=2s>
7. Женетт Ж. Введение в архитекст // Фигуры: работы по поэтике: в 2 т. / Жерар Женетт; перевод Е. Васильевой. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 1998 – Т. 2. – 1998. – С. 282–340.
8. Касаткина Т.А. О литературоведении, научности и религиозном мышлении // Литературоведение как проблема: сборник науч. трудов памяти А.В. Михайлова / под ред. Т.А. Касаткиной. – М.: Наследие, 2001. – С. 461 – 468.
9. Кораблев А.А. О поэтической изобразительности и эстетической целесообразности / А.А. Кораблев // Литературоведческий сборник. – 2002. – № 10. – С. 168–181.
10. Кораблев А.А. О религиозности и научности филологического знания / А.А. Кораблев // Литературоведческий сборник. – Донецк, 2002. – № 11. – С. 9–27.
11. Куралех А. Поэзия веры и поэтика общих мест: о книгах Дмитрия Трибушного / Алексей Куралех // Дикое поле. – 2010. – № 15. – Режим доступа: http://www.dikoeполе.org/numbers_journal.php?id_txt=642

12. Лессинг Г.Е. Лаокоон, или О границах живописи и поэзии / Г.Е. Лессинг; перевод Е.Н. Эдельсон. – М.: ИЗОГИЗ, 1933. – 206 с.
13. Любецкая В.В. О единстве стиля и онтологическом направлении донецкой филологии // Статьи по теории и истории литературы / Виктория Валерьевна Любецкая. – Харьков: НТМТ, 2015. – 187–196.
14. Мных Р.В. Об интерпретации художественного произведения / Р.В. Мных // Литературоведческий сборник. – Донецк, 2000. – № 3. – С. 220–232.
15. Роднянская И.Б. «У этого рода занятия есть свое сердце...»: / И.Б. Роднянская; беседу вела Т.А. Касаткина // Литературоведение как проблема: сборник науч. трудов памяти А.В. Михайлова / под ред. Т.А. Касаткиной. – М.: Наследие, 2001. – С. 499–510.
16. Федоров В.В. Проблемы поэтического бытия: сборник научных работ / В.В. Федоров. – Донецк: Норд-Пресс, 2008. – 490 с.

Поступила в редакцию 20.05.2019 г.

ON THE MEANING AND VALUE AS INTERPRETED BY A.V. DOMASHCHENKO

O. R. Minnullin

The article deals with the axiological analysis of the philological theory by Alexander Domashchenko. The paper addresses the language of the thinker and criticism of the fundamental principles of his concept of inquiring thinking and poetry as a sacred speech. It also presents the study of the polemical context provoked by his theory among Donetsk philologists.

Key words: A. V. Domashchenko's theory, poetry, fundamental ontology, inquiring thinking, beautiful and sacred.

Миннуллин Олег Рамильевич.

Кандидат филологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры истории русской литературы и
теории словесности.
E-mail: papulia@yandex.ru.

Minnullin Oleg Ramilevich.

Candidate of Philology, Docent.
Donetsk National University.
Associate Professor of the Department of the History
of Russian Literature and Theory of Literature.
E-mail: papulia@yandex.ru.

УДК 81'373.2

ПОСЁЛКИ ДОНЕЦКА КАК ОБЪЕКТ НОМИНАТИВНОЙ ИСТОРИИ

© 2019. В.И. Мозговой

ГОУВПО «Донецкий национальный университет»

Предлагается классификация урбанонимов, исходя из их исторической и лингвистической ценности. Описывается специфика урбанохоронимии в городе Донецке, которая совмещает в себе древнюю и современную традиции именовании. Отделяются официальные урбанонимы от их народных интерпретаций, связанных с ситуативным осмыслением истории региона. Определяются направления в методике работы над словарем внутригородской хоронимии и приводятся примеры словарных статей для наиболее типичных названий городских посёлков.

Ключевые слова: урбанохоронимия, двойственность номинаций, номинативная история, региография.

Введение. Названия посёлков в городах, подобных Донецку, представляют собой особый пласт региональной топонимики – наиболее ценный для науки, но наименее изученный из-за молодости, неизвестности происхождения и постоянной коннотативно-речевой коррекции [6]. Способы их фиксации в языке предугадать необычайно сложно, поэтому топонимистов и политиков интересуют чаще всего названия городов, областей, стран или объектов гидронимии. Первые видят в них оригинальный материал для этимологических исследований, «...позволяющих интерпретировать лингвистические факты национально-языковой картины мира, а вторые настаивают на исторических акцентах, манипуляция которыми позволяет им изменять общественное сознание. При этом...они забывают о микротопонимии – сравнительно молодом, но наиболее распространённом и максимально приближенном к конкретному человеку разряде онимной лексики...» [4, с. 89].

Цель статьи – описать специфику микротопонимической модели именовании на примере названий посёлков города Донецка и предложить методику отображения их номинативной истории в словарях.

Основная часть: Констатация неоднозначности определений, возникающих при исследовании топонимии городов, обусловлена рядом причин и обстоятельств, которые кажутся непринципиальными для абстрактной ономастики, но обнажающими материальные проблемы в конкретном номинативном пространстве.

1. Проблема онимной терминологии. В региональном аспекте она заложена в постоянно употребляющихся, но не всегда имеющих научный смысл понятиях *микротопоним*, *хороним*, *ойконим*, *урбаноним* и *эргоним*.

Микротопонимами в ономастике принято считать названия небольших географических объектов, находящихся внутри населённых пунктов, но отличающихся неустойчивостью употребления и немотивированным переходом в другие разряды онимной лексики. В таком понимании они противопоставлены *макротопонимии* – названиям крупных объектов *биосферы*¹ или *ноосферы*² с расширенной сферой их

¹**Биосфера** (от *греч. bios*– «жизнь» + *sphaira* – «шар») – это оболочка Земли, состав, строение и энергия которой определяются природными явлениями и живыми организмами. Первые данные о ней принадлежат Ж.Б. Ламарку, а понятие разработано австрийским геологом Э. Зюссом в 1875 г.

функционирования и высокой степенью устойчивости. Разделение топонимов по принципу *микро-/макро-* исключает, таким образом, их конкретную объектную характеристику, что, по мнению А.В. Суперанской, стирает отличия микротопонимов от урбанонимов: первые становятся ведущими, первичными, а вторые – опосредованными [13]. Кроме этого, если топонимная классификация опирается на количественно-языковые (*Полесье, Подонцовье; Макеевка, Рабочие Городки; ул. Речная, Театр кино*), а урбанонимов – на качественно-материальные признаки (*улица, площадь, памятник, учреждение*), то не совсем понятно, можно ли к последним отнести названия посёлков, входящих в состав городов.

Вряд ли можно считать мотивированным и их отнесение к *хоронимам* (от др.-греч. *ορος* – «межевой знак, граница, рубеж» + *ὄνομα* – «имя, название»), за которыми кроются как небольшие (*луг, микрорайон*), так и обширные территории (*область, административный район, государство*), воспринимаемые в качестве автономных или самостоятельных единиц созданной человеком *онимосферы*³.

Чаще всего поэтому названия посёлков включают в состав ойконимии или урбанонимии, хотя в такой интерпретации тоже есть свои белые пятна.

Под *ойконимом* (от др.-греч. *οἶκος* – «жилище, дом» + *ὄνομα* – «имя») традиционно понимают названия любых расположенных отдельно населённых пунктов, как сельских (*комонимы*), так и городских (*астионимы*). В этом есть свой резон: большинство городов Донбасса исторически формировалось на основе шахтных, заводских, железнодорожных или энергетических поселений. Но когда они «поглотились» городским пространством, как это произошло, например, с единичными посёлками *Боссе, Смолянка, Гладковка* в Донецке, *Красный Молочник* в Славянске или *Ханжёнково* в Макеевке, то, естественно, потеряли узаконенные ранее границы обособленных территорий и выпали из разряда ойконимии.

По этой причине стало возможным существование городов в составе более крупных мегаполисов (*г. Мостино* в городе Донецке или *г. Святогорск* в городе Славянске) и даже их «вторичность» по отношению к посёлкам (так, *город Новый Свет* в Донбассе административно подчинён более древнему сельскому поселению *Старобешево*, являющемуся, между тем, районным центром).

К *урбанонимам* (от лат. *urbanus* – «городской» и *ονυτα* – «имя») относят не только названия городских улиц, площадей, кварталов, бульваров, переулков, тупиков, набережных, проспектов и отдельно расположенных домов, но и памятников, театров, музеев, учебных заведений, кафе, гостиниц или магазинов. Последние статуируются в

²**Ноосфера** (от греч. *Noos* – «разум») – это высшая стадия развития биосферы, разумно управляемой человеком. Термин был введён в научный оборот французскими учёными Э. Леруа и П. Тейяром де Шарденом, а учение о ноосфере принадлежит В.И. Вернадскому [1], согласно которому ноосфера связана с возникновением и установлением цивилизованного общества. Разумная деятельность становится главным фактором его развития, а человек – ответственным за сохранение жизни на Земле.

³ Современная ономастика в этом случае не столько и не совсем констатация имеющихся в языке номинаций с описанием их вариантов в речи. Её основной целью, кроме выявления причин появления отдельных единиц онимной лексики на определённом этапе развития общественно-правового сознания, является разработка общих принципов именования объектов человеческой цивилизации. Опираясь на учение В.И. Вернадского о *ноосфере* [1], мы определяем её как *онимосферу*, фиксирующую человека как личность (субъектный мир) и освоенный ею объектный мир. Её основной единицей является собственное имя – средство выделения в языке созданных и/или осмысленных человеком конкретных явлений и предметов действительности. При таком понимании ономастика уходит своими корнями, скорее, в философию языка, нежели в сам язык. Ведь лексическая система языка **отражает действительность**, а проприальная культура **создаёт и материализует её** [5].

качестве *эргонимов* – «гибридных» собственных имён (СИ)⁴ деловых объединений, союзов, организаций, учреждений, корпораций, предприятий или обществ.

Онимное пространство представляется в такой концепции в виде поля с центром и периферией, где центр заполняется собственно *урбанонимами* (названиями внутригородских объектов), а периферия – остальными типами номинаций (*эргонимами*, *дромонимами* и др.), в состав которых включаются и донецкие посёлки, хотя они ни исторически, ни структурно-грамматически, ни функционально-стилистически несопоставимы ни с линейными (*улицами*, *проспектами*), ни с точечными объектами городского ландшафта (*памятниками*, *театрами*, *заводами*, *шахтами*, *учебными заведениями*).

Выводы.

1) Внутригородские посёлки Донецка нельзя отнести ни к одному из анализируемых разрядов онимосферы, хотя допускается, что их названия могут появляться при переосмыслении первичного урбанонима или эргонима, например: *Калининский район* > *микрорайон «Калиновка»*, *гастроном «Украина»* > *остановка «Украина»* (часть территории Ворошиловского района г. Донецка вокруг уже не существующего гастронома), *обувная фабрика «Контур»* > *микрорайон «Контур»*, *Макаронная фабрика* > *посёлок «Макаронка»*) и т.п.

2) Не различаясь количественными характеристиками микро-/макротопонимии или социально маркированными приметами эргонимии, посёлки в городах могут квалифицироваться исключительно как единицы *урбанохоронимии* (от лат. *urbanus* – «городской» и др.-греч. *ορος* – «межевой знак, граница, рубеж» + *ὄνομα* – «имя, название»), изучающей названия внутригородских пространственных объектов: как очерченных официально (названия районов и микрорайонов), так и условно эквивалентных им, но подвергшихся регионально мотивированной трактовке границ, усиленной коннотативной обработке и узуальному нормированию, одинаково воспринимаемому в любых диалектных, просторечных и межъязыковых вариантах⁵.

2. Проблема топонимических норм. С юридической точки зрения нормой в ономастике считается официальная версия СИ, зафиксированная в письменной редакции и закреплённая законодательно. Но такая трактовка не всегда совпадает с интересами социума, который «теряется» в бесчисленных актах переименований и изменений форм «законной» номинации. Это убедительно доказывает отечественная модель «управления» номинативными процессами, формирование которой можно условно разделить на четыре этапа.

Первый этап, связанный с совершенствованием контроля власти над личностью, был мотивирован принятием христианства и вступлением человечества в историческую

⁴В состав гибридных СИ так или иначе входят два элемента:

1) зримо или незримо присутствующий номенклатурный термин с возможными описательными языковыми конструкциями, имеющими лексическое значение и требующими перевода на другие языки (*улица*, *площадь*, *государственный университет*, *памятник*);

2) обязательный компонент с чётко выраженной адресной функцией, представляющий не только мемориального, домысленного, но и обязательно реального собственника конкретного объекта номинации (*улица Генерала Антонова* (собственник – Ворошиловский район г. Донецка), *площадь Свободы* (собственник – Кировский район г. Донецка), *Донецкий государственный университет* (собственник – коллектив учебного заведения) и т.п.

⁵Единое понимание смысла лексемы в разных языковых, диалектных и просторечных формах, употребляемых в определённом региональном контексте, является главной отличительной чертой *региолекта* от территориально или социально маркированных разновидностей общенародного языка – *диалектов*, *жаргонов*.

(письменную) эпоху (X–XVII вв.). Кодированная письменная речь исключала неконтролируемые коннотации и стихийность языческого сознания, сопровождавшегося вариативностью номинаций, не имеющих отношения к собственности и собственным именам как таковым. Это был цивилизационный акт, призванный обеспечить регулирование имущественно-хозяйственных, торговых и духовно-культурных отношений при помощи появившихся на месте субстантивной лексики специфических атрибутов права – собственных имён. Процесс их становления, однако, был отнюдь не мирным. Он сопровождался насильственной «переделкой» языческого сознания и привязкой СИ к потребностям церкви, княжеской (царской) власти и государства⁶.

По мере распространения христианства, увеличения количества епархий, расширения территорий и усиления государственных структур формировалась собственно русская онимная система, закрепляющая особые права селений на Руси (*Киева, Новгорода, Изборска, Полоцка, Ростова, Муром, Ладоги, Белоозера, Смоленска, Любеча, Житомира, Переяславля, Чернигова, Пересеченя, Углича, Вышгорода, Искоростеня, Витебска, Перемышля, Мстиславля, Ростиславля*) и в Русском государстве (*Турова, Пскова, Тьмутаракани, Овруча, Владимира-Волынского, Переяславля-Русского, Витичева, Родни, Святополча, Червеня, Василёва, Москвы, Рязани, Белгорода-Киевского* и др.).

Второй этап (XVIII – нач. XX вв.) был связан с освоением юго-восточной окраины России, ярче всего представленной Донбассом, где ойконимия приобрела черты разнонациональной полифоничности, постоянно усиливающейся за счёт новой когорты собственников. Здесь переплелись «мелодии» восточнославянской, южнославянской, греческой, татарской, немецкой, английской, итальянской, французской, бельгийской, польской, армянской, еврейской и других культур, которые формировали новые подходы к онимным нормам. Они опирались на состоявшийся языковой узус, фиксируясь официально в многочисленных вариантах названий первичных посёлков, перерастающих затем в города *Алексеево-Леоново, Анадоль, Бахмут, Беловодск, Белолуцк, Белояровка, Ближнее, Большая Каракуба, Веселая Гора, Гришино, Дебальцево, Докучаевск, Дружковка, Еленовка, Енакиево, Ёвсуг, Иловайск, Катык, Клейн-Орловск, Комар, Константинополь, Краматорск, Кременная, Кременная Балка, Ларино, Луганск, Макеевка, Мангуш, Мариенполь, Ней-Ямбург, Нижняя Крынка, Новая Астрахань, Новопсков, Нью-Йорк, Остгейм, Русско-Орловка, Святогорск, Славянск, Славяносербск, Старая Карань, Старобешево, Староигнатьевка, Стыла, Урзуф, Харьцызск, Хацанетовка, Холодная Балка, Чердаклы, Чернухино, Чистяково, Широкая Балка, Эйхвальд, Юзово, Ялта, Янисоль* и др. [7; 11].

⁶В антропонимии этот период зафиксирован в «говорящих» вариантах языческих имён с функциями оберега (*Неждан, Беспят, Неупокой*) или пожелания (*Лев, Добрыня, Любава, Мечислав, Хорошайло, Будимир*), которые после принятия христианства «перешли» в канонические имена или фамилии, а в топонимии – в древних лексемах или метафорических вариантах со значением «вода», «река» или их качественных характеристик, позже воспринимаемых новым языковым носителем как гидронимы. Например, *Днепр, Днестр, Дон, Донец* «...означают, по-видимому, “широкая река” и “быстрая река”... Эти древнейшие названия принадлежат фракийскому языку» [3, с. 11]; *Самара, Самарчик, Самарка*, по всей видимости, характеризуют реку с извилистым течением, образующим «мешок» (ср. чагат. *самар* – “мешок”), «седло» (ср. тур. *семер* – “седло”) [9, с. 16–26] и т. п. К молодой относится лишь «...урумо-румейская топонимия северного Приазовья. А ойконимия области, лежащей между Бахмутом и Донецком с прилегающими к нему населёнными пунктами, вообще имела младенческий возраст. Наиболее «давними» в Диком Поле оказались гидронимы и топонимия Приазовья» [2, с. 6].

Третий этап (1917–1990 гг.) обозначил советский период онимной истории Донбасса, в котором сосуществовали две противоположные социальные тенденции.

Первая была связана со строительством объектов индустриализации и внедрением символов коммунистической эпохи, закреплённых законодательно в названиях градообразующих предприятий и посёлков *Авдеевка, Беззаботовка, Весёлое, Восход, Дзержинск, Днепроэнергия, Дружба, Дружное, Дружковка, Желанное, Золотое, Зоряное, Зугрэс, Карло-Либкхнетовск, Коминтерново, Комсомольское, Красногорка, Красный Луч, Ленинское, Мирное, Московское, Новый Свет, Счастье, Стаханов, Штергрэс, посёлок шахты «Красная Звезда», посёлок шахты Абакумова* и др. [7; 12].

Вторая оперировала идеологией разрушения «старого мира» при помощи переименований, восстановлений и новых переименований, искореняющих «вражескую» мемориализацию собственности, возникшую якобы уже в недрах социалистического строя: *Алексеевка – Алексеево-Леоново – Чистяково – Торез, Алчевск – Ворошиловск – Коммунарск – Алчевск, Бахмут – Артёмовск, Большой Янисоль – Великая Новосёлка, Гришино – Красноармейск, Грюнталь – Мичурино, Кадиевка – Серго – Стаханов – Кадиевка, Катык – Шахтёрск, Кривая Коса – Седово, Луганск – Ворошиловград – Луганск, Мариенполь – Мариуполь – Жданов – Мариуполь, Михайло-Леонтьевская – Новошахтинск, Новониколаевка – Будённовка – Новоазовск, Остгейм – Тельманово, Павловск – Петро-Марьевка – Первомайск, Соляное – Славянск, Сорокино – Краснодон, Софиевка – Карло-Марксово, Старый Керменчик – Старомлиновка, Тор – Красный Оскол, Хацапетовка – Углегорск, Чермалык – Заможное, Юзовка – Сталино – Донецк* и др.

Четвёртый этап (начиная с 1991 г.) был связан с судьбой Донбасса и донбассовца в составе Украины. Доведя до абсурда скрытые национально-идеологические настроения, она постепенно подвергла сомнению общую историю многочисленных народов и индивидуальную природу собственного имени.

Начало этому процессу положил якобы безобидный перевод СИ в украинскую языковую парадигму, например: *Артёмовск – Артемівськ* (Артём превратился в украинского Артема), *Горловка – Горлівка* (русский горный инженер Горлов стал Горлівим), рус. *Еленовка* (Россия) – укр. *Оленівка* (Украина) – рус. *Оленовка* (ДНР), *Никольское* (от *Никольская церковь*) – *Микільське* (от *Миколи*), *Красный Молочник* («красивый») – *Червоний Молочар* («связанный с большевиками»), *Углегорск* («город») – *Вуглегірськ* («гора»), *Константинополь* (греческий полис в честь римского императора Константина) – *Костянтинівка* (укр. «поле Костянтина»), *Рабочие Городки* (русский посёлок в Макеевке) – *Робітничі містечки* («украинские посёлки»).

Завершающий беспредел ознаменовался «захватом» номинативного фонда националистическими силами, действующими под прикрытием Постановления Верховной Рады Украины от 01.09.2015 г. «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрете пропаганды их символики».

Согласно этому документу, в Донбассе подверглись переименованию любые города, посёлки и объекты городской инфраструктуры, связанные с русской и советской историей: *Красноармейск* превратился в *Покровск*, *Тельманово* в *Бойково*, *Красный Партизан* в *Бетманово*, *Юнокоммунарск* в *Бунге*, *Кировское* в *Крестовку*, *Комсомольское* в *Кальмиусское*, *Тринадцатая Рота* в *Калинино*, *Ольховая* в *Успенку*, *Кировское* в *Голубовку*, *Красный Луч* в *Хрустальный*, *Вахрушево* в *Боково-Хрустальное*, *Петровское* в *Петрово-Красноселье*, *Артёмовское* в *Кипучее*, *Свердловск* в *Должанск*, *Каменка* в *Медвежье*, ул. *Свердлова* в ул. *Деконскую* (г. Артёмовск //

Бахмут), ул. Молодогвардейская в ул. Героев Украины (г. Славянск), ул. Лазо в ул. Героев Небесной Сотни (г. Краматорск) и т.п.

Выводы.

1) Расширение возможностей современной нормативной базы, сопряжённое с ограничением свободы народного онимотворчества, превратило номинацию в трудно поддающийся контролю процесс, губительный по своим последствиям для социума, его национальной истории и права. Пренебрежение социальными критериями повлекло за собой вычёркивание реального собственника из системы официального именования. Возрастание противоречий между социальной и официальной номинациями превратило их в опасную технологию, которую можно квалифицировать как закон обратно пропорциональной зависимости между уровнем политической «цивилизованности» и степенью социально-правовой защиты граждан. Чем убедительней казался контроль власти над процессами именования, тем изощёрнёнее становилось насилие над социумом и бесправнее сам собственник имени.

2) Расплывчатость принципов разделения эргонимии и урбанонимии, исходящая из представления номинаторов об общей графико-грамматической природе онимной лексики, превратило теоретико-языковую проблему их функционирования в социальную. Методика регулирования процессов именования государственных учреждений становилась непредсказуемой, совпадающей с неймингом владельцев частных предприятий [8].

3) Чтобы сохранить память об истории, социум вынужден, может и должен вырабатывать собственные способы защиты объектов номинации от внешнего диктата. Он стремится закрепить в речевом сознании большинства народные варианты онимных норм, не совпадающих с официальными, но позитивно действующих в конкретных регионально-языковых условиях. Официальные онимные нормы всё естественней игнорируются социумом, у которого невозможно отобрать право на сохранение правды о конкретных объектах номинации. Приспосабливая идеологическую трактовку имён к народным интерпретациям, он осознанно или неосознанно, стилистически правильно или неправильно, но отвергает утверждённые законом скрытые или явные переименования в эргонимии и урбанохоронимии, встречающиеся на каждом шагу.

В эргонимии:

– не *Муниципальное дошкольное образовательное учреждение «Ясли-сад компенсирующего типа для детей с нарушением опорно-двигательного аппарата № 167 г. Донецка», а Детский сад «Ягодка»;*

– не *Кафедра «Теоретическая механика», а кафедра теоретической механики;*

– не *Государственное высшее учебное заведение «Донецкий национальный университет им. Василя Стуса» (г. Винница) или Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» (г. Донецк), а Донецкий национальный университет.*

В урбанохоронимии:

– не *Пролетарский район, а Пролетарка;*

– не *Ларино, а Ларинка;*

– не *Ленинский район, а Боссе* и т. п.

В случае с урбанохоронимией районы города часто приобретают устноречевой статус посёлков, лишённых идеологических коннотаций и официальной территориальной закреплённости. В качестве иллюстрации приводим несколько типичных авторских словарных статей, в которых так или иначе подтверждаются выводы данной статьи.

Кал`ининский район (укр. *Кал`інінський район*; англ. *Kalininsky District*). Официальное название одного из районов г. Донецка. Имя прилаг.; образовано от фамилии *Калинин* при помощи суффикса *-ск*.

Неофициальное название **Кал`иновка** (см.). Расположен в северо-восточной части города Донецка. Территория – 22,5 квадратных километра, население – 109,5 тыс. человек. Основан согласно Постановлению ЦИК СССР № 173 от 02.09.1937 г. Назван в честь Михаила Ивановича Калинина – советского государственного и партийного деятеля, Председателя Президиума Верховного Совета СССР с 1938 по 1946 г.

В 1989 г. границы района изменились после выделения из него Ворошиловского и частично Будённовского районов на основании Указа Президиума Верховного Совета УССР от 12.04.1973 г., а также расширения за счёт присоединения к городу посёлка им. Котовского, который входил в состав Червоногвардейского района г. Макеевка.

Кал`иновка; имя сущ., ж.р.; Р.п. *-ки*, Д.п. *-ке* (укр. *Кал`інівка*; Р.п. *-ки*, Д.п. *-ці*). Неофициальное название, которое считают эквивалентом *Калининского района* (см.). Однако его история связана с тремя этапами развития территории как посёлка.

1. До 1937 г. большая часть современного Калининского района на левом берегу реки Кальмиус входила в состав *посёлка Рыковского рудника (Р`ыковка)*, названного по фамилии казачьего офицера П.П. Рыковского, в 1880 г. получившего во владения угольные копи на землях Войска Донского.

2. В 1937 г. *Рыковка* была переименована в *Кал`дник* (от фамилии *Кал`инин*), а затем согласно Постановлению ЦИК № 173 от 02.09.1937 г. – в *Калининский район*. Одновременно с этим произошло «народное переименование» *Бутовой балки* (ручья, впадающего в *р. Кальмиус*) в *Кал`иновую (Кал`инову)*. В её устье расположены современная *Донецкая областная больница имени М.И. Калинина* (с 1927 г. – *Ворошиловская больница*), получившая это имя в 1958 г., и *шахта имени М.И. Калинина*, сданная в эксплуатацию в 1961 г.

3. Форма *Кал`иновка* от «*кал`ина*» с прибавлением продуктивного для названий посёлков суффикса *-к-* появилась на основе народного переосмысления *Калининки* в *Калиновку* как территории вокруг *Кал`иновой балки*, не совпадающую с постоянно изменяющимися границами *Калининского района*. О связи *Калиновки* с *калиной* свидетельствует и украинский региональный вариант *Кал`инова* (или *Калин`ова*) *балка*, а не *Кал`ініна* или *Кал`інова* (ср. также с названием теннисного клуба «*Калинова балка*»).

Рутченково (до 1903 г. – *Рудничная*). Посёлок и железнодорожная станция в центральной части Кировского района. Имя прил., с.р., неизм. (но: укр. *Р`утченкове*, с.р., Р.п. *-вого*, Д.п. *-вому*).

Назван по фамилии дворянина Алексея Кирилловича Рутченко – прапорщика, получившего от царского правительства в 1817 г. после выхода в отставку 5 600 га земли на территории современных Кировского, Куйбышевского и Ленинского районов г. Донецка.

Его именем названы *Рутченковский пивоваренный завод* (первоначальное название «*Южно-Российский пивоваренный завод*», открыт в 1879 г. сыном Джона Юза Айвером) и *Рутченковский коксохимзавод* – дата основания 1898 г., который возник после того, как наследники А.К. Рутченко в 1896 г. продали земли посёлка *Французскому горнопромышленному обществу*. Таким образом, *пос. Рутченково* на 52 года древнее *Юзовки*, основанной в 1869 г.

Трудовск`ие, имя прил., мн. ч., неизм. (укр. *Трудівськ`і*). Сев.-зап. часть Петровского района. Как посёлок возник во второй половине XIX в., когда помещица Любовь Карпова

приобрела у жены коллежского секретаря Елизаветы Мизко именование *Трудовое*. Его история тесно связана с историей развития шахт и угольной промышленностью.

В 1873 г. по предложению управляющего *Горного и Промышленного Общества на Юге России* Александра Ауэрбаха и с согласия владельца именения «Трудовое» дворянина Петра Карпова в районе нынешнего посёлка шахты *Трудовская* были пробиты первые шурфы будущих шахт *Вознесенского рудника*. В 1888 г. от станции *Мандрыкино* к нему были проложены первые железнодорожные подъездные пути.

В 1923 г. был образован *Петрово-Марьинский район*, партийным руководителем которого в 1925 г. стал Никита Хрущёв. В 1924 г. на базе *Вознесенского и Трудовского рудников* было создано *Петровское рудоуправление*.

К началу XX в. в состав рудоуправления входили шахты № 16, 18, 21 и 22. Кроме того, *Рутченковское горнопромышленное общество* вело добычу на землях, купленных у помещиков Рутченко (шахты № 29 и 32). В 1905 г. был заложен *Трудовск`ой рудник* (совр. шахта «Трудовск`ая»), принадлежавший дочери П. Карпова Вере Пестеревой, а в 1913 г. – введена в эксплуатацию шахта № 1 «Проходка» *Вознесенского рудника* (нынешняя шахта им. Челюскинцев).

И только в 1937 г. на базе посёлка был образован *Петровский район*, потерявший самостоятельность и вошедший в состав города Сталино (Донецка).

В его современной номинативной истории соединилась множественность типичных черт донбассовца: шахтёрский труд (*пос. Трудовские*) и пролетарская идеология (*Петровский район*), связанные так или иначе с биографией Григория Ивановича Петровского – революционера и государственного деятеля, имеющего отношение к Юго-Востоку Украины и Донбассу.

Пролетарское сознание жителей этого района закреплено сегодня в народно-коннотативном варианте *Трудяги*, а его типичность – в повторяющихся топонимах других городов: «село Трудовское в Волновахском р-не, железнодорожная станция в Горловке (до революции 1917 г.)» [10, с. 170].

Заключение. Первичный материал будущего словаря урбанохоронимии свидетельствует о необычайной важности региографии и требует от филологической науки скрупулёзной фиксации быстро исчезающих устноречевых вариантов названий многочисленных посёлков Донецка с их тщательным научным описанием как памятников региональной истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление / В.И. Вернадский. – М. : Наука, 1991. – 271 с.
2. Калинин В.М. Задачи Донецкой ономастической школы сквозь призму филологического краеведения Донбасса / В. М. Калинин // In Nōminum Spatio (В пространстве имен) : Материалы II Международных ономастических чтений им. Е.С. Отина (22 – 23 октября 2016 г.) // Редколлегия : В.М. Калинин (отв. ред.) и др. – Донецк : Издание Фонда «Азбука», 2017. – С. 4–10.
3. Карпенко Ю.А. О гидронимах Днепр, Днестр, Турунчак / Ю.А. Карпенко // Русское языкознание : Респ. междувед. научн. сб. Вып. 4. – К. : Вища школа, 1982. – С. 11–14.
4. Мозговой В.И. Макропроблеми двомовної мікротопонімії. З досвіду роботи над мікротопонімією Донецька / В.І. Мозговий // Культура народів Причорномор'я. Научн. журн. № 142. Т.2. – Симферополь : Межвуз. центр «Крым», 2008. – С.89–92.
5. Мозговой В.И. Имена собственные и не собственные / В.И. Мозговой // Гуманитарно-педагогическое образование. Психология. Педагогика. Филология. Искусствоведение. Культурология. Научный журнал. – Т. 3, № 3. – Севастополь : СГУ, 2017. – С. 44–51.
6. Мозговой В.И. О судьбе ономастики в связи с трансформациями собственных имен в условные номинации / В.И. Мозговой // Гуманитарно-педагогическое образование. Психология. Педагогика. Языкознание. Научный журнал. – Т. 4, № 3. – Севастополь : СГУ, 2018. – С. 59–63.

7. Мозговой В.И. Ономастика Донбасса / Мозговой // Донецкий региолект : монография / В.И. Теркулов, Н.П. Курмакаева, В.И. Мозговой, К.В. Першина, И.А. Кудрейко и др.; под ред. В.И. Теркулова. – Донецк : Изд-во ООО «НПП «Фолиант», 2018. – С. 64–88.

8. Мозговой В.И. Нейминг и норма / В.И. Мозговой // Русский язык : исторические судьбы и современность : VI Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 20-23 марта 2019 г.): Труды и материалы / под общей редакцией М.Л. Ремнёвой и О.В. Кукушкиной. – М. : Изд-во Московского ун-та, 2019. – С. 345–346.

9. Отин Е.С. Гідроніми Східної України / Є.С. Отін. – Киев-Донецк : Вища школа, 1977. – 155 с.

10. Отин Е.С. Происхождение географических названий Донбасса / Е.С. Отин. – Донецк : Юго-Восток, 2014. – 199 с.

11. Першина К.В. Из истории ойконимов Донбасса / К.В. Першина // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Вып. 1. Донецк : ДонГУ, 1994. – С. 86–91.

12. Першина К.В. Из истории названий населённых пунктов Донбасса / К.В. Першина // Летопись Донбасса: Краеведческий сборник. – Вып. 2. – Донецк: Донбасс, 1994. – С.119–123.

13. Суперанская А.В. Микропонимия, макропонимия и их отличие от собственно топонимии / А.В. Суперанская // Микропонимия. – М. : Изд-во Московского университета, 1967. – С. 31–39.

Поступила в редакцию 17.05.2019 г.

DONETSK SETTLEMENTS AS OBJECT OF NOMINATIVE HISTORY

V.I. Mozgovoi

The author suggests a classification of urban names, which is based on their historical and linguistic significance. Donetsk urbanohoronimia is described, with its ancient and modern naming traditions being combined. Official urban names are distinguished from their folk interpretations associated with the situational perception of the region history. The approaches in the methodology of work at the Urban Names Dictionary are highlighted. The examples of dictionary entries for the most common names of settlements are presented.

Keywords: urbanohoronimia, duality of nominations, nominative history.

Мозговой Владимир Иванович.

Кандидат филологических наук, доцент.

ГОУВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры русского языка.

E-mail: mowi48@mail.ru.

Mozgovoi Vladimir Ivanovich.

Candidate of Philology, Docent.

Donetsk National University.

Associate Professor at the Russian Language Department.

E-mail: mowi48@mail.ru.

УДК 801.561

ЖУРНАЛИСТСКИЙ ТЕКСТ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ПОИСК УНИВЕРСАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ПОСТРОЕНИЯ

© 2019. Ю.Ю. Наливайко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена рассмотрению особенностей современного публицистического дискурса с анализом специфики его лексического и синтаксического уровней. Под углом синтаксического аспекта объектом рассмотрения стали категории экспрессивности современных публицистических текстов, которые активно используются в публицистическом стиле современного русского языка.

Ключевые слова: публицистический дискурс, нарратор, реципиент, продуктивные лексические и синтаксические ресурсы воздействия, метатекстовые конструкции.

Информация, представленная в публицистическом тексте, – это часть жизни современного человека. Способ презентации медиаматериала давно уже вышел за рамки книжных стилей: авторы опираются на стандарты СМИ и обязательный эмоционально-оценочный, в том числе окказиональный, элемент. Стандартность построения текста характеризуется такими тремя обязательными компонентами, сложно связанными между собой, как воспроизводимость, постоянство семантики и нейтральность окраски. Экспрессия позволяет автору усилить выразительность высказывания. Умелое сочетание стандарта и экспрессии – важный показатель публицистического мастерства.

Основным назначением публицистического стиля традиционно считается формирование гражданской позиции. Печатные и электронные СМИ используют все наглядные способы и средства влияния на ум и чувства реципиента. В их арсенале – аудио-, видеоконтент и Слово.

Целью статьи является определение ключевых особенностей современного публицистического текста с опорой на синтаксический уровень реализации языковых средств.

В медийном пространстве неординарность формулирования мысли, эпатирование адресата, преобладание субъективного анализа, использование определённых синтагматических и парадигматических средств оправдываются желанием заинтересовать аудиторию, «привить» определённую позицию. Авторы статей печатных и электронных СМИ, учитывая способность языка фиксировать и ретранслировать социально значимую информацию, выделенную современным социумом как важную, актуальную, осознают роль языка в этих экстралингвистических процессах.

Не подлежит сомнению, что публицистический текст также реализует функцию регулятивную, поскольку при помощи языковых средств можно воздействовать на адресата: побудить его к какому-то действию или запретить ему что-либо делать, заставить ответить на вопрос и т.д.

Для реализации этой важной функции языка существует разнообразный потенциал лексических и синтаксических средств. Первые находятся на поверхности и осознаются реципиентом как такие, которые манипулируют его мнением. Синтаксические же средства в осмыслении их сущности требуют знаний не только грамматической структуры языка, но и последних исследований в области

лингвокультурологии, психолингвистики, социолингвистики, лингвосемиотики, семасиологии и других сравнительно молодых разделов языкознания. Авторы осознанно или интуитивно используют ресурсы всех уровней языка, однако наибольшей продуктивностью в этом плане, на наш взгляд, является синтаксический уровень как вершинный и обладающий большим потенциалом средств.

Анализируя формальные проявления специфики современного медиатекста, нельзя не остановиться на трех внутренних аспектах, влияющих на формирование общей стратегии издания, как: 1) личность автора, его позиция, сфера интересов; 2) политика издания (тематическая, внутренняя, внешняя, «скрытая» / декларируемая); 3) ориентирование на определенную категорию читателей. Названные факторы взаимосвязаны, иногда отражаются на формальном плане выражения, но для большинства читателей остаются за кадром.

Если сравнивать манеру подачи информации в медиатекстах начала XX века и наших дней, то можно заметить, как в каждую строку журналистских материалов современности экстраполируется авторское мировосприятие, смело представленное в непривычной грамматической форме, сконструированное по нестандартной, согласно традиционному взгляду читателя, синтаксической формуле с использованием словоформ-неологизмов. В последнее время отношение лингвистов к «авангардным (в широком понимании этого слова), абсурдным, нонсенсным, парадоксальным, паралогичным, тавтологическим, софистическим и другим типам текстов (дискурсов) в логико-философском, семиотическом, психологическом, когнитивном, литературоведческом и функциональном аспектах» [4, с. 472] коренным образом изменилось. Так, Н.П. Вольвак отмечает, что «совсем не случайным является тот факт, что в современной гуманитарной сфере знаний заметно активизировалась проблематика исследований «неформальных дискурсов» [2, с. 18]. Сложность мыслительных ассоциативных авторских образов реализуется в неординарных языковых формах. Поэтому и тексты таких авторов выходят на поверхность при условии, если: существует глубокая заинтересованность в мыслительно-языковых механизмах создания текстов; осознается синкретизм языка и речи; актуализируется детальное изучение новых процессов в языке, а также ответственное отношение к формальной реализации мысли.

В современном публицистическом дискурсе наблюдаем поиски новых средств выражения мысли. Обращает на себя внимание такой продуктивный способ привлечения внимания, как использование непривычных словосочетаний в качестве эквивалентов стандартных общеупотребимых конструкций. Слова, находясь в постоянном движении, нередко оказываются в новых стилистических и смысловых контекстах. Для придания тексту выразительности и образности используется непривычная сочетаемость отдельных языковых единиц и текста в целом. Например, заголовок «**Дубеют** все: Москва прощается с теплом» (Режим доступа: <https://www.gazeta.ru>. – Дата обращения: 09.11.2018) иллюстрирует тенденцию использования лексики, имеющей в словарях помету «разг.», «просторечн.».

Использование нетрадиционной сочетаемости слов – один из продуктивных способов придания тексту окказиональной неповторимости, способ акцентуации, а в случае с заголовочными комплексами – способ привлечения большей аудитории. Заголовок «**Грязные приставания: почему за это ничего не будет**» (Режим доступа: <https://www.gazeta.ru>. – Дата обращения: 08.11.2018) – яркий пример варьирования языковых единиц в обычных свободных словосочетаниях, который приводит к формированию определенной связности, идиоматичности.

Экспрессивные словосочетания могут образовываться вследствие конденсации широкого контекста: «*Через Японию в финал: последний шаг для Туктамышевой*» (Режим доступа: https://www.gazeta.ru/sport/2018/11/07/a_12050581.shtml. – Дата обращения: 08.11.2018). Расширенный контекст – текст статьи – позволяет читателю понять значение словосочетания «*через Японию в финал*»: фигуристка получит возможность участвовать в четвёртом этапе Гран-при по фигурному катанию в Ванкувере при условии успешного выступления в Хиросиме. Сжатие контекста в заголовке заставляет читателя внимательно вчитываться в текст статьи, чтобы понять авторский посыл.

Следующим продуктивным способом активизации внимания реципиента является использование автором окказиональных атрибутивных словосочетаний, которые образуются при изменении синтаксической связи зависимого компонента в высказывании: он с управляемой формы переходит в согласованную. Например: *лихорадка около валюты – валютная лихорадка* или «*Некоторое влияние оказывает и конъюнктурная экономика*» (Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2018/11/08_a_12052171.shtml – Дата обращения: 08.11.2018).

Итак, мы наблюдаем активный процесс расширения границ сочетаемости слов, отход от нормативности, создание новых экспрессивных словосочетаний, обогащающих арсенал выразительных средств текста.

Текст как сложное семантическое целое характеризуется комплексом психолингвистических характеристик, которые отсутствуют у слова, словосочетания или фразы. Кроме того, в тексте сохраняются следы невербального поведения участников коммуникации, а также он обладает большой степенью интерпретативности (реципиенты могут выделить в нем несколько смыслов). Аппеляция к семантике текста при анализе коммуникативной цели автора – это объективное и закономерное явление, поскольку основывается на общей связи и взаимодействии языковых единиц в процессе их функционирования. Структура журналистского текста выразительно экстраполирует коммуникативную природу публицистического дискурса, что даёт возможность определить параметры публицистической коммуникации, осмыслить основные функции ключевых участников коммуникативного контакта. При помощи метатекстовых элементов автор не только функционально структурирует текст, но и пытается достичь внутреннего психологического понимания с самим собой, а также с читателем и, конечно же, в итоге – читателя с целостным культурным контекстом. Результатом взаимодействия языковых единиц в процессе их функционирования выступает то обстоятельство, что при определении содержательной составляющей языковых единиц одного уровня необходимым представляется обращение к единицам более высокого уровня – текстового. А текст в данном случае становится граничной единицей на знаковом уровне. Всё это делает необходимым при решении семантических вопросов рассмотрение сферы употребления, функционирования языковых единиц – то есть текста.

Важную роль для поддержания контакта автора с читателем играют метатекстовые конструкции, которые поступательно демонстрируют намерения и цели субъекта. Метатекстовые особенности публицистического дискурса состоят из серии формально выраженных средств комментирования авторского поведения, которые требуют дальнейшего тщательного и разностороннего рассмотрения в последующих исследованиях.

Синкретические процессы в коммуникационном пространстве, преобладание клипового мышления у реципиентов, взаимодействие онлайн и офлайн-коммуникаций

значительно расширяют рамки медиатекста и требуют его последовательного исследования с опорой на традиционные принципы построения текста публицистического дискурса, которые проявляются в различных видах СМИ по-разному. Причем справедливым, на наш взгляд, является следующее утверждение: «Новаторство текстов масс-медиа оказывает большое влияние на современную речь, нередко – на тексты других стилей, реализуя перспективную возможность стать нормативным» [8, с. 297].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белянин В.П. Психоллингвистика / В.П. Белянин. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2003. – 232 с.
2. Вольвак Н.П. Фактор адресата в публицистическом тексте / Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Владивосток, 2002.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981.
4. Делез Ж. Логика смысла / Ж. Делез. – М.: Раритет, 1998. – 480 с.
5. Шаймиев В.А. Об иллюкутивных функциях метатекста (или перечитывая А. Вежбицку...) // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века. – СПб, 1998.
6. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
7. Bauer C., Griner A., Daniel J. International Newspaper Article. URL: http://courses.washington.edu/webrhet/engl281/handouts/genre_guidech2.pdf (дата обращения 06.11.18).
8. Robert L. Hilliard. Writing for Television, Radio, and New Media. – Emerson College, Emeritus, 2011. – 544 p.

Поступила в редакцию 01.12.2018 г.

JOURNALISTIC TEXT OF PUBLICISTIC DISCOURSE: SEARCH FOR A UNIVERSAL MODEL OF CREATION

Yu. Yu. Nalivaiko

The article addresses the peculiarities of the present-day publicistic discourse. The focus is made on the analysis of its lexical and syntactical levels. The author discusses the categories of expressiveness and their realization in the Russian publicistic texts with the emphasis being made on the syntactical aspect.

Key words: publicistic discourse, narrator, recipient, productive lexical and syntactical means of influence, meta-text constructions.

Наливайко Юлия Юрьевна.

Кандидат филологических наук.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры журналистики.
E-mail: nalivaykopoy@mail.ru.

Nalivaiko Yulia Yurievna.

Candidate of Philology.
Donetsk National University.
Associate Professor of the Department of Journalism.
E-mail: nalivaykopoy@mail.ru.

УДК 81'28

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЭКОЛОГИИ ЯЗЫКА В ДОНБАССЕ

© 2019. А.Н. Осипова

ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики»

В статье рассматривается экология языка как новое направление лингвистики, основанное на антропоцентрическом подходе к изучению языка. Подробно анализируются два основных аспекта лингвоэкологических исследований: 1) экология языка / речи; 2) экология человека / общества. Основное внимание уделяется проблемам экологии языка в Донбассе.

Ключевые слова: экология языка, языковая ситуация, загрязнение языковой среды, лингвоцинизм.

Современное языкознание характеризуется появлением и активным развитием направлений, находящихся на стыке разных, порой далеких друг от друга, научных парадигм, что обусловлено антропоцентричностью всей гуманитаристики. При антропоцентрическом подходе к лингвистическим изысканиям предметом изучения становится человек в языке и язык в человеке, поскольку, как утверждал И. А. Бодуэн де Куртенэ, «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество» [1, с. 71]. Специфику взаимодействия и взаимовлияния языка и человека исследуют разнообразные когнитивно-, коммуникативно-, социально-ориентированные языковедческие теории. Особое место среди подобных направлений занимает экология языка (эколингвистика).

Цель предложенной статьи – с опорой на основные положения эколингвистики как новейшего направления языкознания проанализировать характерные для языковой ситуации современного Донбасса речевые явления, некорректные с точки зрения нормативности и уместности их употребления.

Экология языка (эколингвистика, лингвоэкология) – раздел языкознания, который изучает факторы, оказывающие негативное влияние на функционирование и развитие языка, а также ищет способы обогащения языка и совершенствования практики речевого общения. Эколингвистика борется за сохранение уникальности и самобытности каждого отдельного языка и поддержания языкового многообразия.

Основоположником экологии языка принято считать Э. Хаугена, определившего ее как «науку о взаимоотношениях между языком и его окружением» [12], где под последним понимается социум, использующий язык как один из своих кодов. Язык, как известно, живёт только во взаимодействиях говорящих на нём друг с другом и с их социальным окружением. Ключевая идея Э. Хаугена заключается в том, что языки, подобно различным видам животных и растений, пребывают в равновесии, а само их существование зависит друг от друга (как внутри государства и других социальных групп, так и в сознании человека, владеющего несколькими языками).

Огромная роль языка в становлении и развитии общества побуждает языковедов к всестороннему исследованию речевой практики различных социальных групп (как малых, так и больших). Результаты таких лингвоэкологических студий дают основания говорить о некоторых нездоровых тенденциях в массовой речи современных носителей многих языков, в том числе и русского.

Считаем целесообразным, следом за С.В. Ионовой, выделять два основных подхода к эколоингвистическим исследованиям [4]:

1. *Экология языка / речи*, объектом изучения которой является чистота языка, его правильность и последовательность в выполнении основных функций. Язык при таком подходе «воспринимается как жертва негативных воздействий»; его следует защищать и охранять. Этот аспект эколоингвистики представлен в работах Л.В. Колгановой, О.Б. Сиротининой, Л.И. Скворцова и др. Экология языка здесь понимается буквально: её цель – сохранение того или иного национального языка как важнейшей составляющей национальной идентичности, хранителя культурной информации и действенного средства коммуникации.

Усилия учёных-эколоингвистов направлены в этом случае на снятие или, при невозможности полного снятия, на ослабление негативных явлений в использовании языка и одновременно – на «обогащение и развитие языка, изучение способов эффективной коммуникации, борьбу с подстерегающей нас едва ли не на каждом шагу рискогенностью общения» [8, с. 179]. Эколоингвистика, таким образом, определяется как «отрасль языкознания, предметом изучения которой является состояние языка как семиотической системы (его «семиотическое здоровье»)» [10, с. 301–302].

2. *Экология человека / общества*, предусматривающая, что язык во многом выступает как среда, воздействующая на человека [2]. Масштаб «энергетического и информационного воздействия» языка на условия жизнедеятельности человека «отнюдь не безобиден» [5, с. 39], поскольку всё, созданное при помощи языка и используемое в коммуникативной и когнитивной сферах деятельности человека, оказывает колоссальное влияние на мировосприятие и поведение последнего. Этого толкования основных проблем эколоингвистики придерживаются Е.Н. Бояров, А. Панкеев, В.И. Шаховский и др.

Основная цель лингвистив в данном случае – определение того, насколько экологичным является языковое окружение человека, насколько гармоничны отношения между носителем языка и коммуникативной средой его обитания.

В современном Донбассе наблюдаем лингвоэкологические проблемы, связанные как с первым, так и со вторым подходом, а именно:

1. Обеднение словарного запаса и фразеологических ресурсов, особенно у молодого поколения. Говоря об этой негативной тенденции в речи подростков и молодёжи, Я.С. Косякова и Г. Михайлов отмечают, что им «с большим трудом поддается составление осмысленных высказываний», более того для них невозможным становится «понимание устойчивых сочетаний, прочно укрепившихся в художественной сфере, как то: *неопалимая купина, взыскующие града, валаамова ослица, барашек в бумажке* и проч.» [6, с. 30].

Известно, что образцом богатства языка являются произведения классической литературы. К сожалению, нежелание и неумение многих юношей и девушек читать русскую классику приводит к такому плачевному результату.

2. Нецелесообразная замена русских слов заимствованиями (особенно в некоторых сферах деятельности и отраслях научного знания, например, в экономике, политике, компьютерной отрасли и под.). Дело не в том, что плохо знать несколько языков, а в том, что иноязычные слова употребляют безграмотно и / или некорректно. Часто можно заметить названия предприятий и организаций на иностранном языке, написанные русскими буквами, или когда одна часть слова написана на одном языке, а вторая часть слова – на другом: *автосалон «Лев-авто», магазин оборудования для салонов красоты «Сент Трейд», музыкальные магазины «Jam», «Реал Мьюзик», салон*

красоты «ДонСтиль», клуб «VII НЕБО». По нашему мнению, такая ситуация объясняется, в первую очередь, модой (в данном случае – языковой), как и многое другое в современной культуре (музыке, литературе и т.д.). К большому сожалению, позже подобные слова переходят в повседневную речь и нередко – в СМИ и даже в художественную литературу. Этот процесс называют загрязнением языковой среды. Когда становится много таких слов, они уже воспринимаются как свои, а не чужие.

3. Снятие запрета на вульгарную лексику. Пренебрежение нормой начинает носить иногда характер демонстративный, а декларируемая свобода речевого поведения выражается в отказе от любых табу. По нашему мнению, является ненормальным частое употребление вульгарной лексики в произведениях художественной литературы, в кино, СМИ и даже театре. Такое пренебрежение нормами культуры речи оказывает значительное влияние на массовое сознание, приводит к восприятию вульгарной лексики как нормы и, соответственно, формирует «искривлённую» языковую личность.

4. Жаргонизация речи, использование уголовной лексики, нарушающее стилистическую норму: *оторвись по полной; тебя просто разводят; отпад; лошара; по беспределу, срубить бабла* и др. А. П. Сковородников констатирует, что «чуткое ухо ученого, да и просто любящего свой язык человека с горечью заметит идущую ныне варваризацию речи, ее огрубление и обеднение, искажение смыслов и значений многих слов» [9, с. 206].

5. Безграмотность. Причем это не только ошибки в произношении или написании слов (*средства, осужден, квартал, километр, каталог* и мн. др.), но и ошибки грамматические, лексические, стилистические, например: **Прионов** мы людям ставить не можем (передача «Три минуты на ответ», телеканал «Юнион», 03.11.2016), **С 9 сентября мы начали прием от граждан, которые изъявили желание, чтобы их зарегистрировали кандидатом на праймериз** (передача «От первого лица», телеканал «Юнион», 15.09.2016), **Эта ситуация показала для нас очень многое** (передача «Политкухня», телеканал «Юнион», 24.10.2016), **В холодильной камере с мороженым Вы вылаживаετε просроченную продукцию** (передача «Народный контроль», 1-й республиканский телеканал, 28.10.2016), **Что касается остекления, то равно также будет подрядная организация, на сегодняшний день едет по стеклопакетам** (передача «Темы недели», 1-й республиканский телеканал, 29.10.2016) и др.

Повсеместны и случаи безграмотного общения в интернете, в частности, в комментариях: *Блин ПОЛ сайта в 40 секундных роликах!!* (1-й республиканский), *исчез с эфира в Донецке нет приема на антенну где искать?* (Юнион), *Не отвечают на звонки. А если отвечают то посылают* (Новороссия) и др.

На наш взгляд, такая ситуация, как и многие другие случаи нарушения языковых норм, объясняется модой: сегодня писать и говорить грамотно и красиво – значит выставить себя посмешищем, особенно в молодёжной среде. Немалую роль здесь сыграло также и падение престижа образования, в результате чего многие выпускники учреждений среднего образования не могут грамотно составить осмысленное высказывание.

6. Лингвоцинизм, на который считаем необходимым обратить особое внимание. Лингвоцинизм представляет собой этико-речевой анорматив, при котором говорящий выражает негуманное, циническое отношение к объекту речи [3]. В речевой практике современного Донбасса, а именно в медивтекстах, употребление лингвоцинизмов, к сожалению, также зафиксировано. Они имеют отношение к политическому дискурсу, что объясняется объективной ситуацией в регионе. Приведём несколько примеров,

опираясь на материалы газеты «Донецк вечерний»: *Битый час укрдеятели приятно улыбаются, строят глазки и кокетливо хихикают. При этом они максимально оборожительны и подчеркнута целомудренны, как опытные путаны на торжественном приеме у венеролога (14.08.2018); Трамп чуть с ума не сошел, пока к вечеру не разобрался, в чем кучерявая закавыка. А это Петька к нему вступил. Он прижился в Беленьком доме под Кривой лестницей, находящейся рядом Овальным кабинетом американского начальника (08.07.2018); Американские политики любят обещать. Все время грозят кого-нибудь осчастливить. При этом потенциальные жертвы благодетельного террора слабо отбрыкиваются и мямлят: «Не надо, не надо». Но американцам все равно. Они выберут какого-нибудь гражданина с наивной физиономией и нагружают его слух приятной информацией. Мы тебе и то, – говорят, – мы тебе и это. Мы тебе и это, и то. Так и развешивают лапшу. Тем не менее, изредка америкашкам через силу приходится выполнять какое-нибудь из своих пустозвонных обещаний (27.05.2018) и др. По нашему мнению, подобная манера изложения не красит авторов этих публикаций, а наоборот – унижает их достоинство. Следовало бы проявлять более тонкий ироничных подход к написанию текстов.*

Таким образом, языковая ситуация в современном Донбассе, демонстрируя признаки лингвоэкологического дисбаланса, даёт основания говорить о наличии языковых и речевых явлений в рамках обоих рассмотренных подходов (как экологии языка / речи, так и экологии человека / общества). При этом преобладают, по нашему мнению, факты некорректного употребления языковых средств под влиянием общественно-политических и социально-культурных факторов, то есть основным подходом к изучению анализируемой проблемы в Донбассе считаем экологию языка / речи. Подобные студии видятся весьма перспективными, поскольку направлены на оздоровление речевой практики социума в целом и каждого его члена в частности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. / И.А. Бодуэн де Куртене. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 1. – 384 с.
2. Гора Е.П. Экология человека: учеб. пос. / Е.П. Гора. – М.: Дрофа, 2007. – 544 с.
3. Иванян Е.П. Проблемы лингвоэкологии в свете лингвистики креатива / Е.П. Иванян // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность. – 2018. – № 2. – С. 209–215.
4. Ионова С.В. О двух аспектах эколингвистических исследований / С.В. Ионова // Экология языка и коммуникативная практика. – 2016. – № 1. – С. 10–25.
5. Ким И.Е. Языковая технология и окружающая среда (к постановке проблемы) / И.Е. Ким // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 1. – С. 38–44.
6. Косякова Я.С. Проблемы эколингвистики в среде современной молодежи / Я.С. Косякова, Г. Михайлов // Молодой ученый. – 2016. – №7 (111). – С. 29–31.
7. Молчанова Г.Г. Лингвоэкология и современное состояние языка / Г.Г. Молчанова // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. – 2016. – № 2. – С. 47–54.
8. Сиротинина О.Б. Размышления о том, как должна пониматься борьба за экологию языка / О.Б. Сиротинина // Экология языка и коммуникативная практика. – 2013. – № 1. – С. 177–193.
9. Сковородников А.П. О предмете эколингвистики применительно к состоянию современного русского языка / А.П. Сковородников // Экология языка и коммуникативная практика. – 2013. – № 1. – С. 205–233.
10. Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск: Изд-во Сибирского федерального ун-та, 2012. – 882 с.
11. Шляхов В.И. Эколингвистика и проблема экологии языка в российском языковом пространстве / В.И. Шляхов, А.Л. Никонов // Пространство и время. – 2011. – № 4 (6). – С. 138–144.
12. Haugen E.I. The Ecology of Language: essays by Einar Haugen. Selected and Introduced by Anwar S. Dill. / E.I. Haugen. – Stanford, California: Stanford University Press, 1972. – 368 p.

Поступила в редакцию 28.08.2018 г.

MAIN APPROACHES TO STUDYING ECOLOGY OF LANGUAGE IN DONBAS

A.N. Osipova

The article considers the ecology of language as a new direction of linguistics, based on an anthropocentric approach to the study of language. Two main aspects of linguoecological research are analyzed in detail: 1) the ecology of language / speech; 2) the ecology of man / society. The main attention is paid to the problems of the ecology of language in the Donbas.

Key words: language ecology, language situation, language pollution, linguistic cynicism.

Осипова Анна Николаевна.

Кандидат наук по государственному управлению.

ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики».

Доцент кафедры краеведения.

E-mail: osipova.anna.52@mail.ru.

Osipova Anna Nikolaevna.

Candidate of Science in Public Administration.

Donetsk Academy of Management and Public Service under the Head of Donetsk People's Republic.

Assistant professor of Local history Department.

E-mail: osipova.anna.52@mail.ru.

УДК 81 373.1

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В ФОЛЬКЛОРЕ ДОНБАССА

© 2019. К.В. Першина

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье анализируется состав личных имен в фольклорных произведениях, бытующих в Донбассе. Устанавливается парадигма используемых имен, их частотность, включенность в общерусское фольклорное и общеязыковое антропонимное пространство.

Ключевые слова: Донбасс, личные имена, фольклор.

Одно из направлений исследования региональных онимных систем – исследование онимикона фольклорных произведений, бытующих на территории региона. Оно может быть успешным при наличии серьезной источниковой базы, включающей тексты различной жанровой приуроченности. Для Донбасса такая база была создана Петром Тимофеевичем Тимофеевым, обследовавшим более 100 населенных пунктов [11, с. 202–204]. На нее мы и опираемся в данной работе.

«Мир поэтической культуры народа более хрупок, тонок по сравнению с предметами материального производства, но зачастую именно он более глубоко и полно передает саму атмосферу духовного наполнения эпохи, степень выражения исторического сознания народа» [17, с. 146]. Такое понимание культурной миссии фольклорной традиции должно направлять изучение различных сторон произведений устного народного творчества, в том числе и языковых их особенностей.

Анализ собранных в Донбассе фольклорных произведений различных жанров вносит свой вклад в процесс осмысления ментального пространства живущих в донецком крае людей, его качественного наполнения, ценностных ориентиров и приоритетов. Представленные в виде текстов, они позволяют вести изучение фольклора Донбасса в широкий восточнославянский контекст на правах самостоятельного регионального компонента, поскольку «фольклорная традиционная культура в своей конкретной наполненности всегда региональна и локальна» [15, с. 144; 8, с. 9].

Обязательным при изучения фольклора является анализ его языка, под которым понимается вся совокупность языковых средств, вербализирующих устно-поэтическую концептосферу. В настоящее время это предмет отдельного направления – лингвофольклористики [19; 16; 14], имеющей широкие перспективы дальнейшего развития. Ср.: « < ... > сам язык фольклорных жанров (как стихотворных, так и прозаических) до сих пор представляет собой явление во многом загадочное и непознанное [13, с. 5]». Уже сейчас, как отмечает А.Т. Хроленко, выделены проблемы семантики фольклорного слова, морфемики фольклорного слова, фольклорной лексикографии, фольклорной диалектологии, идиолекта в фольклорном тексте, взаимодействия фольклорных традиций [19]. Исследование языка фольклора Донбасса может внести свой вклад в их разработку.

Важной частью лексического состава фольклорных произведений являются имена собственные, которые участвуют в структурировании устно-поэтического текста. (Их следует добавить в перечень структурообразующих элементов, которые приводит Е.Б. Артеменко в: [1]). Об этой важности свидетельствует формирование отдельной

области исследования – фольклорной ономастики, развивающейся на материале разных языков [18; 4].

Исследование языка фольклора подчиняется общему принципу исследования фольклорных произведений, суть которого состоит в единстве регионального и локального с общенародным и общезнаменитым [15, с. 146; 8, с. 9]. Поэтому изучение территориальной дифференциации народно-поэтической речи (этот аспект часто обозначают термином «фольклорные диалекты» (см. об этом: [20, с. 80; 3; 8]) обязательно включает в себя выявление общенародного в исследуемом материале. Для изучения языка фольклора Донбасса это особенно важно, поскольку это регион позднего восточнославянского заселения, который изначально осваивался выходцами из самых разных восточнославянских диалектных областей Российской империи, а в XX в. пережил две крупные волны дозаселения (индустриализация 30-х годов и восстановление хозяйственной жизни после Великой Отечественной войны). Здесь наблюдается взаимодействие различных фольклорных традиций. Кроме этого, изучение онима, как и всякого другого фольклорного слова, должно исходить из его подчиненности принципу контактной коммуникации, о котором говорит С.Ю. Неклюдов [9].

В анализируемом сборнике «Протекших дней очарование...» [11] имена собственные встречаются в текстах разных жанров: сказок, легенд и преданий, песен, частушек, пословиц и поговорок, заговоров, потешек, закличек, считалок и др. Наиболее употребительными являются антропонимы и в несколько меньшей степени топонимы. Онимы других разрядов встречаются реже. Среди антропонимов на первом месте по употребительности находятся личные имена.

Личные имена в сказках. В [11] представлены сказки о животных и социально-бытовые. Личные имена в обеих этих группах имеют общеязыковую референтную отнесенность (наименовывают людей). Кроме того, в сказках о животных наблюдается использование общерусской антропонимной формулы именования медведя, содержащего личное имя в сочетании с отчеством - *Михаил Иванович*. Употребляется эта формула в речи не рассказчика, а животного (зайца): «*Дядечка, Михаил Иванович, принесите мне хвостик, хоть какой-нибудь*» («Почему у зайца хвост короткий»), фонетически приближена к современному разговорному дискурсу. Используют рассказчики и традиционное в русских сказках именование *Лиса Патрикеевна*, в котором в поле личных имен переводится нарицательное имя *лиса* путем онимизации. Ведущим же способом именования животных является использование их апеллиативных обозначений в общем языке. В тексте сказки такой апеллиатив, по сути, выступает в качестве синкретичной апеллиативно-онимной единицы, этим объясняется запись таких зоонимов то со строчной, то с прописной буквы, например: *отпусти меня, волк* («Ваня и волк»); *вот они вылезли и пошли с Петушком к нему домой* («Сказка про котика и петушка»).

Основное лексическое средство именования людей в сказках – нарицательные существительные со значением лица различных семантических групп. Личные имена используются реже, в анализируемом собрании, состоящем из 25 текстов, они представлены в 9 текстах, мужских имен насчитывается 9, женских – 7. Подавляющее большинство имен – христианские, употребляются в исходных (с точки зрения современного имяупотребления) и производных (вариантных) формах: *Максим, Григорий, Иван, Ваня, Саша, Алеша; Мария, Оксана, Елена, Люба, Любочка, Катя, Марфенька*. Предпочтение отдается производным формам, скорее всего, вследствие ориентации жанра на детский возраст слушателей. Состав и морфемная структура данных имен свидетельствует о значительном «осовременивании» сказочного именника

Донбасса, приближении его к обычной разговорной речи. Так, отсутствует имя *Василиса*, не зафиксирована форма *Марья* (употребляется форма *Мария*), женские имена практически не сочетаются с постоянными эпитетами или приложениями. С другой стороны, в текстах сказок встречаются архаизированные формы именования людей: а) сказочные именования *Иван-царевич* и *Елена Прекрасная*; б) редкое дохристианское славянское женское имя *Милолика* (такое имя носила, например, одна из жен великого князя Киевского Владимира, мать князей Бориса и Глеба); в) соотносящиеся с дохристианскими мужскими именами имена *Нехитёр* и *Немудёр*, которые по своей семантике объединяются с обереговыми именами типа *Несвой*, *Ненаш*, *Некрас*, *Невзор*.

Интересным является именование *Иван-полуветров*, принадлежащее богатырю, спасающему Елену-царскую дочь («Иван-полуветров»). В этом имени соединены христианский и языческий номинативные компоненты, при этом второй из них оформлен как патроним. В тексте сказки данное именование наделено сугубо положительной коннотацией и никак не синонимизируется с известным коннотонимом *Ванька Ветров* [см. о нем: [10, с. 102].

В целом именник социально-бытовых сказок, записанных в Донбассе, проявляет те же особенности, что и именники сказок, бытующих в других регионах [5, с. 20].

Личные имена в песнях. В анализируемом собрании представлены различные жанровые разновидности песен. Личные имена имеют место как в обрядовых, так и необрядовых песнях. В количественном выражении это выглядит следующим образом. Обрядовые песни: свадебные – 25/53 (первая цифра – количество текстов с личными именами, вторая – общее количество текстов данного жанра), календарные – 1/6, похоронные – 0/2, рекрутские – 1/2. Необрядовые песни: игровые хороводные – 0/4, беседные хоровые – 0/4, шуточные – 0/4, плясовые – 2/6, любовные и семейные – 6/35, колыбельные – 6/17, новые народные песни, баллады, городские романсы нач.19 – сер.20 в. – 6/41, военно-бытовые – 1/13, шахтерские кон.ХІХ – нач.ХХ в. – 2/5; советские – 1/12, периода Великой Отечественной войны – 3/26.

Среди обрядовых песен насыщены личными именами свадебные песни (встречаются почти в половине текстов), что обусловлено обязательностью онимного именования главных персонажей обряда. Все личные имена взяты из христианского именника, употребляются в полных литературных и производных формах, последние преобладают: *Василий*, *Алексей*, *Ванечка*, *Витюшка*, *Колечка*; *Ульяна*, *Нина*, *Наталья*, *Натальюшка*, *Марьюшка*, *Марьюшка-красавица*, *Марьюша*, *Мариночка*, *Леночка*, *Аленушка*, *Катенька*, *Катечка*, *Валя*, *Валечка*, *Василинушка*, *Татьянушка*. В плясовой песне формы *Дуняшенька*, *Дуняшечка* входят в прерывистую формулу ЛИ + О: *душа Дуняшечка, Дуняшенька свет Васильевна; не плачь, Дуняшечка, не плачь, Васильевна*. Аналогичные формулы есть и в свадебных песнях: *на Ульяне свет Ивановне; да пропил Натальюшку, да пропил Васильевну; ох, то да наша Татьянашка, ох, то Васильевна*. Однако систематического отражения формульности, являющейся одной из фольклорных универсалий [7, с. 151], в анализируемом материале не прослеживается. Формы имен *Иван* и *Марья* получают отражение в купальской песне: *Иван да Марья | В реке купались, | Где Иван купался, | Ветер колыхался, | Где Марья купалась - | Трава расстилалась*. Скорее всего, выбор формы имени *Иван* диктуется хрононимом *Ивана Купала*, а женское имя извлекается из фольклорного клише *Иван да Марья*. В рекрутской песне фигурирует гипокористика *Ваня*: *ой, берут Ваню у солдаты*.

В песнях перечисленных жанров позиция личного имени в принципе может заполняться и другими личными именами в тех или иных формах, выбор которых

зависит от их ритмико-мелодических и коннотативных характеристик, а также предпочтений исполнителя.

В необрядовых песнях, представленных в анализируемом источнике, личных имен сравнительно немного: в любовных и семейных употреблены имена *Василий, Иван, Ваня, Степанушка; Машенька, Танюша, Ульянушка, Екатеринушка*, в колыбельных – *Саша, Петя, Мишка, Ванюша; Маша, Машенька, Таня, Танечка, Настя, Аришка*, в новых народных песнях, балладах, городских романсах нач. XIX – сер. XX в. – *Саша, Ванюша, Ванька, Иванушка, Емельян, Ерема; Оля, Алена*. В шахтерских песнях встречаются имена *Ванька и Маруся*, а в песнях советского времени – *Вася, Коля, Коленька, Андрей; Катюша*. Все они, как и в предыдущем случае, взяты из христианского именника. Преобладают гипокористические и широко употребительные уменьшительно-ласкательные варианты с формантами *-уша, -ушка, -енька, -ечка*. Изредка встречаются производные формы личных имен с формантом *-ка*: *Ванька, Мишка, Аришка*. В контексте они практически лишены пейоративности, воспринимаются как разговорные (по отношению к стилистически нейтральным гипокористикам); их появление в текстах, возможно, отражает взаимодействие в идиолекте исполнителей фольклорного и обыденного разговорного дискурсов.

Личные имена в частушках. Как самостоятельный жанр частушка, по мнению А.А. Горелова, оформилась к середине XIX в. [6, с. 14], и уже в это время в ней использовались личные имена. В сборнике П. Т. Тимофеева 1185 частушек, сгруппированных по темам. Насчитывается 16 тематических блоков, личные имена встречаются в 15 из них. Количество текстов частушек и состав личных имен в пределах блоков следующие.

«Скажи, милый, мне словечко» – 14/110: *Вася, Васенька, Васек, Василек, Коля, Николай, Ванюша, Ванюшенька, Никита, Миша, Витя, Ленечка, Шурочка (муж.); Нина, Катюша.*

«Как надену бело платье...» - 15/99: *Коля, Николай, Ваня, Ванечка, Гриша, Саша, Сережа; Маша, Нюшка.*

«Я страдаю, застрадаю...» - 15/128: *Иван, Ваня, Ванечка, Ванюша, Ванюшка, Ванюшечка, Вася, Васенька, Василек, Коля, Коленька, Алеша; Марусенька, Катя.*

«Прислал милый письмецо» – 2/64: *Матвей, Шура (муж.).*

«Говорят, я боевая» - 2/37: *Ванюшка, Семен.*

«Ой, подружка дорогая» – 2/53: *Варя, Вера.*

«Меня милый изменил» – 4/48: *Ваня, Миша, Сенечка, Вовка.*

«Эх, топни, нога, да притопни друга!» – 9/84: *Михаил, Шурка, Алеша, Алешка, Алексей, Вовка, Гриша, Ваня, Ванечка; Лукерья.*

«Гармонист, гармонист, вьются кудри на картуз» – 1/27: *Ваня, Ваня, Ванечка.*

«Покатилась с неба зорька» – 14/105: *Василь, Вася, Васятка, Ваня, Ванюша, Степан, Петенька, Мишенька; Маруся, Клава, Таня, Наташа, Наталия, Сашка (жен.)*

«А мой милый – комбанер» – 8/80: *Коля, Николай, Ванечка, Миша; Таня, Паша, Маша, Машка, Машенька.*

«Передай на фронт бойцу» – 4/48: *Ваня, Ванька; Люба.*

«Милый в армию поехал» – 0/38.

Шахтерские – 0/15.

Советские – 0/29

Цикл «Семеновна» – 0/29.

Цикл «Яблочко» – 2/6: *Мишенька, Гришенька.*

Все личные имена в частушках, как и в песнях, входят в состав христианского именника, в подавляющем большинстве относятся к часто употребляемым в обычной

жизни; преобладают гипокористические и уменьшительно-ласкательные формы. Среди мужских имен самые частотные *Ваня, Коля, Вася*, как и в московских частушках [2, с. 327]. (Частушки, звучащие в Москве, берем для сравнения в силу известной схожести формирования исполнительского сообщества). Объясняется это совпадение, на наш взгляд, прежде всего частотностью этих имен в мужском имянаречении в тот период, когда частушка формировалась и активно исполнялась (II пол. XIX в.), а также культурным статусом данных мужских имен. Среди женских имен таких выраженных лидеров не наблюдается.

В общем массиве русских частушек, как и песен, личные имена носят характер вкраплений, но таких, через которые осуществляется объединение песенной сферы и разговорной речи [12, с. 88], это же характерно и для песенно-частушечного фольклора Донбасса.

Представлены личные имена и в детском фольклоре: потешках, считалках, дразнилках: *Егор, Варвара, Мишка, Иринка, Катя, Алеша, Федя, Андрей, Антошка, Ваня, Сашка, Юлька* и др. В них звучат те же онимы, что и во «взрослом» фольклоре, отражая современную исполнителям антропонимную реальность.

Проведенный анализ 1 453 фольклорных текстов показал, что антропонимы занимают центральное место в онимиконе донбасского фольклора, а личные имена формируют центр антропонимного пространства. Это одно из свидетельств того, что основное место в концептуальной сфере донбасского фольклора отводится человеку. Именник текстов показывает органическую включенность донбасского фольклорного имянаречения в восточнославянскую традицию с главенствованием в ней христианских имен. Парадигматика личных имен отражает ориентацию исполнителей на разговорную речь Донбасса, а также на адресата. Между жанром, с одной стороны, и составом используемых в нем онимов, с другой, выявляются закономерные соответствия взаимно-неоднозначного характера. Предпочтения в функционировании определенных онимов могут объясняться с учетом феноменологических характеристик того или иного жанра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артеменко У.Б. Язык русского фольклора: опыт интерпретации [Электронный ресурс] / У.Б. Артеменко. – Режим доступа: fixed.ru/prickling/conf/stilsist/iazykrzakfpv.html. (дата обращения 6.05.2017).
2. Бобров А.А. Частушка московская: бытовая, плясовая, эротическая, озорная / А.А. Бобров. – М.: Алгоритм, 2007. – 416 с.
3. Бобунова М.Н. Проблемы фольклорной диалектологии / М.Н. Бобунова, С.П. Праведников, А.Т. Хроленко. – Курск: Изд-во КГУ, 2003.
4. Головина Р.В. Антропонимы в русской народной лирической песне: Автореф. дис. ... к.филол.н. / Р.В. Головина. – Орел, 2001. – 20 с.
5. Горбачева О.Г. Ономастическое пространство русских народных и авторских сказок: Автореф. дис. ... к.филол.н. / О.Г. Горбачева. – Брянск, 2008. – 26 с.
6. Горелов А. Поэзия частушки / А. Горелов // Русская частушка. – СПб.: Авалон, Азбука-классика, 2006. – С. 3–28.
7. Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики / Г.И. Мальцев. – Л.: Наука, 1989. – 182 с.
8. Неклюдов С.Ю. Диалектность – региональность – универсальность в фольклоре / С.Ю. Неклюдов // Универсалии русской литературы. – Воронеж: Научная книга, 2012. – С.8–38.
9. Неклюдов С.Ю. О слове устном и книжном [Электронный ресурс]. / С.Ю. Неклюдов – Режим доступа: www.ruthenia.ru/folklore/neckludov5.htm (дата обращения 6.05.2017).
10. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен / Е.С. Отин. – М.: ООО «Темп», 2006. – 440 с.

11. Протекших дней очарование... Сказки, песни, частушки, присловья Донбасса, записанные Петром Тимофеевым / запись, сост., вступ. ст. и ст. к разделам, подгот. текстов, свед. об исполн., пунктах записи, словарь П.Т. Тимофеева / П.Т. Тимофеев. – Донецк: Донбасс, 2008. – 220 с.
12. Першина К.В. Личные имена в русском песенном дискурсе / К.В. Першина // Вісник Донецького національного університету. Серія б. Гуманітарні науки. – 2009. – № 2. – С.80–90.
13. Петров А.М. Синтаксис русских духовных стихов/ А.М. Петров. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2012. – 164 с.
14. Праведников С.П. Территориальная дифференциация языка русского фольклора: автореф. дис. ... д-ра филол.н. [Электронный ресурс] / С.П. Праведников. – Курск, 2011. – Режим доступа: ru.convdocs.org/docs/index-12206.html (дата обращения 6.05.2017).
15. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура / Б.Н. Путилов. – СПб.: Наука, 1994. – 237 с.
16. Соколова Т.С. Лингвометодическое прочтение регионального фольклорного текста / Т.С. Соколова // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. – 2013. - №13. – Вып.18. – С. 88–93.
17. Тимофеев П.Т. Региональное изучение поэтической культуры народа / П.Т. Тимофеев, Т.Ю. Тимофеева // Летопись Донбасса: Краеведческий сборник. Выпуск II. Юбилейный. – Донецк: Донбасс, 1994. – С. 146–147.
18. Токмашев Д.М. Теоретические проблемы фольклорной ономастики (на материале шорского фольклора) / Д.М. Токмашев // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – №9. – С. 179–184.
19. Хроленко А.Т. Введение в лингвофольклористику: Учебное пособие / А.Т. Хроленко. – М.: Наука: Флинта, 2010. – 192 с.
20. Хроленко А.Т. “Фольклорные диалекты” на страницах Конкорданса / А.Т. Хроленко // Наше слово: К 80-летию профессора В.Д. Бондалетова. – М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2009. – С. 80–85.

Поступила в редакцию 22.05.2019 г.

PERSONAL NAMES IN FOLKLORE OF DONBASS

K.V. Pershina

The article deals with the composition of personal names in the folklore of Donbass. The author discusses their paradigm, frequency value, as well as their inclusion in the Russian folklore and common linguistic anthroponomic space.

Key words: Donbass, personal names, folklore.

Першина Клавдия Васильевна.

Кандидат филологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры общего языкознания и истории
языка им. Е.С. Отина.
E-mail: pershinakv@mail.ru.

Pershina Claudia Vasilyevna.

Candidate of Philology, Docent.
Donetsk National University.
Associate Professor of General Linguistics and History
of Language Department named after E.S. Otin.
E-mail: pershinakv@mail.ru.

УДК 81'42:811.111

СОЦИАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В СТРУКТУРЕ ОБРАЗНОГО КОМПОНЕНТА КОНЦЕПТА WAR

© 2019. *И.В. Фатьянова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье на основе когнитивно-дискурсивного подхода выявлена специфика объективации образного компонента концепта WAR с помощью социальной метафоры; проанализированы корреляты метафор войны, лежащие в основе этих объективаций; построены фреймовые модели когнитивных метафор войны, которые формируют основу логической реализации исследуемого концепта в современном англо-американском политическом дискурсе.

Ключевые слова: концепт, политический дискурс, образный компонент концепта, концептуальная метафора, фреймовая модель концепта

Объектом исследования являются социальные метафоры войны, предметом – способы их языкового воплощения в современном англо-американском политическом дискурсе.

Целью статьи является анализ социальных метафор, представляющих образный компонент концепта WAR в современном англо-американском политическом дискурсе.

Актуальность работы обусловлена как значимостью ее объекта, концепта WAR, в жизнедеятельности современного социума, в том числе и англоязычного, о чем свидетельствует распространенность имени концепта в информационном пространстве англо-американского политического дискурса, так и соответствием его анализа методологической основе когнитивно-дискурсивной парадигмы.

Материалом исследования послужили 500 метафорических выражений, представляющих концепт WAR в современном англо-американском политическом дискурсе. Фрагменты получены методом сплошной выборки из 55 британских и американских изданий СМИ (The Times, the Guardian, the Globe and Mail, the Independent, the New York Times, the Wall Street Journal, the Washington Post, the Herald Tribune и др.) за 2014-2018 годы издания, содержащие публичные выступления политиков, аналитические статьи политической тематики, а также из репортажей BBC News и CNN News, освещающих политические события и представленных на соответствующих веб-страницах в сети Интернет.

Теоретические и методологические основы концептуализации феномена «война» были в свое время представлены в научных исследованиях как зарубежных, так и отечественных лингвистов, таких как О.В. Головань, Л.Н. Венедиктова, В.Б. Крячко, Г.И. Зиатдинова, В. А. Хоруженко и др. [2; 3; 4; 6; 10; 11; 14].

Изучая особенности метафорической концептуализации явления «война» в современном англо-американском политическом дискурсе, мы придерживаемся мнения М.Л. Макарова, что дискурс является одновременно источником порождения когнитивных моделей и «субстанцией» для их реализации [7, с. 110–116]. Принимая во внимание сложный характер отношений между этими феноменами, считаем нужным определить место и роль метафоры в современном англо-американском политическом дискурсе.

Взаимосвязь идеологии и ее метафорического воплощения базируется на том факте, что метафора считается важным элементом социальной и политической реальности

[14, с. 156]. Освещая и скрывая определенные аспекты явлений действительности, предоставляя им оценку, метафора служит инструментом воздействия на человека, подсказывая способ действия в той или иной ситуации. Иными словами, метафора выступает инструментом идеологического воздействия на человека.

Для исследования политического дискурса особенно перспективным считается такой подход к тропам, прежде всего к метафорам, который был предложен Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [12]. Основные положения концептуального анализа состоят в том, что метафора относится не к уровню языковой техники, а к уровню мышления и деятельности «наша обычная концептуальная система, в терминах которой мы думаем и действуем, фундаментально метафорична по своей природе» [12].

Суть когнитивной метафоры заключается в актуализации одного концепта посредством другого [13, с. 203]. На языковом уровне метафорическая реализация предусматривает сходство импликационалов взаимодействующих концептов и расхождение интенционалов, что относит их к различным предметным сферам [8, с. 197–198].

Метафоризация основана на взаимодействии двух структур знания, которые называют концептуальным референтом и концептуальным коррелятом, сигнификативной и денотативной зонами, донорской и реципиентной зонами, сферой-целью и сферой-источником. Наиболее удобным для использования считаем термины «референт / сфера-цели», – то есть концепт, который осмысливается, и «коррелят / сфера-источник», – то есть другой концепт, в терминах которого он осмысливается [13]. Несколько коррелятов, которые соотнесены с одним референтом, составляют спектр метафоры [11].

Принято считать, что сферой-цели всегда выступает более абстрактный, диффузный, размытый концепт, а сферой-источником – концепт, который непосредственно наблюдается в повседневной практической деятельности, легко выделяется в пространстве и, соответственно, представляет собой результат обобщения практического опыта индивида. Такое представление воплощено в тезисе об однонаправленности метафорической проекции (*unidirectional principle*): «Метафора позволяет нам понимать достаточно абстрактные или в силу своей природы неструктурированные сущности в терминах более конкретных или, в крайнем случае, более структурированных сущностей» [13, с. 245].

Основной характеристикой метафоры является ее антропоцентрическая природа, что обнаруживается выбором в качестве коррелятов уподобление непосредственно воспринимаемых и легко выделяемых в пространстве объектов, с которыми индивид сталкивается в повседневной деятельности [5; 9; 12; 13].

Метафора может сработать как на морфологическом (с помощью добавления экспрессивных аффиксов к словам), так и на грамматическом уровнях («опредмечивая» состояние, отношение или процесс, который номинируется словами, благодаря предоставлению им категории предметности или качества).

Различают конвенциональные, или «стертые», метафоры и креативные, творческие, или «живые», метафоры. За конвенциональными метафорами часто стоят культурно устоявшиеся представления о действительности, которые активно используются в осмыслении проблемных ситуаций [12, с. 61, 139, 211].

Конвенциональная концептуальная метафора направлена, прежде всего, на заполнение номинативных концептуальных лакун. Ее функция заключается в дескрипции феномена. Поскольку образ мешает единице языка выполнить собственно номинативную функцию, в концептуальных метафорах он «стирается», лишая их экспрессивности.

Согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, конвенциональные метафоры делятся на ориентационные, которые «предоставляют концепту пространственную ориентацию» [12, с 14]; онтологические, возникающие как «способ восприятия событий, деятельности, эмоций, идей и т.д., как материальные сущности и вещи» [12, с. 25]; структурные, которые «дают возможность использовать одно сложно структурированное и четко вычлененное понятие для структурирования другого» [12, с. 61].

В исследовании выделяем метафорические модели на основе общей сферы-цели метафорической экспансии [1]. Это обратное направление анализа базируется на конкретных текстовых реализациях метафор, которые рассматриваются как исходные для определения структуры метафорической модели. На этом основании установлены метафорические реализации ключевого для англо-американского политического дискурса концепта WAR.

При выборе метафор нами учитывались частотность и степень структурированности соответствующих моделей, функции модели в языке средств массовой информации, производительность модели. Анализ концептуальных сфер-источников метафорической экспансии в англо-американском политическом дискурсе показал, что типичными для исследуемого дискурса, наиболее частотными и структурированными является метафорические модели, использующие в качестве источника такие сферы, как СОЦИУМ, ПРИРОДА, ЧЕЛОВЕК: чаще других встречается социоморфная метафора (45%), на долю природоморфной приходится 36%, антропоморфная метафора встречается в 19% случаев.

Война как сложный социально-политический феномен может быть осмыслена в сравнении с более понятными феноменами сферы жизни человека. Этим, на наш взгляд, обусловлено использование в политическом дискурсе метафорических моделей с понятийной сферой-источником СОЦИУМ.

Среди социальных метафор нами были выделены следующие модели: WAR is BUSINESS (26 %), WAR is COMPETITION (14 %), WAR is THEATRE (12 %), WAR is COST and BENEFIT ANALYSIS (9 %), WAR is POLITICS (8,6 %), WAR is SCIENCE (7 %), WAR is STRUGGLE (6,7 %), WAR is BALANCE (4,6 %), WAR is GAME (3,7 %), WAR is SPORT (2,7 %), WAR is JOURNEY (1,5 %), WAR is ARGUMENT (1,5 %), WAR is CRIME (1,4 %), WAR is HUNT (1,3 %) (сферы-источники структурных метафор). Рассмотрим данные метафоры отдельно.

Метафора WAR is BUSINESS является наиболее часто употребляемой в современном англо-американском политическом дискурсе, о чем свидетельствует статистический анализ, например,

War isn't really a dirty business. It is a cruel and bloody and violent business, and it drags down all who are part of it – those in the war zone and those at home into the mire of savagery. ('Война, на самом деле, – не грязный бизнес. Это жестокий и кровавый бизнес, и он затягивает всех, кто является частью его – те, кто в зоне войны, и те, кто находится дома, тонут в болоте жестокости'.) (BBC News, 20.02.2018).

Данная метафорическая модель характеризуется сопоставлением войны и бизнеса и несет в себе значение, которое раскрывается следующим образом – метафора WAR is BUSINESS мотивирована тем, что действия людей, вовлеченных в экономическую жизнь общества, в некоторой степени близки действиям военных на поле сражения. Оценочно-эмоциональный компонент данных метафор не только доносит широким массам американского общества, что война – это бизнес, на котором владельцы зарабатывают деньги, поскольку все отрасли промышленности работают на укрепление

военного потенциала, но и убеждение реципиента в том, что он не живет изолированно и, занимая наблюдательную позицию, точно так же есть частью того кровавого бизнеса, который забирает человеческие жизни. Метафора *mire of savagery* показывает, что американцы, которые находятся по другую сторону военных действий, все равно настроены на агрессию, они, буквально, «тонут в болоте жестокости».

Еще одним примером структурной метафоры может служить высказывание WAR is COST and BENEFIT ANALYSIS, которое раскрывает сущность и цель военных действий, говорящих о том, что война является выгодой для обеих действующих сторон:

We will end a brutal regime, whose aggression and weapons of mass destruction make it a unique threat to the world ... Iraq will go forward as a unified, independent and sovereign nation that has regained a respected place in the world. ('Мы покончим с жестоким режимом, чья агрессия и оружие массового поражения делают его уникальной угрозой миру ... Ирак будет выступать в качестве единой, независимой и суверенной нации, которая восстановит свою уважаемую репутацию в мире'.) (The Times, 23.04.2018)

Метафорическая модель WAR is COMPETITION является еще одним главным понятийным полем политического дискурса. Спортивная тематика является универсальным способом для метафорического переосмысления сферы политики, в том числе и того, что касается ведения войны. Ярким примером апелляции к миру спорта может быть политический дискурс с идеей соперничества и победы над противниками, участниками боевых действий. Под войной часто подразумевают соревновательную игру с наличием победителя и проигравшего, подчеркивается стратегическое мышление, командная работа, подготовка к соревнованию, выделяются зрители на мировой арене:

As we like to say in America, "this is not their first rodeo." ('Как мы говорим у себя в Америке, «это у них не первое родео»'.) (CNN News, 25.02.2018)

A standoff to cool down. ('Ничья, которая поможет разрядить обстановку'.) (The Washington Post, 04.04.2018)

We should, in other words, prepare ourselves for further, and far greater, turmoil on the international arena. ('Иными словами, мы должны готовиться к дальнейшему и гораздо более серьезному беспорядку на международной арене'.) (The Daily News, 20.02.2018)

... becoming a party to the conflict. ('... мы станем участниками конфликта'.) (BBC News, 20.02.2018).

... undermined Moscow's international reputation as a champion of sovereignty and noninterference. ('... подорвал международную репутацию Москвы как сторонницы суверенитета и невмешательства'.) (The Washington Post, 04.04.2018)

В приведенных примерах наблюдается использование слов, которое относится к сфере спорта (*rodeo / родео, a standoff / ничья, a champion / чемпион*), которые олицетворяют значимость спорта для представителей англоязычной культуры. Это связано с формированием в культуре норм и ценностей: выгодно быть здоровым, сохранять физическую форму, что помогает заработать деньги, которые для западной культуры являются символом жизненного успеха.

На западе существует давняя традиция дополнительно тренировать офицеров в командных видах спорта и шахматах, таким образом военного человека готовят к победе. Структурная метафора WAR is SPORT является примером представления войны как спортивных соревнований, в которых существуют определенные правила и этапы:

We must observe the rules of war. ('Мы должны соблюдать правила войны'.) (The Press Gazette, 20.02.2018)

Представление войны как игры (WAR is GAME) является источником, несущим в себе описание схожести военных действий и правил с игрой двух враждующих субъектов:

People worry about the terrorist threat; ... those that play by the rules are being damaged by those that don't. ('Люди боятся террористической угрозы; ... те, кто играют по правилам, страдают и несут потери из-за тех, кто по ним не играет'.)

Социальная метафора WAR is THEATRE представлена широкой палитрой метафорических словоупотреблений в англо-американском политическом дискурсе. Исследователи метафоры полагают, что на распространение театральной метафоры большое влияние оказало развитие средств массовой информации. Многие ученые сходятся во мнении, что именно в США театрализация военной кампании достигла своей завершенности и гипертрофированности. В соответствии с тематикой понятийной сферы-источника, участники военных действий выступают на театральных подмостках и исполняют специально для них написанные роли. Как и любое представление, политическое шоу имеет своего режиссера, сценариста, постановщика, публику в лице всего человечества, которая внимательно следит за развитием событий на сцене. Часто театральная метафорика переходит в метафору кино и других видов зрелищного искусства. В англоязычной картине мира в рамках данного фрейма подготовка к войне рассматривается как приготовление сцены к спектаклю, написание сценария, распределение ролей между актерами. В англоязычной картине мира используются универсальные понятия, относящиеся к сфере театра и кино (*to set the stage / декорировать сцену, scenario / script / сценарий, to play the part / to play the role / исполнять роль, audience / зрители, applause / аплодисменты*):

Setting the stage for military action. ('Создание условий для военных действий'.) (The Sunday Times, 11.10.2017)

This is a relatively problematic scenario for Washington. ('Это довольно проблематичный сценарий для Вашингтона'.) (The New Statesman, 10.03.2018)

Метафорическая модель WAR is POLITICS несет концептуальный вектор агрессии, недовольства. Милитаризация общественного сознания в США связана с экономическим упадком в стране и потерей моральных ценностей. Война представляется единственным способом вернуть стране исходные позиции и противостоять негативным факторам:

In the struggle for peace and justice, we cannot walk alone. In the struggle to heal this nation and repair this world, we cannot walk alone ('В борьбе за мир и справедливость мы не можем идти в одиночку. В борьбе за исцеление этой нации и восстановление этого мира мы не можем бороться в одиночку'.) (The Guardian, 11.09.2017)

Социальная метафора WAR is SCIENCE описывает войну как науку, которую изучают и исследуют:

It meant thousands of trained saboteurs, who had learned the arts of destruction in secret war upon the Nazis. ('Это означало тысячи обученных диверсантов, которые научились искусству разрушения в тайной войне с нацистами'.) (The New York Times, 10.03.2018)

Метафорическая модель WAR is BALANCE указывает на то, что основным средством достижения целей войны служит организованная вооруженная борьба как главное и решающее средство, а также экономические, дипломатические, идеологические, информационные и другие средства борьбы. В этом смысле война –

это организованное вооруженное насилие, целью которого является достижение политических целей, то есть достижение определенного баланса во всех сферах социальной и политической жизни:

The threat we face is real, but our response must strike the right balance between necessary vigilance against a serious enemy, and our determination to preserve our way of life. ('Угроза, с которой мы сталкиваемся, реальна, но наш ответ должен обеспечить правильный баланс между необходимой бдительностью против серьезного врага и нашей решимостью сохранить наш образ жизни'.) (The Washington Post Office, 04.04.2018)

Структурная метафора WAR is STRUGGLE представляет войны с точки зрения внутреннего и внешнего сражения между враждующими сторонами:

And that's why, when we talk about change, we know what real change looks like because we've fought for it. We've got the scars to prove it. We've got the gray hair to show it ... Our fight for change goes on. ('И поэтому, когда мы говорим о переменах, мы знаем, как выглядят настоящие перемены, потому, что мы за них боролись. Наши шрамы тому подтверждение. Наша седина тому доказательство... Наша борьба за перемены продолжается'.) (The New York Times, 10.03.2018)

Целью войны является захват территории противника, а также достижение власти в пределах данного региона. Метафорическая модель WAR is HUNT демонстрирует вражеские цели и интерес в рамках охотничьих инстинктов. Отталкиваясь от данной модели, можно представить нападающую сторону охотником, а страну, отвечающую на нападение – дичью. Таким образом, в случае успеха нападающей стороны, дичь становится ее добычей:

They are terrorists, and history will judge them as such. Before the history books are written, however, we will continue to hunt them down ... I say to the people of Afghanistan: "As we hunt down those terrorists who committed murder and as we hunt down those who are hiding in your country, they and not you are our enemy. ('Они – террористы, и история будет судить о них как о таковых. Однако до того, как будут написаны книги по истории, мы продолжим охоту на них ... Я говорю народу Афганистана: «Когда мы выслеживаем тех террористов, которые совершили убийство, и когда мы выслеживаем тех, кто прячется в вашей стране, они, а не вы, являются нашими врагами.»') (The Guardian, 11.09.2017)

Метафорическая модель WAR is ARGUMENT рассматривается в рамках концепта WAR, как некая абстрактная сущность, приводящая к разрушению:

The USA attacked every weak point in our arguments ('США атаковали каждое слабое звено в наших аргументах'.) (BBC News, 20.02.2018).

Структурная метафора WAR is JOURNEY подчеркивает признак политической и географической нестабильности в период войны:

But Iraq must be disarmed of WMD. By going down the UN route, the international community has given Saddam the chance for peaceful disarmament. ('Но Ирак должен быть разоружен и должен быть избавлен от оружия массового поражения. Следуя по маршруту ООН, международное сообщество предоставило Саддаму шанс на мирное разоружение'.) (The New York Times, 10.03.2018)

Война в своей сущности расценивается как преступление, или же ряд преступлений, характеризующихся ложью и насилием. Метафорическая модель WAR is CRIME несет в себе представление о войне как о эвфемистическом преступлении. Данная метафора имеет негативную коннотацию представления о войне, которая всегда является нечестным и зачастую безнаказанным действием:

Much of war is crime, a series of depredations and abuses – some calculated, others opportunistic, many a matter of routine – that participants cloak with sanctimony, euphemism and lies. The war in Syria serves as an example for our times, even as it continues to unfold. ('По большому счету, война – это преступление, ряд грабежей и злоупотреблений властью – одни из них – расчетливые, другие – оппортунистические, многие – давно для большинства стали привычными – участников свято покрывают эвфемизмом и ложью. Война в Сирии служит примером для нашего времени, даже во время ее развития'.) (The Sunday Times, 11.10.2017)

В результате проведенного количественного анализа функционирования метафор войны в современном англо-американском политическом дискурсе, было выявлено 45 % структурных метафор, 36 % онтологических и 19 % ориентационных метафор. Приоритетность социальной метафоры для объективации концепта WAR в современном англо-американском политическом дискурсе можно объяснить тем, что данный вид метафоры включает в себя огромное множество важных метафорических моделей, которые дают представление о доминировании определенных стереотипных мыслей современного англо-американского языкового сообщества о соответствующем явлении, а также тем, что социальная метафора является неотъемлемым инструментом системы технологий речевого воздействия, благодаря которому происходит взаимодействие языка, политики и общественного сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А.Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга [Электронный ресурс] / А.Н. Баранов. – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru>. (дата обращения 26.09.2018)
2. Венедиктова Л.Н. Концепт «война» в языковой картине мира (сопоставительное исследование на материале английского и русского языков): автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата филол. наук: спец. 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / Л.Н. Венедиктова. – Челябинский государственный университет. – Тюмень, 2004. – 20 с.
3. Головань О.В. Семантико-ассоциативная структура концепта «Война» / О.В. Головань – Барнаул: Изд-во Алт ГГУ, 2001. – 119 с.
4. Зиатдинова Г.И. Концепт «Сугыш» (война) в татарской языковой картине мира): автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата филол. наук: спец. 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (татарский язык) / Г.И. Зиатдинова. – Казань, 2009. – 22 с.
5. Краткий словарь когнитивных терминов / Сост. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрат, Л.Г. Лузина. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 245 с.
6. Крячко В.Б. Концептосфера «Война» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата филол. наук: спец. 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / В.Б. Крячко. – Волгоград, 2007. – 24 с.
7. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
8. Никитин М.В. Основания когнитивной семантики: [учебное пособие для высш. учеб. заведений] / М.В. Никитин. – СПб.: Изд-во РГПУ, 2003. – 277 с.
9. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. - М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
10. Хоруженко В.А. Концепты «Война» и «Враг» в современной русскоязычной публицистике : автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата филол. наук: спец. 10.01.10 – Журналистика. – Москва, 2010. – 20 с.
11. Kovacs Z. American friendship and the scope of metaphor / Z. Kovacs // Cognitive Linguistics. – 1995. – Vol. 6, No 4 – P. 23 – 45.
12. Lakoff G. Metaphors We Live By. / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 240 p.
13. Lakoff G. The metaphor system and its role in grammar / G. Lakoff // CLS 29: What We Think, What We Mean, and How we Say It: Papers from the Parasession on the Correspondence of Conceptual, semantic and Grammatical Representations. – 1993. – Vol. 2. – P. 217–241.

14. Lakoff G. Moral Politics. How Liberals and Conservatives Think / G. Lakoff. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 2002. – 471 p.

Поступила в редакцию 30.05.2019 г.

SOCIAL METAPHOR IN STRUCTURE OF FIGURATIVE CONSTITUENT OF CONCEPT WAR

I.V. Fatyanova

The article presents the results of cognitive-discursive study of expressing figurative constituent of the concept WAR with the help of social metaphors in Modern Anglo-American political discourse. The correlates of metaphors of WAR that form the grounding of actualization of the figurative constituent of the concept under analysis are found. The frame models of cognitive metaphors of WAR are built.

Key words: concept, political discourse, figurative constituent of the concept, conceptual metaphor, frame model of the concept.

Фатьянова Ирина Валерьевна.

Кандидат филологических наук.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры английской филологии.

E-mail: irafatianova@mail.ru.

Fatyanova Irina Valeriyvna.

Candidate of Philology.

Donetsk National University.

Assistant Professor of English Philology Department.

E-mail: irafatianova@mail.ru.

УДК 81'373

СЛОЖНЫЕ НОМИНАЦИИ ЛИЦА В СТРУКТУРЕ ФИЛЬМОНИМОВ: СОСТАВ И ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ

(на материале названий русскоязычных фильмов и сериалов 1992–2019 годов)

© 2019 Н.А. Ярошенко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье на материале названий русскоязычных фильмов и сериалов 1992–2019 годов выявляются структурно-семантические особенности сложных номинаций лица в структуре фильмонимов. Определяются и анализируются состав и основные структурные разновидности фильмонимов рассматриваемого типа. Фильмонимы систематизируются по формальным и содержательным параметрам. Устанавливаются и характеризуются основные модели образования сложных и составных фильмонимов.

Ключевые слова: номинация лица, сложная номинация лица, оним, идеоним, фильмоним, структура фильмонима, производящая база заглавия, структурно-семантические модели.

Характерной особенностью современной ономастики в числе прочего является пристальное внимание исследователей к периферийным разрядам проприальной лексики. Так, к малоизученным классам онимов относятся названия фильмов, или *фильмонимы*, которые представляют собой подкласс поля *идеонимов*, т. е. собственных названий объектов, связанных с духовной сферой деятельности человека. Среди идеонимов лучше всего изучены библионимы (заглавия литературных произведений). Что касается фильмонимов, то они долгое время оставались вне поля зрения ономастологов.

Как известно, одним из ключевых понятий ономастики является понятие ономастического пространства. Данным термином в целом обозначается особый класс слов – имён собственных (онимов) в их противопоставлении классу имён нарицательных (апеллятивов). Так, согласно определению А.В. Суперанской ономастическое пространство – это «сумма имён собственных, употребляемых в языке данного народа для именованья реальных, гипотетических и фантастических объектов» [22, с. 9]. В монографии «Общая теория имени собственного» А.В. Суперанской и в «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской ономастическое (онимное) пространство понимается как комплекс собственных имён всех разрядов и уровней, употребляемых определённым народом в определённый период [22, с. 141, с. 147–148; 16, с. 104].

В качестве одного из способов исследования ономастической системы В.И. Супрун предложил полевой подход, согласно которому «ономастическое пространство представляет собой полевою структуру с ядерными и периферийными конституентами» [23, с. 6]. Любая полевая стратификация, как понятно, предполагает выделение ядра, околоядерного пространства и периферии. Как отмечает В.И. Супрун, «облигаторным принципом полевого структурирования ономастического пространства служит моделирование **ядерно-периферийных** отношений между именами собственными» [23, с. 11]. Таким образом, через понятие ономастического поля отображается иерархическая структура ономастикона.

А.В. Суперанская определяет ономастическое поле как «определённую сферу соотнесенности имени. Знание границ и иерархии ономастических полей необходимо для понимания и употребления имени» [22, с. 280]. И.А. Королева под ономастическим

полем понимает «определенным образом организованное ономастическое пространство, состоящее из различных разрядов ИС, внутри которого реализуются закономерности их систематизации и функционирования» [7, с. 86].

Ядром ономастического пространства, по мнению В.И. Супруна, являются антропонимы, а к околядерному пространству относятся антропонимоподобные совокупности. В то время как топонимы и космонимы «в зависимости от местоположения на шкале *язык/речь* могут быть компонентами ядра и периферии» [23, с. 12].

Считается, что наиболее подробное описание периферийных разрядов онимов осуществила Н.В. Подольская в «Словаре русской ономастической терминологии». Так, в предисловии к словарю лексикограф выделяет две группы тех онимов, которые можно отнести к периферийным: 1) идеонимы как названия объектов умственной деятельности и 2) прагматонимы как названия объектов прагматической деятельности. К разряду идеонимов относятся артионимы, библионимы, геортонимы, гемеронимы, документонимы, поэтонимы и хрононимы. В группу прагматонимов Н.В. Подольская включила хрематонимы, порейонимы, ойконимы, ойкодомонимы, урбанонимы, дромонимы, агроонимы и др. [17, с. 16]. При этом следует отметить, что хотя эргонимы, политонимы и фалеронимы в данной классификации не отражаются, но в самом словаре они приводятся.

В.И. Супрун в качестве периферийных разрядов имён собственных называет гемеронимы, геортонимы, фалеронимы, документонимы, прагмонимы, эргонимы, товаронимы и указывает, что периферия включает в свой состав «и другие менее значительные по объёму разряды имён собственных, имеющие структурно-семантическое разнообразие и обладающие чертами апеллятивно-онимического пограничья» [23, с. 12]. Исследователь обращает внимание на тот факт, что каждый из разрядов имён собственных образует своё поле, которое повторяет структуру ономастического поля в целом.

Как справедливо отмечает М.Г. Курбанова, с каждым днём терминов, обозначающих отдельные ономастические единицы, становится всё больше (см. [9, с. 27–28]).

Периферийные разряды имён собственных представляют собой результат искусственной номинации, а также изменчивы и в значительной степени зависят от социальных и субъективных факторов. Искусственно созданные онимы, как известно, возникают при условии вынужденной номинации. По мнению М.В. Голомидовой, искусственная номинация – это «осознанный и целенаправленный номинативный акт, ориентированный на априорную узуализацию созданной номинативной единицы» [4, с. 5–6].

«Названия произведений искусства – картин, скульптур, фильмов, музыкальных и литературных произведений – образуют свои специфические ряды со своими характерными признаками» [22, с. 201]. А.В. Суперанская подчёркивает, что это особая область ономастики, которую «едва ли можно считать предметной» [22, с. 201].

В «Словаре ономастической терминологии» Н.В. Подольской термин *идеоним* приводится с оговоркой о том, что «под этим термином, пока условно, объединены различные категории имён собственных, имеющие денотаты в умственной, идеологической и художественной сфере человеческой деятельности» [17, с. 61].

Таким образом, термин *идеоним* является родовым, поскольку данный сектор ономастического пространства подвергается внутренней дифференциации.

Так, К.В. Першина в качестве видовых разновидностей, которые входят в родовой класс идеонимов, называет такие подтипы онимов, как *библионимы* (заглавия литературных произведений), *артионимы* (названия произведений живописи),

фильмонимы (названия фильмов и спектаклей), *мелонимы* (названия музыкальных произведений), *гемеронимы* (названия СМИ, теле- и радиопрограмм), *ойкодомонимы* (названия произведений ваяния и зодчества), *документонимы* (названия различных документов) [15, с. 18]. По мнению исследовательницы, центр идеонимного поля формируют библионимы [12, с. 264].

Использование термина *фильмоним* для обозначения названий кинофильмов в отечественной ономастике прежде всего связывают с работами Е.В. Кныш [6] и Ю.Н. Подымовой [19]. Так, Ю.Н. Подымова, ссылаясь на Е.В. Кныш, отмечает, что термин *фильмоним* как название кинофильма «может занять своё место в системе ономастической терминологии, поскольку имеет словообразовательную структуру, включающую в себя типовые форманты, где первый называет объект, а второй компонент *оним* означает “имя собственное” (ср. антропоним, зооним, топоним, мифоним, теоним, фитоним, эргоним и др.)» [19, с. 8]. Вместе с тем термин *фильмоним*, характеризуясь лаконичностью и однозначностью, не получил широкого распространения. По мнению О.И. Александровой, это обусловлено «несоответствием значения компонента *-оним* в составе термина-композиата *фильмоним* тем структурным и содержательным характеристикам, которые описывают онимы и которые закреплены в ономастике и ономастической семантике» [1, с. 1192].

В связи с тем, что предметные значения названий фильмов расположены в умственной сфере человеческой деятельности, то вполне целесообразно рассматривать их в качестве одного из видов идеонимов. С одной стороны, как и любое имя собственное, *фильмонимы* наделены способностью индивидуализировать, т. е. выделять единичный объект из ряда однородных, а с другой стороны, являясь одним из периферийных разрядов ономастического пространства, *фильмонимы* обладают ономастическим и доономастическим значением. Другими словами, *фильмонимы* сохраняют значение имён собственных или нарицательных, от которых они образованы.

В отечественной лингвистике названия фильмов традиционно характеризуются как заголовочные комплексы, которые, занимая сильную позицию, являются ключом к пониманию всего текста (кинофильма). По словам Е.С. Руфовой, «репрезентируя произведение киноискусства, *фильмоним* выступает как своего рода аббревиатура фильма» [20, с. 128]. С.А. Алиева отмечает, что «и библионимам, и *фильмонимам* свойственна номинативно-образная природа, обусловленная их принадлежностью к духовной сфере – сфере искусства» [2, с. 172]. Как утверждает К.В. Першина, к общим свойствам заголовка и *фильмонима* относится наличие у них внешнего и внутреннего дискурсов (контекстов), в которых они создаются и функционируют. При этом для *фильмонима* внешним контекстом является «художественно-эстетическая и историко-культурная среда, в которой формируется и живёт название фильма; внутренний (или художественный) дискурс – это архитектоника фильма, создающаяся взаимодействием вербальных средств, видеорядов, мизансцен, музыкальных тем и пр.» [11, с. 107].

Названия фильмов по преимуществу изучаются в контексте проблемы перевода *фильмонимов* с одного языка на другой (см., например, [1; 2; 3; 5 и др.]). Также *фильмонимы* в отечественной лингвистике исследуются на материале таких языков, как английский, американский вариант английского [8; 21], японский [20], кыргызский [2]. Материал русского языка привлекается, как правило, только как фон и как вторичный текст при изучении стратегий перевода на русский язык иноязычных кинозаголовков. Вместе с тем комплексное исследование, посвящённое структурно-семантическим, функциональным, прагматическим и проч. параметрам названий русскоязычных фильмов и сериалов, до сих пор отсутствует.

В работах К.В. Першиной осуществляется разносторонний анализ таких фильмонимов, как «Весна на Заречной улице» [11], «Дело было в Пенькове» [14], на материале русского языка рассматриваются особенности функционирования антропонимов и топонимов в структуре идеонимов в целом и фильмонимов в частности [12; 13]. В одной из работ исследовательница вполне справедливо указывает на тот факт, что в настоящее время фильмонимы представляют собой многочисленную и активно пополняющуюся группу идеонимов, а также отмечает актуальность названий фильмов и телесериалов как лексического разряда для представителей различных возрастных групп и социальных слоёв [13, с. 118].

Осуществляя семантические классификации киноназваний (в том числе и в аспекте проблемы перевода названий фильмов на русский язык), лингвисты обращают внимание на тот факт, что самой многочисленной оказывается группа тех фильмонимов, которые репрезентируют объект в самом широком смысле этого слова и отвечают на вопрос «кто?» или «что?» (см. [2, с. 172]). Иначе говоря, фильмонимы этого типа связаны с реализацией категории персональности и с такой важной составляющей любого художественного произведения, как человек (персонаж, герой), т. е. онимной или безонимной номинацией главного героя фильма, действующего лица фильма или же группы действующих лиц.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы осуществить комплексный анализ фильмонимов русского языка, содержащих в своём составе сложные номинации лица.

Объектом исследования являются современные фильмонимы русского языка, в которые входят сложные номинации лица. В то время как **предмет исследования** составляют структурно-семантические и функциональные особенности рассматриваемых фильмонимов.

Материал исследования извлекался методом сплошной выборки фильмонимов – номинаций лица с сайтов www.kinopoisk.ru [28] и www.kino-teatr.ru [29], которые являются популярными русскоязычными кинопорталами, представляющими информацию о фильмах, сериалах, актёрах, режиссёрах и т. п. **Временной диапазон выборки** охватывает названия российских и совместных русскоязычных фильмов и сериалов, которые снимались в период с 1992 по 2019 год включительно.

Авторская картотека включает 2 565 фильмонимов различных структурных разновидностей, в состав которых входят онимные и безонимные (в том числе и местоименные) номинации лица.

Для непосредственного анализа в рамках предлагаемой статьи с учётом вышеуказанного критерия нами было отобрано 109 фильмонимов, которые разноплановы в структурном и семантическом отношении.

Обратимся к систематизации и анализу фактического материала.

Номинации лица, входящие в состав рассматриваемых фильмонимов, можно распределить по нескольким подгруппам на основании способа словообразования. В целом, безусловно, если иметь в виду процесс образования фильмонимов как таковой, мы в этих случаях по преимуществу имеем дело с результатом онимизации апеллятивов или же трансонимизации антропонимов.

Прежде всего необходимо уточнить, что в состав первых семи из шестнадцати выделенных нами групп входят номинации лица композитного типа при широком понимании термина *композит*, т. е. такой подход предполагает привлечение в качестве материала исследования всех номинаций, в структуре которых выделяется более одного корня (независимо от того, в полном или сокращённом виде этот корень представлен в

сложном слове), а также сложных заимствований и сложнопроизводных слов (ср. [24]). Как отмечает В.И. Теркулов, «при всей методологической спорности такого подхода, для нашего исследования он вполне приемлем на стадии отбора материала, поскольку установление ономазиологической стратификации системы сложных слов языка, в нашем случае – русского, возможно только на основе рассмотрения всех наличествующих в нём типов многокорневых образований» [24, с. 5].

Таким образом, исходя из обозначенных теоретических предпосылок, распределим анализируемые номинации лица в составе фильмонимов по нескольким подгруппам:

1. Номинации-композицы (в том числе сложно-суффиксальные, а также суффиксальные типа *ленинградец*, образованные на базе композита): *Афромосквич* (2004)¹, *дальнобойщицы* в составе фильмонимов *Дальнобойщицы* (2000–2001), *Дальнобойщицы-2* (2004), *Дальнобойщицы-3*. *Десять лет спустя* (2011), *Доброволец* (2009), *Домохозяин* (2017), *Звездочёт* (2004), *зверобой* в составе фильмонимов *Зверобой* (2008), *Зверобой-2* (2010), *Зверобой-3* (2011), *Казнокрады* (2011), *Кинооператор* (2009), *красноармеец* в составе фильмонима *Война и мир красноармейца Ивана Чонкина* (2007), *Крысолов* (2011), *Кукловоды* (2016), *Ленинградец* (2006), *Людоед* (1992), *Меченосец* (2006), *Молодожёны* (2011–2012), *Молодожёны* (2012), *Огнеборцы* (2003), *одноклассники* в составе фильмонимов *Одноклассники* (2008), *Одноклассники* (2009), *Одноклассники* (2013), *Однолюбы* (2012), *Первоклашки* (2013), *Плотгоны* (2010), *Самозванцы* (1998–2002), *Самоубийцы* (2011), *Следопыт* (2009), *Старшеклассники* (2006–2010), *телохранитель* в составе фильмонимов *Телохранитель* (2014), *Телохранитель-1* (2006), *Телохранитель-2* (2009), *Телохранитель-3* (2009), *Чудотворец* (2014).

2. Сложнопроизводные композиты с мутационным значением женскости, т. е. названия лиц женского пола: *домработница* в составе фильмонимов *Домработница* (2011), *Домработница* (2013), *Домработница* (2015), *домхозяйки* в составе фильмонима-предложения *Лекции для домохозяек* (2012), *Лжесвидетельница* (2011), *Одноклассницы* (2013), *Одноклассницы* (2016), *первокурсница* в составе фильмонимов *Первокурсница / Пер-р-р-вокурсница*² (2002), *Пер-р-р-вокурсница / Первокурсница* (2002), *Первокурсница* (2016), *Самозванка* (2012), *Сердцеедки* (2008), *скалолазка* в структуре фильмонимов *Скалолазка* (2013), *Скалолазка и последний из седьмой колыбели* (2007), *Сумасбродка* (2005), *Телохранительница* (2008), *Управдомша* (2019).

Как видим, номинация *управдомша*, в состав которой входит суффикс *-ш(а)*, представляет собой просторечно-фамильярное обозначение женщины по профессии (ср. *билетёрша*, *касси́рша*, *кондукторша*, *лифтёрша*, *контролёрша* и другие так называемые феминитивы). Что касается фильмонима *Пер-р-р-вокурсница* – вариант названия *Первокурсница* (2002), то он создан с использованием дефисации, если говорить о графическом восприятии названия, но может быть также охарактеризован как проявление эмфатического ударения, т. е. эмоционального выделения тех или иных звуков за счёт их напряжённого произношения (в обоих случаях речь идёт об использовании языковой игры при создании фильмонима).

3. Сложносокращённые номинации (в том числе и суффиксальные типа *гаишники*, образованные на базе аббревиатуры): *бомж* в составе фильмонимов *Б.О.М.Ж* (2009), *Бомж* (2006), *Гаишники* (2007–2010), *Морпехи* (2011), *спецкор* в составе фильмонима-

¹ Здесь и далее в круглых скобках указывается год выхода фильма или сериала на основании данных, представленных на сайтах www.kinopoisk.ru и www.kino-teatr.ru.

² Здесь и далее через наклонную черту приводятся варианты названий фильма или сериала, которые зафиксированы на сайтах www.kinopoisk.ru и www.kino-teatr.ru.

предложения *Спецкор отдела расследований* (2009), *Судмедэксперты* (2010), *Физрук* (2014–2017), *Стройбатя* (2010).

Фильмоним *Б.О.М.Ж* (2009) создан с использованием такого графического приёма языковой игры, как капитализация (т. е. написания всего слова заглавными буквами), который усложняется за счёт разделения частей аббревиатуры точками. Вместе с тем этот фильмоним можно квалифицировать и как такой, который напрямую восходит не к разговорному слову *бомж*, а к милицейской аббревиатуре *БОМЖ*. Так, в обоих словарях Г. Н. Скляревской (1998 и 2006 годов) отдельно как две самостоятельные лексемы со своими значениями фиксируются написания *БОМЖ* и *бомж*:

БОМЖ, неизм. *Офиц.* Сокр. ‘без определённого места жительства’ (аббревиатура, принятая в милиции как информация о паспортных данных). *Лица БОМЖ*.

Бомж, а. м. *Разг.* ‘человек, не имеющий постоянного места жительства, прописки, определённых занятий; бездомный, бродяга’ [25, с. 109–110; 26, с. 152–153].

В этой группе обращает на себя внимание название сериала *Стройбатя* (2010), которое структурно и семантически соотносится с такими номинациями, как *стройбат* (действие сериала разворачивается в стройбате) и *батя* в разговорном значении ‘о командире воинского подразделения’ [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=батя&all=x>] (главный герой сериала – командир воинской части подполковник Василий Иванович Архипов, которого и называют *стройбатя*). Ср. название фильма *Батя / Десантный батя* (2008). Очевидно, номинация *стройбатя* в составе фильмонима *Стройбатя* (2010) представляет собой результат телескопного словообразования с одновременной аппликацией (*стройбатя* < *стройбат* + *батя* и *стройбатя* < *стройбат* + *батя*).

4. Суффиксальные названия лиц женского пола, образованные на базе сложносокращённых номинаций мужского пола (сложнопроизводные слова): *бомжиха* в составе фильмонимов *Бомжиха* (2007) и *Бомжиха-2* (2009). Дериват *бомжиха* как производное от *бомж* фиксируется «Национальным корпусом русского языка» (НКРЯ) и датируется в нём 1994 годом по первой фиксации в составе юкстапозита *бабушка-бомжиха* (пример из романа «Сад» Нины Садур). Следующие по дате фиксации примеры в НКРЯ – это 1997 год: *Молодая бомжиха Маринка просит оставить покурить и сумбурно рассказывает, что подали они в загс заявку с водителем грузовика, а его мать Маринку из дома выгнала: мол, много ест* (Ольга Пескова. Настырные запахи июля. 1997); *По мне – путана с Тверской, а то еще хуже – бомжиха с Киевского вокзала.* (Эдуард Володарский. Дневник самоубийцы. 1997); *Все та же Сонька, стившаяся, опустившаяся, неподмытая... бомжиха Сонька, прикинувшись жертвой демократии, развалилась от Калининграда до Сахалина, облекая похмелье в политические мотивы... и нет ей ни конца ни краю, хоть и ужалась с одной шестой до одной седьмой части света* (Андрей Битов. Жизнь без нас. 1997). Семантически к фильмонимам *Бомжиха* (2007) и *Бомжиха-2* (2009) примыкает составное название сериала *Леди Бомж* (2001), снятого по одноимённому бестселлеру Дарьи Истоминой «*Леди БОМЖ*». Ср. названия продолжений этого сериала: *Леди Босс* (2001) и *Леди Мэр* (2003). В названных фильмонимах-словосочетаниях категория рода по отношению к несклоняемым существительным мужского рода *бомж*, *босс* и *мэр* выражается аналитически за счёт несклоняемого существительного женского рода *леди*.

5. Заимствованные номинации лица, которые уже в языке-источнике являются сложными словами, а также номинации лица, восходящие к названиям типа *фотография*, образованным за счёт объединения корней греческого происхождения: *Бармен* (2015), *Гастарбайтер* (2009), *географ* в структуре фильмонима-предложения

Географ глобус пропил (2013), *геолог* в составе фильмонима *Геолог. Сильнее смерти* (2014), *Фотограф* (2008).

6. Оказиональный феминитив-контаминация *Психологини* (2017) как номинация лиц женского пола, указывающая на их профессиональную роль. Ср. *филологини*. Очевидно, оказиональные существительные-феминитивы *психологини* и *филологини* как номинации женщин-психологов и женщин-филологов представляют собой результат телескопного словообразования на базе лексем *психолог* и *богиня* (= *психологиня/психологини*) и *филолог* и *богиня* (= *филологиня/филологини*) соответственно. Отметим, что в социальной сети *Instagram* представлены аккаунты с такими никнеймами, как, например, *Богиня-филологиня*, *Богиня-Филологиня*, *Богиня Филологиня*, *Александра Богиня Психологиня*, *Алёна Богиня Психологиня*, *Богиня Психологиня*, *Не богиня, а психологиня* и др., в состав некоторых при этом после значка @ могут входить и другие компоненты.

7. Номинации-субстантивы, которые представляют собой следствие субстантивации сложных прилагательных и причастий: *Тридцатилетние* (2007), *Ясновидящая* (2009), оказионализм *разнокожие* в составе фильмонима *Вождь разнокожих* (2011), который был образован в результате переосмысления названия юмористической новеллы О. Генри «*Вождь краснокожих*» и её экранизаций. Следует отметить, что в целом, как свидетельствуют систематизация и анализ фактического материала, среди современных фильмонимов русского языка частотны номинации-субстантиваты. Например: *Исчезнувшая* (2017), *Неприкасаемая* (2013), *Чокнутая* (2011), *Чужая* (2010), *Чужая* (2018), *Забывтый* (2011), *Заговорённый* (2015), *Искупаемый* (2012), *Легавый* (2012), *Неподкупный* (2015), *Бывшие* (2016), *Другие* (2018), *Непобедимые* (2012), *Неподсудные* (2015), *Неуловимые* (2015), *Неуловимые* (2018), *Окрылённые* (2015) и др.

8. Особую группу фильмонимов образуют сложные номинации лица как имитация структуры названия адреса сайта: *Воин.com* (2011), *Неудачников.net* (2010), *Галыгин.ru* (2009). Все фильмонимы этого типа могут быть охарактеризованы как результат гибридизации, при этом один из компонентов такого фильмонима по структуре совпадает с названием домена (*com, net, ru*).

Так, фильмоним *Воин.com* (2011) является результатом языковой игры: здесь обыгрывается частичное звуковое совпадение сокращения *военком* (один из главных героев фильма как раз и является военкомом) и имитации названия сайта *воин.com*. Другое название этой комедии – *Военком и призывник* (2011). Название фильма *Неудачников.net* (2010), которое также структурно имитирует название сайта, может восприниматься и как предложение *Неудачников нет*, т. е. сращение в единое целое двух лексем с графическим обыгрыванием второй из них. Название молодёжной комедии *Галыгин.ru* (2009) восходит к фамилии Вадима Галыгина — продюсера и актёра, сыгравшего главную роль в этом сериале. Как известно, в этом сериале Вадим Галыгин играет самого себя. В целом же сложная номинация *Галыгин.ru* сочетает значения ‘фамилия героя’ как номинации персонажа фильма и ‘страна проживания героя’, при этом реализация последнего значения возможна за счёт отсылки к значению домена *ru* (*ру*). Ср. строчку «*Пишешь адрес: Никуда Безнадёга точка ру*» из песни группы «Иванушки International», которая подтверждает факт лексикализации варваризма *ру*, восходящего к названию домена *ru*, и приобретения им значения ‘Россия’.

9. Сложными номинациями в составе анализируемых фильмонимов можно условно считать коллективные номинации как результат объединения в одно целое двух имён собственных (чаще всего мужского и женского имени). В результате такой

языковой игры получается и формально (графически), и семантически (содержательно) единая сложная номинация, которая, очевидно, по замыслу авторов, должна указывать на единство судеб главных героев того или иного фильма/сериала. Однако при этом обе части такого сложного наименования продолжают писаться с заглавных букв, по всей видимости, для того, чтобы зритель смог увидеть эти два отдельных имени в составе так называемой коллективной номинации. Например, фильмоним *СашаТаня* (2013–2019), другое название этого сериала – *Универ. Саша + Таня* (2013–2019), *СеняФедя* (2018). Особого внимания в этой группе заслуживает фильмоним *КостяНика: Время лета* (2006). Языковая игра в результате объединения в одну номинацию мужского имени *Костя* и женского имени *Ника* как номинаций главных героев фильма также здесь осложняется дополнительным смыслом за счёт языковой игры на основе паронимии: коллективная сложная онимная номинация *КостяНика* и апеллатив *костяника* ‘лесное травянистое растение семейства розоцветных со съедобными красными кислыми ягодами; ягоды этого растения’ [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=костяника&all=x>]. Восприятие фильмонима *КостяНика* как коллективной номинации усиливается для тех зрителей, которые обладают фоновыми знаниями о том, что это экранизация повести Тамары Крюковой «Костя + Ника =».

10. К сложным коллективным номинациям лиц в составе фильмонимов семантически примыкают названия фильмов, построенные по моделям « $X + Y$ » (реже « $X + Y + Z$ ») или « $X + Y =$ », в составе которых позиции X , Y и Z могут занимать как имена собственные, так и имена нарицательные. Например: *Оля + Коля* (2007), *Саша + Маша* (2003–2005), *Яна + Янко* (2017), *Саша + Даша + Глаша* (2015), *М + Ж* (2009), *Девочки + мальчики =* (2014), *Мальчики + девочки =* (2014).

11. К двум предыдущим группам фильмонимов по семантике также близки названия фильмов, образованные в результате редупликации фамилии главного героя (героев): *Ивановы-Ивановы* (2017–2018), *Чапаяев-Чапаяев* (2013).

12. Номинации лица юкстапозитного типа, в которых второй компонент указывает на сферу деятельности лица, на место его проживания: *Анна-детективъ* (2016), *Мама-детектив* (2013), *Братья-детективы* (2008), *Зинка-москвичка* (2018). Первый компонент такого юкстапозита при этом представляет собой либо имя собственное (*Анна-детективъ*, *Зинка-москвичка*), либо термин родства (*Мама-детектив*, *Братья-детективы*).

13. Номинация лица юкстапозитного типа, в которой второй компонент указывает на основную сферу деятельности лица (лиц), а первый компонент является дополнительной отсылкой к характеру реализации этой деятельности через апелляцию к её спецификации: *Экстрасенсы-детективы* (2011).

14. Номинация лица юкстапозитного типа, в которой второй компонент указывает на профессию лица, а первый – на статус этого лица: юкстапозит *шеф-повар* в составе фильмонима-предложения *Вакантна жизнь шеф-повара* (2015). Здесь компонент *шеф* реализует значение ‘начальник по отношению к подчинённым’ [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=шеф&all=x>].

15. Коллективные номинации лица юкстапозитного типа. Например: *Дочки-матери* (2007), *Дочки-матери* (2010), *Казачи-разбойники* (2008), *Мальчики-девочки* (2008), *Господа-товарищи* (2014–2015). Компоненты таких юкстапозитов объединены сочинительными отношениями, и при необходимости между ними можно поставить союз *и*: *Мальчики и девочки*. Следует отметить, что фильмонимы *Дочки-матери* (2007), *Дочки-матери* (2010) и *Казачи-разбойники* (2008) соотносятся с названиями популярных детских игр *Дочки-матери* и *Казачи-разбойники*.

16. Сложные номинация лица, один из компонентов которых является приложением и семантически представляет собой эпитет или же свёрнутое сравнение (метафору): *Иван-дурак* (2002), *Емеля-дурак* (1992), *Гена-бетон* (2013), *Толя-робот* (2019), *Женщина-зима* (2009), *Тёща-командир* (2016), *Пионеры-герои* (2015), *Человек-ветер* (2006), *Человек-приманка* (2012). Первый компонент таких сложных названий представляет собой номинацию лица по имени (*Иван-дурак*, *Емеля-дурак*, *Гена-бетон*, *Толя-робот*), термину родства (*Тёща-командир*), принадлежности к организации (*Пионеры-герои*), гендерному признаку (*Женщина-зима*), общему указанию на принадлежность к биологическому виду (*Человек-ветер*, *Человек-приманка*). В то время как второй компонент, как видно из примеров, может указывать на умственные способности лица, особенности его характера, отличительную манеру поведения и др. Часть из таких номинаций представляет собой прозвище главного героя того или иного фильма: *Гена-бетон* (2013), *Толя-робот* (2019). К номинациям-прозвищам относится и название фильма *Соловей-разбойник* (2012), первая часть которого образована от фамилии главного героя комедии – Севастьяна Соловьёва. Вместе с тем сюжетная линия фильма даёт все основания усматривать аллюзию к имени *Соловья-разбойника* – персонажа русских былин и сказок.

Таким образом, фильмонимы, содержащие в своей структуре сложные и составные номинации лица, разнообразны в структурно-семантическом отношении, они могут базироваться на отношениях композиции и юкстапозиции, подчинительных и сочинительных отношениях между компонентами. Для привлечения внимания к фильму через его название авторы зачастую прибегают к различным формам языковой игры. Также рекламная функция реализуется при использовании так называемых нумерологических фильмонимов, числительное в составе которых может указывать на предыдущий сезон сериала, который, как правило, уже имел большой успех (значительный кассовый сбор). Фильмонимы – номинации лица выполняют не только номинативную, информативную, но и оценочную и рекламную функции (ср. [27]).

В нашей картотеке зафиксировано 73 номинации композитного типа в составе рассматриваемых фильмонимов. Осуществить более детальный семантический и ономазиологический анализ сложных номинаций лица названного типа, представленных в нашем материале, – следующая задача нашего исследования, посвящённого комплексному изучению сложных номинаций лица в составе современных фильмонимов русского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова О.И. Оригинальные и переводные названия кинофильмов как особые функциональные единицы / О.И. Александрова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА. – 2017. – Vol. 8. – № 4. – С. 1191–1199.
2. Алиева С.А. Семантический анализ особенностей названий фильмов на английском и кыргызском языках / С.А. Алиева // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. – 2016. – № 1. – С. 172–176.
3. Воронцова И.И. Тенденции перевода фильмонимов в контексте современного российского кинематографического рынка / И.И. Воронцова, Н.Л. Ткаченко // Новый филологический вестник. – 2015. – № 3 (34). – С. 139–149.
4. Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике / М.В. Голомидова. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1998. – 232 с.
5. Горшкова В.Е. Название фильма как единица перевода и составляющая образа-смысла / В.Е. Горшкова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2014. – № 10. – С. 33–34.
6. Кныш Е.В. Наименование кинофильмов как объект ономастики / Е.В. Кныш // Актуальные вопросы русской ономастики : Сб. науч. тр. – Киев, 1988. – С. 106–111.

7. Королева И.А. Ономастическое пространство и поле в языке / И.А. Королева // Русская речь. – 2003. – № 2. – С. 83–84.
8. Коршунова С.А. Когнитивные модели названий англоязычных кинофильмов / С.А. Коршунова // Результаты современных научных исследований и разработок: Сб. ст. VI Международной научно-практич. конф. – Пенза, 2019. – С. 146–149.
9. Курбанова М.Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: Дис. ... канд. филол. наук / Малика Гумаровна Курбанова. – Астрахань, 2014. – 191 с.
10. Милевич И.Г. Перевод названий художественных фильмов: коммуникативные тактики / И.Г. Милевич // Перевод и сопоставительная лингвистика. – 2012. – № 8. – С. 29–32.
11. Першина К.В. Русская идеонимия: «Весна на Заречной улице» / К.В. Першина // Логос ономастики. – 2008. – № 2. – С. 105–110.
12. Першина К.В. Антропонимы в составе идеонимов (на материале русского языка) / К.В. Першина // Състояние и проблеми на българската ономастика. Т. 11. – Научен сборник. Материалы от международна научна конференция «Славянска и балканска ономастика», посветена на 70-годишнината от рождението на проф. ДФН Людвиг Селимски (Велико Търново, 25–26 септември 2009 г.). – Велико Търново: Университетско издателство «Св. св. Кирил и Методий», 2010. – С. 262–269.
13. Першина К.В. Об участии топонимов в организации идеонимного поля русского языка / К.В. Першина // Вісник Донецького університету. Серія Б. Гуманітарні науки. – 2010/1–2. – С. 117–124.
14. Першина К.В. «Дело было в Пенькове»: возникновение и взаимодействие фильмонима с речевой составляющей фильма / К.В. Першина // In Nominum Spatio: Материалы I Международных ономастических чтений имени Е.С. Отина (Донецк, 16–18 октября 2016 г.). – Донецк: Издание Фонда «Азбука», 2016. – С. 226–234.
15. Першина К.В. Основы ономастики. Часть I: Учебно-методич. пособ. по спецкурсу «Основы ономастики» для студентов направления 45.03.01 «Филология» (профиль «Русский язык и литература») / К.В. Першина. – Донецк: ДонНУ, 2018. – 68 с.
16. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1978. – 198 с.
17. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
18. Подымова Ю.Н. Психолингвистические особенности фильмонимов / Ю.Н. Подымова // II Филологический вестник. Научный и образовательный журнал. – 2005. – № 7. – С. 172–178.
19. Подымова Ю.Н. Названия фильмов в структурно-семантическом и функционально-прагматическом аспектах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.Н. Подымова. – Майкоп, 2006. – 26 с.
20. Руфова Е.С. Семантическая интерпретация фильмонимов (на материале японского языка) / Е.С. Руфова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 6 (72). – Ч. 1. – С. 127–129.
21. Скворцова Е.В. Прагмалингвистический потенциал малоформатных текстов названий американских кинофильмов / Е.В. Скворцова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 6 (101). – Том 9. – С. 203–208.
22. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 366 с.
23. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Дис. в виде научного доклада д-ра филол. наук / Василий Иванович Супрун. – Волгоград, 2000. – 76 с.
24. Теркулов В.И. Композиты русского языка в ономастическом аспекте: Дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.02 / Вячеслав Исаевич Теркулов. – Горловка, 2008. – 472 с.
25. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Складневской. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 944 с.
26. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складневской. – М.: Эксмо, 2006. – 1136 с.
27. Фролова Н.А. Фильмонимы как особый тип имён собственных в современном русском языке / Н.А. Фролова // Доклады XLV научной студенческой конференции по топонимике Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2010. – С. 34–39.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

28. <https://www.kinopoisk.ru/>
29. <https://www.kino-teatr.ru/>

Поступила в редакцию 29.05.2019 г.

**THE COMPOUND NOMINATIONS OF PERSON IN THE STRUCTURE OF FILMONYMS:
COMPOSITION AND MAIN MODELS
(on the material of Russian films and serials titles of 1992–2019 years)**

N. A. Yaroshenko

The article is devoted to analysis of structural and semantic peculiarities of the compound nominations of person in the structure of filmonyms. The article deals with Russian films and serials titles of 1992–2019 years. The composition and main structural types of filmonyms under *analysis had been put up and described*. The filmonyms had been classified according to formal and informative parameters. The main models of compound as well as composite nominations of person in the structure of filmonyms *had been put up and analyzed*.

Key words: nomination of person, compound nomination of person, onym, ideonym, filmonym, the structure of filmonym, producing base of title, lexical and semantic models.

Ярошенко Наталья Александровна.

Кандидат филологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Заведующий кафедрой общего языкознания и истории языка имени Е.С. Отина.

E-mail: nyaroshenko@yandex.ru.

Yaroshenko Natalya Alexandrovna.

Candidate of Philology, Docent.

Donetsk National University.

Head of General Linguistics and History of Language Department named after E.S. Otin.

E-mail: nyaroshenko@yandex.ru.

УДК 81'367.7

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОСТАВНЫХ АББРЕВИАЦИОННЫХ КОНСТРУКТОВ СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫХ СЛОВ

© 2019. А.А. Лялюк

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассмотрены разные типы составных аббревиационных конструкций аббревиатур. На материале сложносокращённых слов одного понятийного поля – наименований строений – установлено, что такие конструкции могут быть представлены разными структурными типами (простыми и составными), каждый из которых характеризуется рядом особенностей. В частности, составные аббревиационные конструкции, представляющие собой в формальном отношении совокупность простых, отличаются различной семантической нагруженностью компонентов. Так, двухчленные аббревиационные конструкции репрезентируют отношения сочинения и подчинения между его структурными частями, с количественным преобладанием последних.

Ключевые слова: аббревиация, сложносокращённое слово, аббревиационный конструкт, составной аббревиационный конструкт.

В научных изысканиях последних лет обнаруживается повышение интереса к аббревиатурной лексике. Помимо теоретических работ, уже ставших классическими при анализе аббревиатурной лексики (Д.И. Алексеев [1], В.В. Борисов [2]), представлено обширное количество исследований практического характера, рассматривающих определённые группы аббревиатур под разным углом зрения. Так, в современных диссертационных работах анализу подвергаются структурные и семантические особенности аббревиатур, функционирующих в разных сферах и типах дискурса (например, С.В. Лазаревич [2000] – военный подъязык; А.Ю. Куткина [2011], Н.Н. Ракитина [2007] – политический дискурс). Примечательно, что многие из представленных работ сосредоточены на сопоставительном аспекте, параллельно рассматривают аббревиатуры русского и английского (В.А. Беляева, [2003], М.В. Оганесян [2003]), польского (С. Шадыко [2000]) и других языков.

Вопросы, связанные с особенностями перевода таких единиц, продуцируют необходимость понимания тех глубинных словообразовательных процессов, которых заложены в их структуре. Традиционный подход к исследованию аббревиатур в русистике, сосредоточенный на признании сокращённых слов как некоторого отклонения от нормы, как периферийных единиц, не соответствует фактам современного состояния языка. Действительно, со всей уверенностью можно утверждать, что аббревиация на данный момент является одним из наиболее продуктивных способов пополнения словарного состава. Это обусловлено тем, что появление аббревиатурных наименований позволяет решить сразу несколько проблем номинации. Во-первых, происходит наполнение лексического состава языка рядом более точных наименований, конкретизирующих специфику отображаемого объекта, при этом избегая заимствования и трудно интерпретируемых неологизмов. Например, *склад* как помещение или строение для хранения чего-либо, конкретизируется в сложносокращённых единицах типа *авиасклад*, *взрывсклад*, *вещсклад* и под. Во-вторых, средствами аббревиации создаются компактные, зачастую легкоузнаваемые или же легкоинтерпретируемые лексические единицы, образование которых обусловлено внутриязыковым законом экономии речевых усилий.

Подтверждение такой продуктивности можно обнаружить уже в частотности употребления аббревиатурных слов. Так, картотека “Толково-эквивалентностного словаря сложносокращенных слов русского языка” насчитывает более 70 тысяч номинативных единиц. Тщательный сбор и анализ сложносокращенных слов русского языка, проводимые Экспериментальной лабораторией исследований тенденций аббревиации (ЭЛИТА) под руководством профессора В.И. Теркулова, позволили внести некоторые коррективы в традиционную теорию аббревиации и привели к новому пониманию сущности и особенностей данного процесса в современном русском языке.

Целью данной работы является выявление структурных и семантических особенностей сокращенной части аббревиатуры, именуемой нами аббревиационным конструктом.

Следует уточнить, что подразумевается под термином “сложносокращенное слово” и какой конкретно тип данных слов подлежит рассмотрению. Мы опираемся на «узкое» понимание таких сокращенных единиц и включаем в их состав только неинициальные аббревиатуры типа частично сокращенных слов, слоговых и инициально-слоговых аббревиатур. Следовательно, мы понимаем под сложносокращенным словом такую единицу, которая связана мотивационными отношениями со словосочетанием и включает в свой состав эквиваленты его компонентов. Таким неинициальным сокращенным эквивалентом в составе сложносокращенного слова и является аббревиационный конструкт или абброконструкт. На существование таких компонентов указывал еще В.В. Борисов, отмечая, что «специфической особенностью морфологических сокращений как раз и является наличие в их составе фрагментов (“обломков”, “осколков”) слов, которые, как правило, не совпадают ни с морфемами, ни со слогами» [2, с.121].

Таким образом, аббревиатура рассматривается нами как двухкомпонентное образование. Первый компонент зачастую оформляет ономазиологический признак, находится в начале слова и подлежит дешифровке. Второй является ключевым и представляет собой ономазиологический базис, в формальном плане репрезентируемый целым словом, а потому в дешифровке не нуждающийся.

Материал нашего исследования, представляющий собой лексико-семантическую группу одноструктурных единиц – наименований строений, демонстрирует семантическое и формальное разнообразие аббревиационных конструктов. Рассмотрению подлежат аббревиатурные наименования зданий и сооружений, а также учреждений и организаций, способных выступать в объектном значении, именуя точечные пространственные объекты.

Итак, традиционный подход к исследованию сокращенных слов постулирует однозначную производность аббревиатуры от эквивалентного словосочетания, причем аксиомой признаётся то, что мотивационно связанным с аббревиатурой может быть только одно словосочетание. Таким образом, все отношения в сфере сложносокращенных слов сводятся к отношениям в пределах словообразовательной пары наиболее регулярного адъективного типа: *автобаза* < *автомобильная база*; *горполиклиника* < *городская поликлиника*; *драмтеатр* < *драматический театр*. Именно такой тип производности и отображен в большинстве толковых словарей русского языка. Новый же деривационно-эквивалентностный подход на примере конкретного словарного материала продемонстрировал возможность сосуществования аббревиатуры и сразу целого ряда эквивалентных словосочетаний: *винзавод* – *винный завод*; *винодельческий завод*; *винокуренный завод*, *завод по производству вина (вин)*;

завод вина (вин). Обнаружено, что сложносокращенных слов соответствующих стандартной единичной эквивалентности, типа *драматический театр > драмтеатр*, абсолютное меньшинство.

В самом общем виде, абброконструкты сложносокращенных слов, способных, как было показано выше, вступать в отношения множественной мотивации с эквивалентными словосочетаниями, представлены несколькими типами. Выделены следующие структурные типы абброконструктов, которые являются его формальными разновидностями:

1. Простой абброконструкт – зачастую одноморфемный аббревиационный конструкт, являющийся единым элементом дешифровки: *админ* (*админздание*), *вещ* (*вещблок*), *зоо* (*зоокабинет*), *хоз* (*хозсклад*) и под. В состав такого конструкта могут входить конечные гласные звуки (*о*, *е*), выступающие в качестве интерфикса. Следует последовательно разграничивать безынтерфиксные и интерфиксные образования. Так, *автогараж* представляет собой безынтерфиксную аббревиатуру, т.к. гласный *о* в данном случае является составной частью АК: *автомобильный* – *авто*. Сложносокращенное слово *винокурня* демонстрирует наличие интерфикса, не входящего в основу производящей единицы (*вино*, *винный*).

Встречаются также многоморфемные аббревиационные конструкты данного типа (*корнеплодохранилище*). В данном случае многоморфемность уже заложена в эквивалентных единицах (*корнеплод*, *корнеплодный*).

2. Составной абброконструкт – аббревиационный конструкт, представленный совокупностью различных конструктов: *авиаметео* (*авиаметеостанция*), *авиатех* (*авиатехбаза*), *виншампан* (*виншампанкомбинат*).

При формировании семантики аббревиатур с тождественным ономазиологическим базисом дифференцирующим средством выступает ономазиологический признак, реализованный в аббревиационном конструкте. Однако в ряде случаев аббревиационный конструкт такой функции не выполняет.

Например, аббревиатуры *автобаза* и *горавтобаза* представляют собой практически тождественные лексические единицы. Первая именуется транспортное предприятие, осуществляющее организацию перевозок на автомобилях, с местом для их стоянки и ремонтными мастерскими. Вторая приведенная нами номинация, с точки зрения отображения определенного объекта действительности, тождественна первой. Единственное различие заключается в том, что во втором случае в самой структуре производного слова содержится эксплицитное указание на форму собственности подобного предприятия. Таким образом, в структуре составного абброконструкта *горавто* первый элемент является дополнительным, содержит уточняющую информацию, при этом существенно не трансформируя значение аббревиатуры в целом.

Можно было бы предположить, что такой же характеристикой обладают и другие составные конструкты аббревиатур. Так, представляется, что по такому же принципу сконструирован и абброконструкт слова *госавтоинспекция* (*авто+гос*). Однако ряд факторов свидетельствует в пользу того, что в данном случае произошло не последовательное прикрепление аббревиационного конструкта *гос* к сложносокращенному слову *автоинспекция*, а включение конструкта *авто* в состав аббревиатуры *госинспекция*.

Во-первых, аргументом может служить семантика слова. Так, *автоинспекция*, то есть орган, осуществляющий контроль и надзор за соблюдением безопасности дорожного движения, может быть только государственной формы собственности. Таким образом, семантика абброконструкта *гос* в слове *госавтоинспекция* не носит

характер уточнения, конкретизации, а является неотъемлемой частью его семантической структуры.

Во-вторых, существование ряда аббревиатур с тождественным ономазиологическим базисом демонстрирует, что конкретизатором выступает именно вторая часть конструкта: *госохотинспекция, госсанинспекция, госрыбинспекция*.

В-третьих, для подобных номинаций *госинспекция* выступает гиперонимом. В современном русском языке достаточно распространена модель развернутого словосочетания, используемая для наименований однотипных объектов подобного рода: *государственная инспекция + по + защите прав потребителей, труду, недвижимости* и др.

В связи с этим представляется возможным выделение нескольких подтипов составных аббревиатур по характеру включённых в их состав компонентов.

Первый подтип репрезентирует аббревиатуры, включающие в качестве препозитивного добавочный конструкт, служащий уточняющим элементом: *горавтобаза, ветроэлектростанция*.

Второй подтип представляет добавочный компонент в постпозиции к основному аббревиатурному: *авиатехбаза, агрохимлаборатория, госавтоинспекция*.

Третий подтип составных аббревиатур характеризуется относительно равноправными, сочинительными отношениями между компонентами аббревиатурного: *зерносеменовохранилище, газонефтехранилище, овощефруктоохранилище, продвещсклад*. В основном они представляют собой композитные конструкты, то есть дешифруются не адъективно, а субстантивно: *овощефруктоохранилище – хранилище овощей и фруктов*.

В результате исследования установлено, что составные конструкты, состоящие из нескольких компонентов, обладают некоторыми семантическими особенностями. Так, каждый из простых в составе составного может иметь свою значимость при дешифровке аббревиатуры в целом. Понимание данного процесса может во многом способствовать дальнейшей адекватной интерпретации направления словообразовательных процессов среди аббревиатур усложнённой структуры.

Таким образом, выявление и упорядочивание массива составных аббревиатур позволяет существенно упростить процесс дешифровки соответствующих аббревиатур определённого понятийного поля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Д.И. Аббревиатуры как новый тип слов / Д.И. Алексеев // Развитие словообразования современного русского языка : сб. научн. работ. – М.: Наука, 1966. – С. 13–37.
2. Алексеев Д.И. Словарь сокращений русского языка / Алексеев Д.И., Гозман И.Г., Сахаров Г.В. – М.: Русский язык, 1984. – 488 с.
3. Борисов В.В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках [Монография] / В.В. Борисов. – М.: Воениздат, 1972. – 320 с.
4. Теркулов В.И. Композиты русского языка в ономазиологическом аспекте : дисс. ... доктора филол. наук : 10.02.02 / Теркулов Вячеслав Исаевич. – Горловка, 2008. – 472 с.
5. Теркулов В.И. Типология сокращённых конструктов аббревиатур / В.И. Теркулов // Известия ВГПУ. – № 3 (98). – Волгоград, 2015. – С. 127–133.
6. Петров А.В. Аббревиатура *метео-* в современном русском языке: формирование и функционирование // Исследования по семантике. – Уфа, 2016. – Вып. 26. – С. 82–91.
7. Петров А.В. Многокомпонентные сложные слова в русском языке (на материале терминов-субстантивов с глагольной основой) // Русистика. – Киевский университет. – № 11, 2011. – С. 59–64.

Поступила в редакцию 29.05.2019 г.

**STRUCTURAL AND SEMANTIC PECULIARITIES OF COMPOSITE ABBREVIATION
CONSTRUCTIONS OF COMPLEX REDUCED WORDS**

A.A. Lyalyuk

The article addresses different types of composite abbreviatory constructs. The study of names of buildings with the composite abbreviatory structure enabled to draw a conclusion as to the variety of their structural types both simple and composite. Each type has a number of distinctions. Complex abbreviatory constructs, constituted by formally simple component parts, are characterized by complex semantics of the constituents. Two-member abbreviatory constructs represent the relations of composition and subordination between their structural parts, with the latter predominating in number.

Key words: abbreviation, abbreviatory compounds, abbreviatory construct, composite abbreviatory construct.

Лялюк Анна Александровна.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Ассистент кафедры русского языка.

E-mail: anna.lyalyuk@list.ru

Lyalyuk Anna Alexandrovna.

Donetsk National University.

Assistant lecturer of the Russian Language Department.

E-mail: anna.lyalyuk@list.ru

УДК 654.197

СПЕЦИФИКА ПРЯМОГО ВКЛЮЧЕНИЯ КАК ГИБРИДНОГО ЖАНРА ТЕЛЕЖУРНАЛИСТИКИ

© 2019. С.В. Карпий

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье проанализировано прямое включение как одна из составляющих жанра репортажа, которое может считаться базовым в его структуре. Динамика развития различных видов прямого включения преимущественно максимальная во время резонансных общественно-культурно-политических событий, к которым приковано особое внимание широких масс. В этот период количество прямых включений превосходит число создания сюжетов, охватывающих широкий спектр происходящего, а данный вид журналистского творчества – одна из совершенных форм телекоммуникационного процесса. Возможностью для осуществления прямого включения является комплекс, состоящий из интернет-ресурсов и высокотехнологичных мобильных приборов, позволяющий в конкретно обозначенное время из любой локации осуществить кратковременную (или широкоформатную) трансляцию события с привлечением широкого круга её участников. Журналист же как коммуникатор в таком случае исполняет интегрированные профессиональные обязанности продюсера, редактора, ведущего, модератора, наблюдателя, актёра со всеми присущими ему дополнительными качествами универсального мастерства. Учитывая важность использования данного телевизионного феномена в эфире современных телеканалов, работникам телевизионной сферы крайне необходимо знать о его особенностях, происхождении, развитии, применении на практике. Но для того, чтобы реализовать эту задачу, необходимо глубокое знание специфики данного явления.

Ключевые слова: трансляция, вещание, репортаж, прямое включение, эфир, телевидение, контент, медиапространство, телеаудитория.

Введение. Прямое включение – базовая составляющая жанра телерепортажа, который использует прямой, синхронный способ трансляции (подачи), основным методом которого является наблюдение. Имеет свои отличительные особенности применения, например, в экстремальных условиях («горячие точки»), что делает тему данного исследования *актуальной* и значимой как в теоретическом, так и в практическом плане в условиях многочисленных вооружённых конфликтов во всем мире.

Целью статьи является: раскрытие феномена прямого включения как базового компонента современного телерепортажа в сравнении с прямым эфиром и трансляцией.

Основными же *задачами* исследования являются: детальное рассмотрение теоретической базы для уточнения определения одного из актуальных явлений современной тележурналистики; определить сферу его использования; проанализировать результаты полученные исследователями тележурналистики; сопоставить имеющиеся выводы и на их основе обосновать актуальность темы исследования; привести конкретные примеры; проследить эволюцию прямого включения на фоне технологического развития; провести анализ действий журналиста во время прямого включения; разработать классификацию видов прямого включения.

Данный доминантный компонент телерепортажа позволяет избавить репортера от написания текста, монтажа и начитки материала. В эмпирической базе есть множество примеров осуществления журналистской деятельности во время прямого эфира, но нет описания действий во время прямого включения. Его многие исследователи относят к оперативным жанрам, а, следовательно, его использование

чаще всего следует наблюдать в новостном контенте, а потому мы и возьмём его за основу исследования.

Основная часть. В освоении технологии осуществления прямого включения нуждаются академическое сообщество, комментаторы, репортеры, телеведущие, студенты. Современные же тенденции демонстрируют, что анализируемый феномен массово используется почти всеми пользователями соцсетей, функционал которых позволяет выходить в прямой эфир в любое удобное для них время и осуществлять поливекторную коммуникативную деятельность, направленную на целевую аудиторию. Данное явление стало также следствием такого журналистского феномена как видеоблогинг, что свидетельствует об эволюции прямого включения с момента его возникновения.

Во время прямого включения репортер может выступать не только в данной роли, но и совмещать функциональные обязанности модератора, параллельно используя весь арсенал журналистских жанров, стандартов, этических или юридических норм, следить за сюжетной линией, изменяющейся ситуацией вокруг, стилистикой подачи, собственным имиджем, манерой поведения, эффективно применяя телевизионную речь с учётом литературных норм языка. Особенности прямого включения указывают, что для эффективности его реализации необходима тщательная профессиональная подготовка, освоение эмпирической базы, теории и истории современной тележурналистики и т.д.

Стоит также обращать внимание на положительные и негативные черты данной составной части телерепортажа, которая к тому же является одним из видов интерактивного вещания и имеет сходные черты с такими жанрами как отчёт, потому что прямое включение сиюминутно отображает реальную действительность, к тому же последовательно и детализировано. Изучаемый нами феномен в качестве площадки использует прямой эфир, а также некоторыми исследователями определяется как: *«элемент программы (передачи), выходящей в прямой эфире»* [4]. Прямое включение имеет общие черты с очерком, обладающим множеством выразительных средств, описывающих события, в эпицентре которых оказывается человек. Интервью как жанр тоже имеет похожие особенности с прямым включением, так как позволяет сиюминутно раскрыть информацию о личности. Главной же отличительной чертой прямого включения от представленных жанров является то, что в большинстве случаев он требует пребывания журналиста на месте социально-значимых событий.

Если сравнить прямое включение и прямой эфир, то, по мнению В.А. Саруханова, изучаемый феномен является лишь способом доставки контента аудитории, тогда как другие исследователи тележурналистики в своих работах наоборот отмечают, что *«прямой репортаж, безусловно, выигрывает относительно оперативности и силы воздействия на аудиторию, ведь он даёт возможность услышать или даже увидеть событие прямо по ходу его развития»* [3, с. 5]. Важным является также момент персонификации в прямом включении, сопровождающейся определённой степенью ответственности за соблюдение общеизвестных стандартов журналистики как достоверность, точность и объективность. Возможно, из-за таких противоречий прямому включению уделялось недостаточно внимания в научных работах.

Прямое включение является следствием эволюции телевидения под воздействием непрерывной технической революции и применяется, прежде всего, в случае востребованности целевой аудиторией, что повышает эффективность воздействия данного вида коммуникации, транслирующей в каком-то смысле документальную драму, которую еще относят к экстремальной публицистике.

Практически не разработанной научной проблемой остаётся классификация видов прямого включения, среди которых можно выделить следующие: репортаж о событии (синхронный или немой), постановочный («спровоцированная ситуация») и тематический (проблемный).

Основанием для выделения являются такие жанроформирующие элементы: предмет, авторская задача, методика отображения, способствующие актуализации собственных жанровых особенностей, их проблематики, специфики, типологии, стилистики, а также обозначения функциональных особенностей репортёра в рамках определенных законов монтажа.

Отличительные особенности прямого включения состоят в том, что оно подразумевает проведение репортажной съёмки, использование репортажного стиля и авторского наблюдения к тому же он относится к одному из видов эфирной журналистики с присущими ей чертами: «сиюминутность восприятия передачи одновременно миллионами телезрителей. Многосерийность, позволяющая возвращаться к различным аспектам темы столько раз, сколько требуют интересы дела. Возможность ощутимо-наглядной обратной связи (вплоть до включения зрителя непосредственно в живой разговор — по телефону или с помощью сопутствующих прямых трансляций)» [6, с. 114].

Еще одна группа исследователей трактовала общеизвестные, но теоретически неизученные явления тележурналистики на примере личного опыта, приобретённого в ходе практической деятельности.

Некоторые исследователи при этом были уверены, что технологическая эволюция прямого включения окажет негативное воздействие на телепроизводство и приведет к «смерти автора» на телевидении, чего в итоге не случилось: «когда-то первые телерепортажи и «живые» передачи из студии породили у многих надежду, что прямая трансляция жизни избавляет нас от опосредующей фигуры «творца», «художника», ибо самоценный факт на экране красноречивее всякого комментария и способен рассказать о себе куда выразительнее, чем это сделал бы самый даровитый интерпретатор» [5, с. 67]. В итоге же, как показывает практика, данная базовая составляющая телерепортажа не лишает журналистское произведение авторства, но при этом усиливает оперативность подачи информации: «прямой репортаж, безусловно, выигрывает относительно оперативности и силы воздействия на аудиторию, ведь он даёт возможность услышать или даже увидеть событие прямо по ходу его развития» [3, с. 8].

Заключение. Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы: прямое телевизионное включение не рассматривалось ранее как отдельный феномен, а только в контексте прямой трансляции, которая имеет в тележурналистике свои отличительные черты.

Более того, генезис феномена прямого включения и прямого эфира имеет разные временные рамки, что повлияло на оперативность подачи информации, возможности интерактивности, порождение различных научных идей.

Изучаемая базовая составляющая телерепортажа в основном применяется в эфире различных телеканалов, а также – различных интернет-средах.

Прямое включение имеет общие черты с такими жанрами тележурналистики как отчёт, очерк, интервью. Главное же различие – наличие журналиста на месте освещения события.

Архитектоника таких феноменов тележурналистики как прямое включение и прямая трансляция имеет различную форму.

Актуализированы и конкретизированы явления, касающиеся темы научного исследования (роль авторства журналиста при прямом включении, сфера его

применения, интеракция жанровых форм и их творческое использование, синергия журналистских профессиональных действий, влияние новых технологий на эффективность и возможность воздействия на аудиторию), чтобы сформировать чёткое руководство к действию для журналистов, осуществляющих профессиональные обязанности на основе не абстрактных, а точных теоретических знаний и практических действий, относящихся к прямому включению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вакурова Н.В. Типология жанров современной экранной продукции. Текст: учебное пособие / Н.В. Вакурова, Л.И. Московкин. – М.: Ин-т соврем. ис-ва, мастерская телевизионной журналистики, 1997. – 66 с.
2. Ермилов А. Живой репортаж: Профессиональные советы тележурналисту / А. Ермилов. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 112 с.
3. Жанры радио- и тележурналистики: методические указания / сост. В.В. Захаров. – Тамбов: Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2010. – 16 с.
4. Куксин И.А. Прямой эфир на ТВ: история и тенденции [Электронный ресурс] / И.А. Куксин // Электронный международный научно-практический журнал «Филологический аспект» // Режим доступа: <http://faspect.ru/article/прямой-эфир-на-тв-история-и-тенденции> (Дата обращения – 30.05.2018.)
5. Муратов С.А. Телевидение в поисках телевидения. Хроника авторских наблюдений / С.А. Муратов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – 176 с.
6. Цвик В.Л. Введение в журналистику: учебное пособие / В.Л. Цвик. – Изд. 2-е, доп. и переработанное. – М.: Изд-во МНЭПУ, 2000. – 137 с.

Поступила в редакцию 31.05.2019 г.

DIRECT INCLUSION AS A HYBRID GENRE OF TV JOURNALISM

S.V. Karpy

The article analyzes the direct inclusion as the basic component of the genre of reportage. The development of various types of direct inclusion reaches its maximum dynamism during resonant sociocultural and political events, which attract the attention of public at large. During this period, the number of live broadcasts exceeds the number of creating stories, which cover a wide range of events. This type of journalistic creativity is one of the most advanced forms of the telecommunications process. Direct inclusion is provided through a complex consisting of Internet resources and high-tech mobile devices, which enable to carry out a short-term (or widescreen) broadcast of an event involving a wide range of participants at a given time from any location. Being a communicator, the journalist performs the integrated professional duties of a producer, an editor, a presenter, a moderator, an observer, an actor, thus manifesting additional universal skills. Taking into consideration the importance of this television phenomenon on the air of modern TV channels, it is imperative for workers in the television industry to know about its features, origin, development, application in practice. One needs a deep knowledge of this phenomenon in order to realize this objective.

Key words: broadcast, broadcasting, reporting, live broadcast, broadcasting, television, content, media space, television audience.

Карпий Сергей Викторович.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Старший преподаватель кафедры журналистики.
E-mail: eskalive25@gmail.com.

Karpy Sergey Viktorovich.

Donetsk National University.
Senior Lecturer at the Department of Journalism.
E-mail: eskalive25@gmail.com.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923

ОСОБЕННОСТИ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

© 2019. С.В. Руденко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Данная статья посвящена изучению особенностей временной перспективы личности в контексте социальной идентичности. Раскрыта сущность феномена социальной идентичности в современной психологии, особенности временной перспективы личности. Представлены результаты эмпирического исследования специфики временной перспективы студентов в контексте их социальной идентичности.

Ключевые слова: социальная идентичность, временная перспектива личности.

Введение. Важнейшей характеристикой личности, обеспечивающей ее целостность в течение всей жизни, выступает идентичность. Указанная проблематика не является для психологии новой, однако сохраняет свою актуальность и по сей день. Традиционно идентичность понимается как свойство психики человека в концентрированном виде выражать его представление о своей принадлежности к общности или группе. Разумеется, данная характеристика, не является врожденной, формируясь в процессе жизни, постепенно, с появлением сознания и приобретением опыта взаимодействия с другими людьми. С появлением осознания себя, своих потребностей, целей и т.п. «сейчас», постепенно возникает и представление о том, что «раньше», до этого, – было по-другому, не так. Начинает формироваться умение и стремление прогнозировать, предвосхищать то, что пока в перспективе и только предстоит, то, что будет «потом». Представление о нашем настоящем, прошлом и будущем имеет неопределимое значение в осознании себя, своей целостности, в становлении личности в целом. Таким образом, мы можем предположить тесную взаимосвязь и взаимообусловленность временной перспективы личности и ее социальной идентичности. Вышесказанное позволяет нам обозначить целью данного исследования изучение особенностей временной перспективы личности в контексте социальной идентичности.

Основная часть. Термин «временная перспектива» был предложен Л. Франком для описания взаимообуславливания и взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего в сознании и поведении человека. Временная перспектива рассматривается как система представлений личности о своём психологическом прошлом и психологическом будущем, существующих в конкретный момент времени. Данный способ восприятия мира отражается в наших интерпретациях прошлого, настоящего и будущего. Исследователь акцентирует постоянное влияние социума, что подтверждает наше предположение о связи изучаемого феномена с социальной идентичностью.

Исследованием временной перспективы в разное время занимались К. Левин, Ф. Зимбардо, Ж. Нюттен, М. Селигман, К.А. Абульханова-Славская, Е.И. Головаха, А.А. Кроник, Д.А. Леонтьев, О.Н. Арестова и др. Так, по мнению К. Левина, временная перспектива предполагает включение будущего и прошлого, реального и идеального

плана жизни в план данного момента. Автор считает, что данный феномен включает в себя изучение личности во временном контексте. Ж. Нюттен является представителем мотивационного подхода к изучению данной проблематики. Временную перспективу личности он рассматривает как временное измерение поведенческого мира, характеризующее способность человека ставить и осуществлять отдаленные во времени цели. Другими словами, временная перспектива, или перспектива будущего, представляется как пространство формирования когнитивно переработанной мотивации деятельности человека. Перспектива будущего связана с мотивацией, именно будущее исследователь представляет как «пространство мотивации» [3, 4]. Как отмечает Ф. Зимбардо, временная перспектива – это часто неосознанное отношение человека ко времени. В то же время это и процесс, с помощью которого течение жизни интегрируется в категории времени. Это позволяет придать ей смысл, структурировать и систематизировать ее. К числу компонентов временной перспективы Ф. Зимбардо выделяет негативное прошлое, позитивное прошлое, фаталистическое настоящее, гедонистическое настоящее, будущее. Данные компоненты, по мнению автора, независимы друг от друга, и для каждого человека характерно наличие нескольких из них [2]. Проблематика временной перспективы также представлена в работах Е.И. Головахи и А.А. Кроника, изучавших субъективное чувство возраста человека с точки зрения событийного подхода. У каждого человека это чувство может быть представлено в разной степени. Чувство возраста исследователи предлагали анализировать в контексте субъективной наполненности событиями. По их мнению, когда большинство воспоминаний человека связаны с прошедшими событиями, он живет в основном прошлым, в отношении своего возраста он будет ощущать себя более молодым. В случае же ориентированности человека в будущее, его психологический возраст будет увеличиваться. Между событиями устанавливаются связи, которые могут характеризовать человека в целом или же отдельный временной локус. По мнению К.А. Абульхановой-Славской, способность чувственно-деятельного освоения человеком времени, также называемая временной транспективой, связана с тем, что он прогнозирует, предвосхищает и организует события, рассматривая их с точки зрения будущего. На ее взгляд, временная транспектива отражает взаимосвязь перспективных и ретроспективных моментов индивидуального бытия, особенности «сквозного видения» из настоящего в прошлое и будущее [1].

Анализ проблемы временной перспективы личности в современной психологии позволяет выделить наиболее общую ее структуру. Это три временных локуса: прошлое, настоящее и будущее. Обычно рассматриваются как взаимообуславливающие друг друга и оказывающие влияние на развитие личности в каждый текущий момент ее жизни [1–3].

Обратимся к анализу феномена идентичности. Появление термина «идентичность» традиционно связывают с именем Э. Эриксона, определившим идентичность как внутреннюю непрерывность и тождественность личности. Идентичность понимается как чувство собственной истинности, полноценности, самоидентичности, сопричастности миру и другим людям. Она предполагает способность индивида к ассимиляции социального и личностного опыта, к поддержанию своей субъектности и цельности в постоянно изменяющемся внешнем мире [6].

Взгляды Э. Эриксона получили свое продолжение и в зарубежной, и в отечественной психологии. Данную проблематику в разное время развивали Г. Тэшфел, Г. Брейкуэлл, И. Гоффман, Дж. Мид, Ю. Хабермас, Г.М. Андреева, П.В. Румянцева, М.В. Заковоротная, В.А. Ядов и др.

Г. Тэшфел характеризует социальную идентичность как часть индивидуальной Я-концепции, которая происходит от знаний индивида о собственной принадлежности к социальной группе вместе с ценностными и эмоциональными проявлениями этого членства. По мнению автора, личностная и социальная идентичности представляют собой два полюса одного биполярного континуума, на одном из которых – поведение, полностью определяющееся личностной идентичностью, на втором – поведение, полностью определяющееся социальной идентичностью. Подобным образом описывают социальную идентичность П.В. Румянцева и А.В. Микляева, характеризуя данный феномен как возникающий на основании осознания личностью своей принадлежности к разнообразным социальным группам, в которые человек включается в ходе своей жизнедеятельности. Дж. Мид говорит о наличии социально заданной идентичности и отражающей индивидуальное в человеке. Автор выделяет осознаваемую и неосознаваемую идентичность. Неосознаваемая идентичность базируется на неосознанно принятых нормах, привычках. Осознаваемая же идентичность возникает, когда человек начинает размышлять о себе, о своем поведении. Вектор развития идентичности направлен от неосознаваемой идентичности к осознаваемой. Осознаваемая идентичность предполагает наличие способности к рефлексии. Человек осознает свою идентичность, размышляя о себе с помощью приобретенного в социальном взаимодействии языка. При этом, с одной стороны, социум определяет идентичность индивида, задавая нормы и законы ее существования; с другой стороны, и сам индивид задает собственное окружение в контексте выбора целей, ценностей, потребностей. Идеи Дж. Мида относительно наличия типов идентичности, а именно социально заданной идентичности и отражающей индивидуальное в человеке, развивает И. Гоффман. Исследователь выделяет в качестве одной из трех разновидностей идентичности социальную, характеризующую типизацию личности другими людьми на основе атрибутов социальной группы, к которой он принадлежит. Г. Брейкуэлл также подчеркивает социальное происхождение идентичности, причем по его мнению, личностная идентичность является вторичной по отношению к социальной. По мнению исследователя, во взаимодействии с социальным миром личность активно усваивает понятия, с помощью которых познает себя. Усвоенные ею категории социальной идентичности и социальных ролей обеспечивают формирование структуры личностной идентичности, оценку элементов содержательной структуры. Таким образом, личностная идентичность является продуктом социальной идентичности, но, будучи сформированной, начинает активно влиять на последнюю. Ю. Хабермас отмечает, что Я-идентичность образуется из совокупности личностной и социальной идентичностей. При этом личностная идентичность обеспечивает связность истории жизни человека, социальная – обеспечивает возможность выполнять различные требования тех ролевых систем, к которым принадлежит человек [1, 5].

Таким образом, идентичность – это свойство психики человека в концентрированном виде выражать для него то, как он представляет себе свою принадлежность к той или иной группе или общности. Социальная идентичность, на наш взгляд, является образованием, связывающим настоящее личности с ее прошлым и будущим. Проведенный теоретический анализ заявленной проблематики позволяет нам говорить о неразрывности и взаимообусловленности временной перспективы и социальной идентичности личности. Насыщенность, протяженность, структурированность, яркость временной перспективы во всех ее аспектах (прошлое, настоящее, будущее), с одной стороны, облегчают формирование социальной идентичности, с другой же – во многом являются следствием принадлежности личности к тем или иным социальным группам и идентификации ее с определенным репертуаром ролей.

Мы предполагаем, что нынешняя нестабильная обстановка может способствовать поиску новых ролей и выделению новых аспектов своего Я – с одной стороны, и одновременно будет находить свое отражение в специфике временной перспективы личности – с другой. Это определило предмет данного исследования – особенности временной перспективы в контексте социальной идентичности студентов.

Выборку исследования составили 239 студентов 2-3 курсов, осваивающих программу бакалавриата/специалитета по разным направлениям ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк. Из них 89 психологов, 34 специалиста в сфере психологии служебной деятельности, 14 химиков, 53 журналиста, 21 специалист в области рекламы и связей с общественностью, 28 специалистов в сфере телевидения. Студентам было предложено написать эссе на тему: «Кто Я?». Полученные данные затем нами обрабатывались с помощью метода контент-анализа. По его результатам ключевыми стали следующие роли, выделяемые студентами: семейные роли, студент, специалист, личность, человек, часть социума, друг, патриот, гражданин; а также ряд характеристик: доброжелательность, целеустремленность, ответственность, темперамент-характер, творчество, любознательность, философские рассуждения, хобби, поиск себя, неопределенность и страх перед будущим. Также было проведено изучение временной перспективы с применением методики Ф. Зимбардо. Полученные данные затем обрабатывались посредством метода корреляционного анализа Ч. Спирмена.

Остановимся на наиболее значимых результатах исследования.

Особенности временной перспективы личности представлены на рис. 1

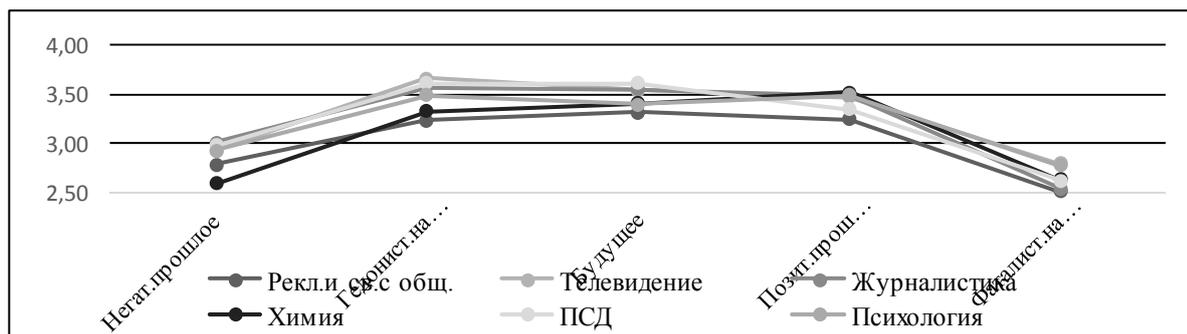

Рис. 1. Особенности временной перспективы личности

Мы видим, что, вне зависимости от избранного направления подготовки/специальности, графики временной перспективы студентов имеют выраженные общие тенденции. Среди них: достаточно низкая, хотя и ближе к средним значениям, оценка своего прошлого как негативного; приблизительно одинаковая значимость (на среднем или чуть выше среднего уровне) гедонистического настоящего, будущего и позитивного прошлого; наконец, слабо выраженная тенденция фаталистически оценивать свой текущий период жизни. Стоит отметить и некоторые отличия. Так, сравнительно более весомую роль играет наслаждение текущим моментом, получение удовольствия от настоящего для журналистов, специалистов в области телевидения и в сфере психологии служебной деятельности. Последним же, наряду с психологами, присуща большая представленность целей и планов, а также большая ориентированность на будущее. Принятие собственного прошлого как опыта, не всегда приятного, но полезного, позитивное отношение к пережитому в большей мере присуще психологам, журналистам, химикам и специалистам в сфере телевидения. При этом последняя группа склонна наиболее критически и

фаталистически оценивать свое настоящее, что несколько отличается от позиции остальных студентов.

Обратимся к сравнительному описанию особенностей социальной идентичности студентов разных направлений подготовки (рис. 2).

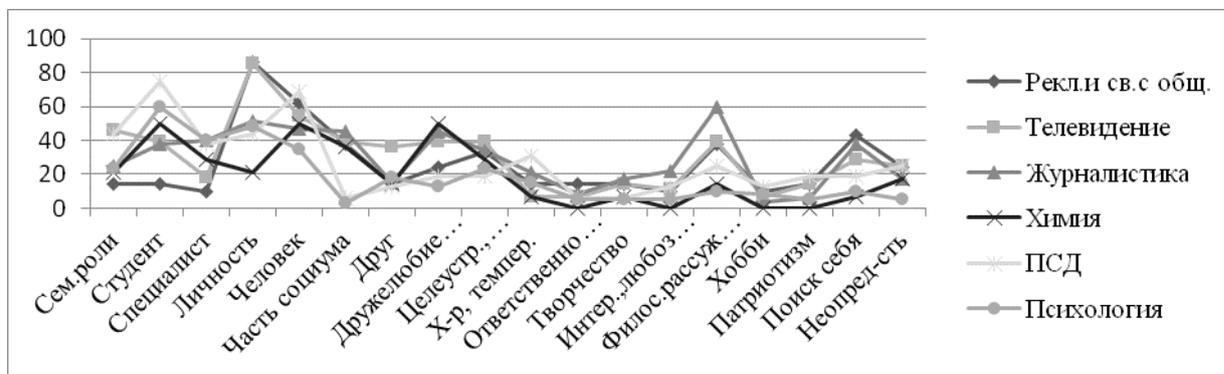

Рис.2. Особенности социальной идентичности студентов

Неожиданным, в сравнении с результатами прошлых лет (см. по [5]), выступило относительное снижение значимости семейных ролей, роли специалиста и, пусть и менее выражено, – роли студента. При этом возросла значимость роли личности и человека. Особенно выраженной роль личности оказалась прежде всего для специалистов в сфере рекламы и связей с общественностью, телевидения, в несколько меньшей мере – для психологов и специалистов в сфере психологии служебной деятельности. Ожидаемой для журналистов, специалистов в области рекламы и связей с общественностью и телевидения, стала тенденция описывать себя как часть социума, а также целеустремленность и уверенность. Интересно, что студенты-психологи и психологи сферы служебной деятельности менее остальных склонны позиционировать себя как часть социума, напротив, подчеркивая свою индивидуальность, уникальность и неповторимость. В целом умеренно выражена роль друга, тенденция выделять характеристик дружелюбия и доброжелательности. Черты темперамента, характера склонны выделять в первую очередь студенты, специализирующиеся на психологии служебной деятельности, а также психологи широкого профиля. Философским рассуждениям по поводу себя и своей сущности склонны предаваться прежде всего журналисты, специалисты в сфере рекламы и связей с общественностью, телевидения, а также психологи (как широкого профиля, так и в сфере служебной деятельности). При этом впервые проявилась категория поиска себя, нашедшая отражение практически у всех групп студентов, а также ощущение неопределенности и страха перед будущим. Последнее объяснимо, учитывая крайне нестабильную обстановку.

Перейдем к наиболее выраженным особенностям временной перспективы в контексте социальной идентичности.

Можно выделить значимую положительную взаимосвязь ($p \leq 0,05$) между склонностью позиционировать себя как специалиста, выделять отдельные черты характера, темперамента и таким аспектом временной перспективы, как будущее. Студенты, склонные оценивать себя как будущих профессионалов в своей сфере и носителей таких качеств, как дружелюбие, доброжелательность, преимущественно расценивают свое прошлое позитивно ($p \leq 0,05$), воспринимая все происшедшее с ними ранее как полезный, хотя и не всегда приятный, опыт. Можно отметить и ряд

следующих тенденций. Чем более во временной перспективе студентов представлена выраженность будущего, тем в большей мере они склонны выделять значимость для них семейных ролей, роли студента, друга, проявлять стремление к творчеству, любознательность; при этом тем в меньшей степени они склонны проявлять неопределенность и страх перед будущим. Чем более выражена оценка настоящего периода как фаталистического, тем менее в ответах студентов представлены категории ответственности и поиска себя. Последнее касается и такого аспекта временной перспективы, как позитивное прошлое: склонность к поиску себя, своего предназначения в жизни сочетается с тенденцией в большей мере критически оценивать свой прошлый опыт.

Заключение. Результаты исследования позволяют нам отметить следующее. Значимыми для студентов являются роли студента, специалиста, личности, части социума, друга, выделение целеустремленности, дружелюбия. Показателен рост выраженности философских рассуждений о себе, а также появление категорий поиска себя, неопределенности и страха перед будущим. Будущее во временной перспективе студентов взаимосвязано с осознанием себя как будущих специалистов, рефлексией черт темперамента и характера, в меньшей степени – с выделением семейных ролей, роли студента, творчества, с меньшей склонностью к переживанию неопределенности и большей – к поиску себя. Слабая же выраженность позитивной оценки своего прошлого и фаталистической – настоящего, сочетаются с возрастанием ответственности, с поиском себя и определением своих жизненных приоритетов и целей.

Полученные нами результаты носят предварительный характер. Перспективой дальнейшей работы в данном направлении является методологическое обоснование и построение системы содержательных критериев временной перспективы студентов и социальной идентичности. На ее основе планируется разработка и апробирование программы углубленного исследования заявленной проблематики. Представленный в статье этап исследования позволяет нам заключить, что нынешняя нестабильная обстановка во многом находит свое отражение в выявленной специфике временной перспективы студентов, а также способствует активному поиску и формированию именно осознаваемой идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Г.М. Психология социального познания / Г.М. Андреева. – 3-е изд., перераб.и доп. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 303 с.
2. Зимбардо Ф. Парадокс времени: новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь / Ф. Зимбардо, Дж. Бойд. – М.: Речь, 2010. – 352 с.
3. Купчигина И.М. Теоретические подходы к изучению структуры временной перспективы в психолого-педагогических исследованиях / Купчигина И.М., Недбаева К.М. // Молодой ученый. – 2017. – № 48. – С. 156--158.
4. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Нюттен Ж. ; под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2004. – 608 с.
5. Руденко С.В. Динамика социальной идентичности студентов / С.В. Руденко// Идентичность в фокусе общественных и гуманитарных наук: материалы заседания круглого стола, 21 марта 2018 г., г. Донецк / ГОУ ВПО «ДонАУиГС», ГОУ ВПО «ДонНУ». – 76 с. – С. 55–59.
6. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон: Пер. с англ. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1996. – 344 с.

Поступила в редакцию 14.05.2019 г.

PECULIARITIES OF TEMPORAL PERSPECTIVE OF STUDENT YOUTH IN THE CONTEXT
OF SOCIAL IDENTITY

S.V. Rudenko

This article deals with the study of the individual temporal perspective characteristics in the context of social identity. The phenomenon of social identity as discussed in modern psychology is outlined. The person temporal perspective features are revealed. The results of an empirical study of the specificity of the students' temporal perspective in the context of their social identity are presented.

Key words: social identity, temporal perspective of the personality.

Руденко Светлана Викторовна.

Кандидат психологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры психологии.

E-mail: Rudenko_SV@mail.ru.

Rudenko Svetlana Viktorovna.

Candidate of Psychological Sciences, Docent.

Donetsk National University.

Associate Professor of the Department of Psychology.

E-mail: Rudenko_SV@mail.ru.

УДК 159.922

СПОСОБНОСТЬ К ТРАНСЦЕНДЕНЦИИ В АСПЕКТЕ ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВА

© 2019. Л.В. Яновская

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассмотрена трансценденция как базовая составляющая развития сознания. В аспекте жизнетворчества способность к трансценденции рассматривается как предшествующая развитию рефлексии и смыслообразования. Приведены выводы экспериментального исследования способности к жизнетворчеству личности во взрослом возрасте.

Ключевые слова: трансценденция, рефлексия, смыслообразование, способность к жизнетворчеству.

Введение. Одной из базовых характеристик человеческого сознания, а если быть более точным, единственной базовой характеристикой является трансценденция. Выход за пределы наличной ситуации отмечается как ведущий фактор и интеллектуальных способностей, и творчества. Чудо развития ребенка, формирования его личности основывается на способности к трансценденции.

Предопределяющей тенденцией развития трансцендентности и близким к ней образованием является интенция. Интенция как направленность психики вовне, на внешний мир, по мнению Я.А. Пономарева, превосходит развитие мышления. Он определяет ее как первую базовую ступень для формирования других уровней мышления [9]. Действительно, интенциональность представляется настолько естественной в психической регуляции, что мы не придаем ей значения, замечая ее лишь при нарушении или исчезновении, как это бывает в патологических случаях. Способность различать объекты внешнего мира и устанавливать связи между ними основывается на этой интенциональности.

Определяя роль интенциональности сознания, Н.Н. Карпицкий отмечает, что «Первичным по отношению к содержанию феноменального мира является интенция, синтезирующая его в целостное становление жизни, которую можно обозначить как “сопричастность”» [4, с. 10]. Анализируя работы Э. Гуссерля, он описывает процесс познания как единение познаваемого объекта с отношением (интерпретацией, идеей) к этому объекту. Благодаря интенции как волевому (произвольному) акту сознания, осуществляется познание – переход из неясных, неизвестных форм в знание.

Сознание уже в самом своем определении предполагает синтез, синтез знаний, или знания и отношения к этому знанию. Синтез является составляющей частью мышления, противопоставляемой анализу. С.Л. Рубинштейн уделял особое внимание этим двум операциям, рассматривая мышление как аналитико-синтетическую деятельность. Но основания синтеза и анализа качественно различны. Роль синтеза состоит в объединении условий задачи с требуемым решением, значит, синтез ориентирован на будущее. Многие открытия в творческой деятельности приходят к исследователям во сне, – именно во сне активизируется синтез, актуализируя незаметные дневному сознанию образы, ключи к открытию. Значит, синтез имеет отношение к бессознательной части психики. Левое полушарие мозга отвечает за логику и за анализ, в целом, за вторичную, знаковую сигнальную систему, правое в

большой части связано с эмоциональными переживаниями, с пространственной ориентацией, с первичной сигнальной системой, и с синтезом.

Мы видим, что в творческой и интеллектуальной деятельности синтез первичен по отношению к анализу. Причем, его первичность определена именно трансцендентной сущностью.

Проявляется ли это в развитии сознания? В работах по изучению первобытного, дологического мышления Л. Леви-Брюль ввел понятие «мистического соучастия», «мистической партиципации» [5]. Определяя мистическое соучастие основным компонентом пра-логического мышления, он описывает различные его формы. Так, например, мистическое соучастие проявляется в том, что «туземец» находит причину удачи или неудачи во внешне не связанных с его деятельностью событиях, но связанных во времени (синхроничностью). Во-вторых, проявляется в том, что люди одного племени соотносят себя с каким-либо «лесным существом». В-третьих, верят в силу воздействия ритуалов. Несмотря на критическое отношение самого автора к описываемым явлениям (а известно, что в поздних работах Л. Леви-Брюль меняет свое отношение) в связи с отсутствием привычной логики (по сути, отсутствием компонента анализа в мышлении), мы обнаруживаем трансцендентную способность, - выход за пределы непосредственной предметной деятельности, и жизнедеятельности, и синтез как объединение себя, своих действий с другими сущностями. Мы можем также отметить и духовные основания этой трансценденции, которые проявляются не только в сотворении ритуалов, но и в придании божественного «сверхъестественного» смысла происходящим событиям.

Действительно, в современном мире, как отмечает Калфрид фон Дюркхайм, слово «трансценденция» заменяет слово «Бог». Он пишет, что, говоря о трансценденции «мы подразумеваем то, что непостижимым образом перешагивает за горизонт нашего естественного знания и чувствования, нечто непонятное, пронизывающую всю нашу жизнь сущность всех сущностей, сверхъестественное, находящееся вне противоречий, бытие. Мы имеем в виду жизнь, Великую жизнь, которая с другой стороны есть жизнь и смерть» [2, с.28].

Мистическое соучастие предполагает изначальную согласованность мира «событий» и мира «идей», материального и идеального измерений, отсутствие ментальных, когнитивных схем, открытость и доверие к происходящему. Это доверие является необходимым условием трансценденции.

Рассмотрим теперь, как трансценденция проявляется в житнетворчестве.

Основная часть. Житнетворчество как сложный процесс целеполагания «экзистенциальных» проблем индивидуального бытия представляет собой сложную духовную активность субъекта.

Развитие активности представляет собой выявление личностью все более высоких уровней жизни, благодаря чему определяются духовные начала. Духовное бытие человека рассматривается как «сила, энергия порыва в самоопределении к лучшему и высшему. Дух есть любовь к качеству и воля к совершенству во всех областях жизни. И потому само духовное бытие определимо и описуемо лишь в его значении для нас и в действии на нас» [10, с.383].

Духовность придает смысл жизни отдельному человеку, в ней человек ищет и находит ответы на вопросы: зачем он живет, каково его назначение в жизни, что есть добро и зло, истина и заблуждение, красивое и безобразное и т.д.

В.И.Слободчиков отмечает, что «духовное бытие, начинается и существует там, где начинается освобождение человека от всякой поглощенности, от оккупации чужой

и главное – своей собственной самостью. Свобода поэтому и есть модальное (фактически – инструментальное), а не предметно-содержательное определение духовного бытия» [10, с. 337]. Независимость от внешних обстоятельств, от внешней ситуации – эта та особенность, которая подчеркивается практически всеми исследователями творчества. Творчество, собственно, и представляет собой появление духовности в человеке. Творческая деятельность, по сути, духовная, еще не означает отсутствие всякой детерминированности и отсутствие причин и мотивов. Она означает свободу *от* данной ситуации, от собственных притязаний и потребностей и – свободу *для* осуществления намеченной цели, проявления осмысленной ценности, во имя истины, добра и красоты.

В современной методологии психологии детерминация психических явлений рассматривается через систему детерминирующих факторов. В психологию вводится такое понятие как “самодетерминация”, обозначающая способность человека определять себя самого. Самодетерминация, по мнению Б.Ф.Ломова, состоит в способности «сознательно организовывать свою собственную жизнь, а, значит, и определять свое собственное развитие, в том числе и психическое» [7, с.310]. Человек имеет право выбирать – с каким уровнем явлений он взаимодействует, к какому уровню относится его ответственность за свое поведение. Он может ощущать свободу этого выбора, но если его поведение начинает подчиняться духовным ценностям, отношение к свободе изменяется, поведение диктуется необходимостью поступать именно определенным образом. «Но если он пришел к этому, он добровольно подчиняет свой путь новому, высшему регуляторному императиву, добровольно несет свой крест» [6, с.18]. Таким образом, высшая степень свободы – это способность подчинить свое поведение (и формирование стратегий и способов решений в проблемных ситуациях, и образ мыслей) тому, что принято как свой долг. Высшая степень свободы заключается в способности брать на себя ответственность. Детерминация психической регуляции духовными ценностями, проявляющая себя как целевая или системная детерминация, приводит к творческому развитию человека, развитию его индивидуальности.

Понятие индивидуального духа используется В.И.Слободчиковым для характеристики развития индивидуальности человека, его универсальности (включенности в общую духовную культуру). Он пишет, что индивидуальный дух человека проявляется в различных формах, относящихся к различным уровням человеческой психологии. «Можно говорить о таких обликах субъективного духа, как личностное (целостное), индивидуальное (единично-уникальное) и универсальное (родовое) бытие человека» [10, с.338]. Он считает, что эти облики являются и ступенями развития индивидуального духа, становления духовного мира человека. Душевные способности являются предпосылкой и основой для развития духовности, но и сама духовность является дальнейшим условием их развития. «Иными словами, становление человека субъектом собственной жизнедеятельности (освоение норм и способов человеческой деятельности, правил и максим общежития, основных смыслов и ценностей совместной жизни людей) есть предпосылка и предыстория становления индивидуального духа человека. Это та основа, площадь опоры, на которой начинает осуществляться конвергенция (сворачивание в точку) всей предшествующей психологической организации человека» [10, с. 338]

Духовная способность, по мнению В.Франкла проявляется в способности к “самотрансцендированию”. В.Франкл отмечает, что понятие трансцендентности находится рядом с категорией интенциональности, тем самым, указывая на

направленности на что-то определенное во внешнем мире. Он указывает, что в основе способности самотрансцендироваться, переступить, выходить за пределы биологических и социальных закономерностей соответственно “внутреннего” и “внешнего” миров лежит присущая человеку духовность [11].

А. Маслоу, анализируя категорию трансцендентности приводит 35 возможных аспектов ее проявления. Он пишет, что “Трансценденция относится к высшим и в максимальной степени включающим, или холистическим, уровням человеческого сознания, поведения и отношения — как к цели, а не средству — к себе, к значимым другим, к людям вообще, к другим видам, к природе и к космосу. (Здесь имеется в виду холизм в смысле иерархической интеграции. Предполагается также изоморфизм познавательного и ценностного.)” [8, с.286]. Он рассматривает в качестве трансцендентного любой возможный выход человека за пределы себя, начиная с трансценденции в смысле утраты самоосознания, самонаблюдения, и заканчивая трансценденцией своего собственного кредо, своей системы ценностей или верований. При этом сама трансценденция в каком-либо определенном отношении весьма многообразна. Так, например, трансценденция времени включает себя: способность выйти за границы времени как такового (или, как пишет А.Маслоу, общаться с Сократом, Галилеем и другими), способность интегрировать прошлое таким образом, что оно “включается” в настоящее. К трансцендированию пространства также относится несколько возможных вариантов трансценденции, таких как: трансценденция пространства (когда человек настолько захвачен чем-то, что не осознает где находится); трансцендирование наличной ситуации (подняться в царство возможного, а не только актуального); трансценденция культуры (способность быть универсальным человеком, не поглощенным культурой) и другие. В отношении самого субъекта, А. Маслоу выделяет трансцендирование на личность чужих мнений, что означает самодетерминацию Я; трансценденция собственной слабости и зависимости, что выражается в способности брать на себя ответственность; переход на уровень собственной совести; трансценденция своей воли (уступить своей судьбе и слиться с ней, любить ее); трансценденция означает также стать Божественным или богоподобным, выйти за пределы чисто человеческого; трансценденция человеческих пределов, несовершенств, недостатков, человеческой ограниченности (такая трансценденция достигается в форме переживания совершенства) и т.д.. В отношении с другими людьми упоминаются такие способы трансценденции: подняться над разобщающим национализмом, патриотизмом или этноцентризмом в смысле “Мы и они”, “они против нас”; способность “сойти с карусели, на которой все кружатся”; любовь-идентификация как вид трансценденции (имеется в виду альтруистическая любовь, например, к своему ребенку, к другу), преодолевающая эгоистичное Я; и другие. В данные им определения трансценденции относятся практически все возможные способы человеческой самоактуализации, личностного развития.

Идея о двух возможностях, которые может осуществить человек: или полностью совпадать со своей жизнедеятельностью (то есть быть детерминированным ею), или быть в отношении к ней, - развивается многими философами и психологами (Б.С.Братусь, В.П.Зинченко, С.Л.Рубинштейн, В.Франкл, М.Хайдеггер и др.). Во всех этих случаях способность стать в практическое отношение к своей жизнедеятельности посредством механизма рефлексии признается в качестве важнейшего условия определения и реализации человеком своего собственного способа жизни. Самоопределение, самодетерминация, самоизменение - это бытие человека в статусе *causa sui* (причины себя). Условием самоизменения, воздействия на свою

жизнедеятельность выступает отстранение от нее: преобразуемо может быть лишь то, что внеположно человеческому сознанию. "Чтобы осознать свое бытие, необходимо "находиться" вне собственного бытия"; "имеющий сознание человек должен обладать способностью... смотреть на свое бытие со стороны" [1, с. 125].

В. Франкл отмечал, что "обращение человека на самого себя, его рефлексия, является не только лишенной перспективы, но и просто неадекватной формой интенции". [11, с. 120]. Его знаменитая метафора бумеранга говорит о том, что рефлексия появляется как механизм личностного развития и самоопределения в тех случаях, когда направленность на мир (интенциональная и трансцендентная) является неуспешной. Рефлексия, понятая как "диалог с самим собой, с alter ego, с внутренним Собеседником" [1, с. 54], бесконечный разговор со своими собственными двойниками, - замыкает человека в самом себе.

В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев при анализе универсальности как психологического образования, как характеристики полноты бытия человека, останавливаются на важных в этом аспекте рефлексии и трансценденции. Они отмечают, что "чем глубже рефлексия, т.е. осознание все более глубоких слоев психики, ... тем более расширенным оказывается трансцендирование, выход за границы наличного бытия, осознание своего единства с Миром как целым" [10, с. 364]. Авторы обращаются к работам С.Л.Рубинштейна, в которых акцентируется значение субъектной включенности человека в мир. Они отмечают, что отношение "Человек и Мир" является основным и для научного познания и для практической жизнедеятельности человека. Именно на основе этого отношения и формируются трансценденция и рефлексия, и "...чем глубже интроспекция (рефлексия форме созерцания), тем масштабнее трансцендирование, тем дальше продвижение к охвату мира как целого, к универсальности и всеобщности" [там же, с. 365].

С категориями рефлексии и трансцендентности связана идея жизненного смысла человека. Характеризуя смысл жизни, В.Франкл останавливается на весьма важном моменте – различия между влечением к смыслу и стремлением к смыслу. С точки зрения психодинамической теории для человека характерно влечение к смыслу, который оправдывает бессознательные тенденции человеческой природы. В этом случае, смысл выступает реактивным образованием или механизмом защиты. Несмотря на то, что такое определение природы смысла, отражающее лишь его субъективную сторону, поддерживает психоаналитическую идею о принципиальном конфликте между внутренним миром человека и внешним – социальном, оно не может быть опровергнуто. В самом деле, к появлению вопроса о смысле жизни приводит ощущение его отсутствия. Е.В.Аболина – Золотухина, рассматривает аспект внерациональной природы смысложизненных переживаний. Она соглашается с тем, что значимые цели и ценностные явления составляют (или могут составить) содержательную сторону смысложизненного переживания. "Однако столь же очевидно, что без эмоционального вклада со стороны самого субъекта, без его живого отклика все эти значимые ценностные программы останутся только схематикой, функционирующей в обезличенных пластах поля интерсубъективности" [3, с. 45]. Данная точка зрения поддерживается многими.

Е.В. Аболина-Золотухина определяет некоторые характеристики чувства смысла. К ним относятся: наличие интереса; ощущение будущего; спонтанное ощущение радости и эмоционального подъема; ощущение себя частью целого [3].

Она указывает на то, что "сам приход в нашу судьбу новых людей, новых обстоятельств и новых событий делает очень важную вещь: будит интерес к жизни,

словно за ниточку вытягивающий за собой смысл” [3, с.36]. Так обнаруживается трансубъективная природа смысла. Чувство любви, переживание близости и открытости с другим человеком, людьми порождает смысл человеческого существования.

Большое значение “трансубъективности” придает и В.Франкл. Он говорит, что собственно “...трансубъективность предполагалась все это время, когда мы говорили о самотрансценденции” [11, с.292]. Он считает, что трансубъективный характер смысла передает идею того, что смыслы не придумываются и не строятся, они обнаруживаются. Но трансубъективность означает не только взаимодействие с каким-либо одним человеком, она предполагает и общество в целом.

И. Ялом на основе наблюдения и работы с онкологическими больными людьми отметил необычайное усиление осмысленности жизни в том случае, если человек принимал свою ситуацию скорой смерти как данность. Он отметил, что в качестве целей, инициирующих актуализацию смысла, выступают следующие моменты: альтруизм; преданность делу; творчество; ощущение движения жизни, самоактуализация, и во всех перечисленных случаях речь идет о трансценденции [12].

Как фактически способность к трансценденции проявляется в жизнетворчестве?

Для исследования способности к жизнетворчеству мы выбрали следующие показатели: постановка жизненных целей, наличие перспективы в жизненном пути, обретение жизненных смыслов, ориентация на творческие ценности в жизненных выборах, степень согласованности внутреннего мира личности, и другие. Основным методом стал биографический метод исследования.

На основании исследований способности к жизнетворчеству, основной массив которых был проведен в 2005г., и затем дополнен в период 2015-16 гг. мы можем обобщить изменение способности к жизнетворчеству в разных периодах взрослого возраста следующим образом.

Высокий уровень развития жизнетворческих способностей *в раннем зрелом возрасте (25-35 лет)* связан, в первую очередь, со способностью “видеть” жизненную перспективу. Линия перспективы именно в этом периоде взрослого возраста является наиболее разработанной. Обращенность в будущее – это непосредственное проявление способности к трансценденции. Формирование образа будущего, по результатам исследования, связана со способностью к целеполаганию. Связь между целями и духовными “событиями” позволяет предположить, что способность к целеполаганию существенно связана с теми ориентациями личности, которые способствуют проявлению свободной воли (“самотрансценденции”) личности в условиях существующей жизненной ситуации.

Отношения между показателями “перспективы” и “индивидуальных ценностей” указывают, что для данного возрастного периода характерна противопоставленность будущей (планируемой) жизни по отношению к жизненно значимым выборам. Кроме того, ценности адаптивного характера являются более значимыми, чем индивидуальные и субъектные. Это говорит о том, что для возраста от 25 до 35 лет характерно четкое разделение адаптивной и субъектной ориентации, иначе – рефлексивной и трансцендентной направленности. Однако, именно в возрасте от 25 до 35 вырастает количество отмечаемых субъектных ценностей.

По данным исследования можно говорить и о том, что внутренний мир пока отличается некоторой разобщенностью подструктур.

Таким образом, трансцендентность в контексте жизнетворчества в данном возрасте проявляет себя как расширение жизненного мира личности, как активная

адаптация к обществу, как утверждение себя и своей социальной роли. Аспект синтеза, «мистического соучастия» как «выхода за пределы» здесь является основным.

Средний период взрослости (35-45 лет). Проявление способности к жизнелюбительству в этом возрасте связано, прежде всего, с усилением рефлексивной позиции субъекта жизнедеятельности. Данная особенность выявляется в показателе количества жизненных выборов, который значительно повышается в данном возрастном периоде.

Более значимыми по сравнению с предыдущей возрастной группой становятся ценности индивидуального развития. При этом, ориентация на *индивидуальные ценности* (на саморазвитие, образование, профессиональные или служебные достижения), коррелирует со способностью видеть перспективу. И, напротив, *адаптивные ценности*, обнаруживают отрицательную связь с перспективой. Это означает, что, в отличие от предыдущего возрастного периода, ориентация на адаптивные ценности препятствует видению жизненной перспективы.

Чувство управляемости своей жизнью в возрасте от 35 до 45 лет связано не столько со способностью к целеполаганию, сколько с успешностью производимого жизненного выбора, с приобретением ценностей. Т.е. большое значение имеет способность личности занимать рефлексивную позицию, и именно ту, которая способствует позитивной оценке собственных достижений.

Ощущение полноты и осмысленности жизни в этом возрасте связано с событиями, происходящими, прежде всего, в системе отношений с другими людьми.

Таким образом, в данной возрастной группе большее значение приобретают рефлексивные процессы, обратные трансцендентности, но на основе последней. Личность оценивает себя, свои действия, выборы и поступки из межличностного социального пространства, все больше осознавая себя автором своей жизни. Начинается формирование целостного внутреннего пространства, раскрывающего для человека его «трансцендентную глубину» [2].

Возраст поздней взрослости (45-60 лет). Процессы осмысления событийной линии жизни в этом возрасте взаимосвязаны с процессами самотрансценденции, а восприятие будущего становится взаимосвязанным с восприятием настоящего и прошлого. Настоящее воспринимается более значимым, если субъект видит перспективу. Позитивное влияние на способность видеть перспективу оказывают события духовной сферы, а также включенность во взаимодействие с внешним миром, широкого круга переживаний.

В этой возрастной группе отмечается выраженная связь между целями и ценностями индивидуального развития. То есть в этом возрасте процессы целеполагания связаны больше с саморазвитием, с развитием личностного потенциала. Анализ полученных в исследовании данных указывает на организующую роль способности к целеполаганию в целостности внутреннего мира в возрасте от 45 лет.

Ощущение полноты жизни связано с широтой отношений личности и с согласованностью смысловой сферы.

В данной возрастной группе ориентация на субъектные ценности (ценности переживания, духовная направленность) оказывает влияние на более целостное осмысление внутреннего мира (жизненного опыта, самоактуализации). Ориентация на субъектные ценности представляет способность к трансценденции в рефлексии жизненных выборов. Трансцендентная направленность в контексте осмысления внутреннего мира личностью совпадает с трансцендентной направленностью в представлении о трансспективе. Здесь показатель непосредственного, «живого»

отношения к миру, богатства внутренних переживаний связан с оптимистичностью во взглядах на будущее, с оптимистичным представлением о будущем, чему способствует сформированность смысловых отношений во внутреннем пространстве личности.

Сохранение способности к жизнетворчеству и развитию предполагает сохранение способности к «выходу за пределы». Способность удивляться новому, видеть новое характерна для долгожителей. Эта способность предполагает, что человек находится в диалоге с внешним миром. Открытость внешнему миру становится реальной, когда внутреннее смысловое пространство целостно и динамично. Глубина внутренней трансценденции позволяет более целостно и осмысленно воспринимать события внешнего мира, – это то, что называют мудростью.

Заключение. Таким образом, способность к трансценденции проявляется в жизнетворчестве в различных формах. В ранний период взрослости доминирует способность создавать перспективные линии жизни, средний период характеризуется ростом рефлексивных процессов, осуществляющихся на основе самотрансценденции, что приводит к осознанию личностью себя как субъекта жизнедеятельности, а после 45 смысловая сфера личности, и особенно, целостное осмысление внутреннего мира является основой способности к трансценденции и жизнетворчеству. Способность к смыслообразованию формируется под влиянием процессов рефлексии. Но, сформированная к возрасту старшей взрослости, она способствует процессам трансценденции.

Общая линия изменений может быть выражена так. Процессы рефлексии и смыслообразования представляют собой «превращенные формы» способности к самотрансценденции, и способствуют ее дальнейшему развитию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или поэтика культуры / В.С. Библер. – М.: Наука, 1991. – 280с.
2. Дюркхайм Карлфрид О двойственном происхождении человека / Карлфрид Дюркхайм. – Санкт-Петербург: «ИМПАКС», 1992. – 189 с.
3. Золотухина-Аболина Е.В. О чувстве смысла / Е.В. Золотухина-Аболина // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. – 2002 – № 1 – С. 34–62.
4. Карпицкий Н.Н. Присутствие и трансцендентальное предчувствие / Н.Н. Карпицкий. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – 192 с.
5. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.
6. Леонтьев Д.А. Симбиоз и адаптация или автономия и трансценденция: выбор личности в непредсказуемом мире / Д.А. Леонтьев // Личность в современном мире: от стратегии выживания к стратегии жизнетворчества / Под ред. Е.И.Яцуты. – Кемерово: ИПК «Графика», 2002. – С. 3-34.
7. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов. – М.: Наука, 1984. – 444 с.
8. Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики / А.Г. Маслоу. – СПб.: Евразия, 1997. – 412 с.
9. Пономарев, Я. А. Методологическое введение в психологию / Яков Александрович Пономарев, Институт психологии АН СССР. – Москва : Наука, 1983. – 205 с.
10. Слободчиков В.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 384 с.
11. Франкл В. Человек в поисках смысла: сборник / В. Франкл – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
12. Ялом. И. Экзистенциальная психотерапия. – М.: Класс, 2000 – 576 с.
13. Яновская Л.В. Динамика способности к жизнетворчеству во взрослом возрасте : дисс. ... канд наук : 19.00.07 / Л.В. Яновская – Одесса, 2006. – 202 с.

Поступила в редакцию 14.05.2019 г.

ABILITY TO TRANSCENDENCE IN THE ASPECT OF LIFE-CREATIVITY

L.V. Yanovskaya

The article considers transcendence as a basic component of the development of consciousness. In the aspect of life-creating the ability to transcendence is considered as preceding the development of reflection and sense-making. The results of an experimental study of the ability to life-creativity in adulthood are considered.

Keywords: transcendence, reflection, sense-formation, ability to life-creativity

Яновская Лариса Владимировна.

Кандидат психологических наук.

ГОУ ВПО Донецкий национальный университет.

Доцент кафедры психологии.

E-mail: yanovlar1@mail.ru.

Yanovskaya Larisa Vladimirovna.

Candidate of Psychology.

Donetsk National University.

Associate Professor of the Department of Psychology.

E-mail: yanovlar1@mail.ru.

УДК 159.9.072

ЭМПАТИЯ И СОСТРАДАНИЕ: ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОНЯТИЙ

© 2019. *Н.В. Голышева*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматриваются особенности факторных структур психосемантических пространств понятий «эмпатия» и «сострадание». Основное внимание уделяется сравнительному анализу категорий, которые выступают, как основополагающие и структурные компоненты понятий «эмпатия» и «сострадание».

Ключевые слова: эмпатия, сострадание, сочувствие, психосемантика.

Введение. Понятие «эмпатия» удостоилось в последние годы серьезных историко-психологических разработок, как в отечественной, так и в зарубежной психологии. В исследованиях Т.П. Гавриловой, Дж. Игана, Т.Д. Карягиной, В.А. Лабунской, Ю.А. Менджерицкой, В.Д. Потаповой, К. Роджерса, О.В. Тютяевой, И.М. Юсупова особое внимание уделяется: определению понятия эмпатии, ее структуре, механизмам, видам, функциям, роли в профессиональной деятельности психолога, развитию особенностей проявления эмпатии в онтогенезе, ее формированию.

При этом, однако, практически все отечественные исследования эмпатии имеют один существенный недостаток: они абстрагируются от социокультурной детерминации той феноменологии, которая составляет «чувственную ткань» ее эмпирического генезиса. Так, но, по мнению автора концепции и метода психологического консультирования «Этический персонализм» А.Ф. Бондаренко, культуросообразное сострадание как высшее этическое чувство, сложное переживание, в отличие от эмпатии обеспечивает более эффективную психологическую помощь клиенту/пациенту в принятии требуемого лечения. В консультативной работе практикующий психолог делает упор не на обеспечении эмоционального отреагирования, как при эмпатии, а на формировании когнитивно-поведенческих установок, облегчающих принятие самого факта лечения. Развитие отечественной консультативной психологии выдвигает перед психологами важные задачи по осмыслению культуросообразных традиций психологической помощи вопреки широко распространенным западным тенденциям, базирующихся в иной ценностно-смысловой парадигме [1]. В связи с этим возникает необходимость анализа понятий «эмпатия» и «сострадания» с учетом особенностей специфики этического компонента русской культуры и ментальности.

Основная часть. Целью данного исследования выступает выявление факторных структур психосемантических пространств понятий «эмпатия» и «сострадание».

Описание выборки. В исследовании приняли участие 270 испытуемых, студенты специальности «Психология» 1-5 курса, дневной и заочной формы обучения (225 женщин, 45 мужчин; возраст 17-49 лет).

Процедура и методы исследования. Респондентам был предложен опросный лист с набором шкал по типу семантического дифференциала. На предварительном этапе исследования с помощью контент-анализа литературы – диссертационных

исследований, научных текстов (отечественных и зарубежных авторов), словарей – был выделен набор категорий, входящих в состав понятий «эмпатия» и «сострадание». В список вошли 31 категория, наиболее весомых и частотно представленных. Он был дополнен антонимами и объединен в опросный лист по типу семантического дифференциала. Респондентам необходимо было оценить понятия «эмпатия» и «сострадание» по шкале Лайкерта от 3 до -3 с помощью предложенных пар характеристик.

Результаты, их интерпретация и выводы. На основе полученных ответов вычислялись средние значения и ранги каждой категории. По результатам ранжирования данных можно отметить, что наиболее представлены в понятии «эмпатия», по мнению респондентов, следующие 5 категорий: понимание, добро, сочувствие, милосердие, отзывчивость. Слабо выражены категории: произвольность, безоценочность, ситуативность, внушаемость, интуитивность [2].

В понятии «сострадание», наиболее представлены такие категории, как: отзывчивость, сочувствие, милосердие, понимание, мягкосердечность. В пятерку наименее выраженных категорий входят: произвольность, печаль, интуитивность, внушаемость, ситуативность [3].

Далее с помощью t-теста (критерия Стьюдента) были проверены различия между средними значениями категорий, представленных в понятиях «эмпатия» и «сострадание».

По итогам сравнения можно отметить, что респонденты в понятии «сострадание» более высокими баллами, чем в понятии «эмпатия», оценивают такие категории как: отзывчивость ($t_{\text{эмп}} = 4,656$; $p \leq 0,001$), альтруизм ($t_{\text{эмп}} = 3,249$; $p \leq 0,01$), симпатия ($t_{\text{эмп}} = 4,141$; $p \leq 0,001$), доверие ($t_{\text{эмп}} = 3,042$; $p \leq 0,01$), содействие ($t_{\text{эмп}} = 2,655$; $p \leq 0,01$), милосердие ($t_{\text{эмп}} = 3,119$; $p \leq 0,01$), бескорыстие ($t_{\text{эмп}} = 2,485$; $p \leq 0,05$), мягкосердечность ($t_{\text{эмп}} = 4,611$; $p \leq 0,001$), сочувствие ($t_{\text{эмп}} = -3,320$; $p \leq 0,001$), сопричастность ($t_{\text{эмп}} = 1,914$; $p \leq 0,1$), впечатлительность ($t_{\text{эмп}} = 4,104$; $p \leq 0,001$), душевность ($t_{\text{эмп}} = 2,895$; $p \leq 0,01$), печаль ($t_{\text{эмп}} = 3,940$; $p \leq 0,01$), чувствительность ($t_{\text{эмп}} = 3,119$; $p \leq 0,01$).

С целью определения структурных компонентов понятий «эмпатия» и «сострадание», полученные результаты исследования были обработаны с помощью метода факторного анализа.

Результаты факторного исследования понятия «эмпатия» представлены в табл. 1.

Таблица 1

Факторные нагрузки после варимакс-вращения понятие «эмпатия»

№	Категории	Ф-р 1	Ф-р 2	Ф-р 3	Ф-р 4	Ф-р 5	Ф-р 6	Ф-р 7
1	Дружелюбие	,751	,063	,227	,107	,018	,001	,124
2	Милосердие	,734	,200	,230	,146	-,034	,002	,042
3	Добро	,709	,305	,183	,185	,135	,087	-,042
4	Деликатность	,680	-,067	,289	,000	,104	,107	-,026
5	Мягкосердечность	,672	,297	,115	,109	-,097	,203	-,113
6	Сочувствие	,625	,465	,221	,128	-,059	,157	-,004
7	Бескорыстие	,607	,252	,172	,101	-,027	-,189	,259
8	Искренность	,494	,327	,271	,306	-,066	-,109	,096
9	Открытость	,481	,290	,278	,272	,050	-,007	,000
10	Альтруизм	,442	,129	,403	-,098	-,026	,037	-,221
11	Впечатлительность	,095	,778	,021	,007	-,171	-,156	-,111
12	Душевность	,266	,735	,047	,045	-,187	,051	-,011
13	Чувствительность	,268	,658	,290	,068	-,005	,061	-,143
14	Сензитивность	,196	,636	,266	-,009	,078	-,087	,213

Продолжение табл. 1

15	Сопричастность	,424	,480	,187	,114	-,060	,354	,077
16	Согласованность чувств	,150	,029	,736	,064	,047	,060	,118
17	Содействие	,330	,145	,709	,133	-,024	,042	-,004
18	Понимание	,248	,231	,677	,079	-,045	,134	,087
19	Доверие	,365	,157	,595	,073	,164	-,264	-,074
20	Симпатия	,337	,204	,522	,287	,001	-,228	-,082
21	Отзывчивость	,420	,374	,476	,188	-,044	,235	-,044
22	Радость	,125	,008	-,012	,760	,164	-,029	,104
23	Позитивность	,272	,046	,235	,639	,157	,210	,009
24	Надежда	,297	,130	,154	,551	,222	-,107	-,141
25	Ситуативность	-,056	-,001	,072	,523	-,357	-,050	-,006
26	Сознательность	,090	-,162	,018	,118	,755	,060	,003
27	Произвольность	-,109	-,021	,088	,088	,724	,168	-,006
28	Интуитивность	,109	-,333	-,191	-,040	,487	-,423	-,036
29	Социальность	,154	-,097	-,008	-,041	,266	,678	-,098
30	Внушаемость	-,031	-,027	,081	,060	,053	-,125	,835
31	Безоценочность	,321	-,037	-,081	-,126	-,370	,250	,509
Метод выделения: Анализ методом главных компонент.								
Метод вращения: Варимакс с нормализацией Кайзера.								
а. Вращение сошлось за 7 итераций.								

В факторной структуре семантического пространства понятия «эмпатия» было выделено семь факторов. Выделенные факторы объясняют 59,8% суммарной дисперсии признаков.

Фактор 1 «**дружелюбие – враждебность**» описывает 17% дисперсии и представлен нагрузкой по следующим категориям: дружелюбие, милосердие, добро, деликатность, мягкосердечность, сочувствие, бескорыстие.

Фактор 2 «**резонансность – отсутствие резонанса**» составляет 11%. Он содержит следующие категории: впечатлительность, душевность, чувствительность, сензитивность.

Фактор 3 «**взаимность – отстраненность**» имеет вес 10,7%. Включает следующие категории: согласованность чувств, содействие, понимание, доверие, симпатия.

Фактор 4 «**позитивного и негативного отношения**» (6,6% дисперсии) объединил следующие категории: радость, позитивность, надежда, ситуативность.

В Фактор 5 (6,2% дисперсии) вошли категории: сознательность, произвольность.

Фактор 6 (4,2% дисперсии) представлен одной категорией: социальность.

В Фактор 7 (4,1% дисперсии) вошли категории: внушаемость, безоценочность.

Результаты факторного анализа понятия «сострадание» представлены в табл. 2.

Таблица 2

Факторные нагрузки после варимакс-вращения понятие «сострадание»

№	Категории	Ф -р 1	Ф -р 2	Ф -р 3	Ф -р 4	Ф -р 5	Ф -р 6	Ф -р 7
1	Мягкосердечность	,719	,267	,000	-,027	-,005	-,096	-,081
2	Искренность	,673	,014	,048	,097	-,077	,270	,212
3	Милосердие	,633	,389	,215	,028	-,131	-,055	,023
4	Сочувствие	,630	,309	,275	-,066	-,045	-,244	,056
5	Дружелюбие	,616	,132	,225	,203	-,093	,072	-,075
6	Добро	,575	,208	,120	,261	,093	-,117	,073
7	Открытость	,502	,302	,325	,130	,033	,091	,121
8	Сензитивность	,439	,358	,121	,011	-,146	,055	-,281

Продолжение табл. 2

9	Бескорыстие	,420	,330	,148	,150	-,119	,080	,235
10	Впечатлительность	,180	,733	-,066	-,160	-,059	,096	-,178
11	Отзывчивость	,145	,650	,076	,094	-,093	-,129	,165
12	Чувствительность	,474	,633	,080	,063	-,009	,048	-,040
13	Доверие	,057	,534	,333	,212	-,079	,069	,235
14	Понимание	,323	,519	,148	,058	,200	,011	,109
15	Содействие	,225	,518	,222	,122	,149	,098	-,070
16	Душевность	,447	,484	-,009	-,062	-,070	,239	-,113
17	Сопричастность	,438	,479	,133	,083	-,111	-,139	-,115
18	Деликатность	,406	-,027	,637	-,037	,182	,051	-,059
19	Согласованность чувств	,185	,210	,547	,166	,253	,046	-,135
20	Альтруизм	,227	,303	,536	-,049	-,237	-,115	,013
21	Симпатия	,162	,452	,459	,199	-,129	-,033	,047
22	Печаль	-,050	-,059	,105	,766	,006	,022	,054
23	Позитивность	,228	,142	-,016	,743	,033	-,237	,102
24	Надежда	,220	,243	,148	,504	,053	,214	-,294
25	Ситуативность	,204	,041	-,330	,444	,070	,402	-,113
26	Сознательность	-,093	,107	,197	-,008	,655	-,141	,081
27	Непроизвольность	-,031	-,093	,001	,102	,653	,137	,029
28	Интуитивность	-,057	-,182	-,260	-,090	,593	-,397	,060
29	Социальность	,104	-,034	,039	,070	,031	-,741	-,085
30	Безоценочность	,188	,011	,303	,021	-,318	,429	,269
31	Внушаемость	,081	,045	-,053	,011	,134	,120	,835
Метод выделения: Анализ методом главных компонент.								
Метод вращения: Варимакс с нормализацией Кайзера.								
а. Вращение сошлось за 14 итераций.								

В факторной структуре семантического пространства понятия «**сострадание**» было выделено семь факторов. Выделенные факторы объясняют 54,2 % суммарной дисперсии признаков.

Фактор 1 «**мягкосердечность и искренность против черствости и лживости**» – описывает 14,2% дисперсии и представлен нагрузкой по следующим категориям: мягкосердечность, искренность, милосердие, сочувствие, дружелюбие, добро, открытость.

Фактор 2 «**впечатлительность – невпечатлительность**» имеет вес 12,4 %. Он содержит категории: впечатлительность, отзывчивость, чувствительность, доверие, понимание, содействие.

Фактор 3 «**деликатность – грубость**» составляет 6,8 %. Он объединяет категории: деликатность, согласованность чувств, альтруизм.

Фактор 4 «**печаль – радость**» обладает информативностью 6,3 %. Он собрал нагрузки по следующим категориям: печаль, позитивность, надежда.

Фактор 5 «**интуитивность – рассудочность**» имеет вес 5,4 %. Он включил категории: сознательность, непроизвольность, интуитивность.

В Фактор 6 (4,9 % дисперсии) и Фактор 7 (4,2 % дисперсии) вошли по одной категории: социальность и внушаемость.

Таким образом, анализ выделенных факторов позволяет говорить о значительных сходствах в перечне категорий, включенных в структуру понятий «эмпатия» и «сострадание» и некоторых различиях в их факторных структурах.

Наибольшее количество сходств в структурных компонентах понятий отмечается в перечне категорий входящих в Фактор 1, Фактор 2, Фактор 3, Фактор 4.

Так Фактор 1 в обоих понятиях объединил в себе такие категории: дружелюбие, милосердие, добро, мягкосердечность, сочувствие.

Полученные результаты, позволяют нам утверждать, что в обоих понятиях категория *дружелюбие* означает тип отношений между людьми, основанных на симпатии, общности интересов, духовной близости, взаимной привязанности. Дружбе характерны добровольность, индивидуальная избирательность, интимность и устойчивость. Кроме того, дружба может означать как моральное чувство, так и специфический вид взаимоотношений [5].

Далее, категория *милосердие* отражает готовность помогать кому-нибудь или простить кого-нибудь из сострадания, человеколюбия. Понятие *добро* как положительное, хорошее, полезное, противоположное злу. *Мягкосердечность* определяется как душевная мягкость, доброта, отзывчивость, правдивость, откровенность [5].

И, наконец, *сочувствие* как одна из форм эмпатии, которая проявляется в отзывчивом, участливом отношении к переживаниям, несчастью других [5].

Фактор 2 вобрал в обоих понятиях такие категории как, впечатлительность, чувствительность.

Так категория *впечатлительность* интерпретируется, как восприятие непосредственное и живое, как способность воспринимать непосредственно, живо и легко события, при этом остро реагировать на происходящее, воспринимать впечатления и надолго запоминать то, что потрясло. *Чувствительность* выражается в повышенной готовности к аффективным реакциям [5].

В Фактор 3 вошла одна категория *согласованность чувств*, т.е. слаженность и непротиворечивость чувств друг другу [5].

Фактор 4 представлен категориями: *позитивность*, отражающей положительный аспект человеческой психики в противовес негативности, а категория *надежда* обозначает веру в возможность осуществления чего-нибудь радостного, благоприятного [5].

Сравнительный анализ факторов входящих в состав обоих понятий позволяет получить следующие качественные различия в факторных структурах понятий.

Понятие «эмпатия» в большей степени, на наш взгляд, раскрывается через призму таких категорий как: *дружелюбие*, которое отражает вид взаимоотношений, основанных на симпатии; *резонансность* – согласие двух человек относительно эмоциональных аспектов ситуации; *взаимность* – тенденция к возникновению обоюдной откровенности при доверительном разговоре и *позитивное отношение* – одобрительное отношение, проявляющееся в принятии другого человека [5].

А понятие «сострадание», может быть представлено такими категориями как: *мягкосердечность*, которая проявляется в душевной мягкости, отзывчивости, откровенности; *впечатлительность* – способность легко, живо, непосредственно воспринимать события; *деликатность* – этическое качество личности, выражающееся как предупредительность, вежливость в обращении с людьми, мягкость в общении и отношениях к чему бы то ни было. Она основывается на глубоком уважении к человеку, признании прав другого человека на иное, свое личное отношение к жизни; *печаль* – чувство грусти, скорби, состояние душевной горечи; *интуитивность* – созерцание, способность к прямому усмотрению истины, постижению ее без всякого рассуждения и доказательства [5].

Заключение. Результаты исследования позволили получить данные, касающиеся факторных структур психосемантических пространств понятий «эмпатия» и

«сострадание». С помощью метода факторного анализа выявлены некоторые особенности и характеристики семантических пространств понятий «эмпатия» и «сострадание». В понятии «эмпатия» было выделено 4 основных фактора, а в понятии «сострадание» 5 факторов, демонстрирующих, на наш взгляд, наибольшую информативность о структуре каждого понятия.

Наибольшее количество сходств в структурных компонентах понятий отмечается в перечне категорий входящих в Фактор 1, Фактор 2, Фактор 3, Фактор 4.

Фактор 1 в обоих понятиях объединил в себе такие категории: дружелюбие, милосердие, добро, мягкосердечность, сочувствие. Фактор 2 вобрал в обоих понятиях такие категории как, впечатлительность, чувствительность.

В Фактор 3 вошла одна категория согласованность чувств. Фактор 4 представлен категориями: позитивность, надежда.

Также установлены некоторые качественные различия в факторных структурах понятий. Итак, понятие «эмпатия» в большей степени, на наш взгляд, раскрывается через такие категории как: *дружелюбие, резонансность, взаимность, позитивное отношение*. Т.е. в «эмпатии», на наш взгляд, отражены взаимоотношения, основанные на симпатии, согласии двух человек относительно эмоциональных аспектов, на обоюдной откровенности и одобрительном отношении, принятии другого человека.

А понятие «сострадание», можем описать, используя категории: *мягкосердечность, впечатлительность, деликатность, печаль, интуитивность*. Итак, в «сострадании» отражена душевная мягкость, отзывчивость, живое и непосредственное восприятие, вежливое и уважительное отношение к скорби, состоянию душевной горечи другого человека. В понятии представлена способность к прямому усмотрению истины, постижению ее без всякого рассуждения и доказательства.

Таким образом, исходя из полученных данных, можем предположить, что в понятии «эмпатия» в отличие от «сострадания» сильнее выражен эмоциональный компонент, а в понятии «сострадание» в большей степени, представлен нравственный компонент, как специфическая особенность русской культуры и ментальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондаренко А.Ф. Язык. Культура. Психотерапия: сборник научных статей / А.Ф. Бондаренко. – К.: Кафедра, 2012. – 416 с.
2. Гольшева Н.В. Особенности представлений студентов психологов о психосемантической структуре понятия «эмпатия» / Н.В. Гольшева // Психология третьего тысячелетия: II международная научно-практическая конференция: сборник материалов / под. общ. ред. Б.Г. Мещерякова. – Дубна: Гос. ун-т «Дубна», 2015 – С 69–73.
3. Гольшева Н.В. Эмпатия и сострадание: психосемантический анализ понятий / Н.В. Гольшева // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса: Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых (Донецк, 17–20 октября 2017 г.). – Том 6: Психолого- педагогические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2017. – 318 с.
4. Лабунская В.А. Психология затрудненного общения: Теория. Методы. Диагностика. Коррекция: учеб. пособие. [для студ. высш. учеб. зав.] / Лабунская В.А., Менджерицкая Ю.А., Бреус Е.Д. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 288 с.
5. Словари и энциклопедии на Академике. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/>

Поступила в редакцию 20.05.2019 г.

EMPATHY AND COMPASSION: PSYCHOSEMANTIC RECONSTRUCTION OF CONCEPTS

N.V. Golyшева

The article addresses factor structures of psychosemantic spaces of the concepts of “empathy” and “compassion”. The focus is made on the comparative analysis of the categories that act as fundamental and structural components of the concepts of “empathy” and “compassion”.

Key words: empathy, compassion, sympathy, psychosemantics

Голышева Надежда Викторовна.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Старший преподаватель кафедры психологии.

E-mail: golyшева-nadya@mail.ru.

Golyшева Nadegda Viktorovna.

Donetsk National University.

Senior lecturer of the Department of Psychology.

E-mail: golyшева-nadya@mail.ru.

УДК 159.99

ПРИМЕНЕНИЕ БИБЛИОТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ПОДХОДА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ У ЛИЦ С ОВЗ И ИНВАЛИДНОСТЬЮ

© 2019. *Е.В. Михальчи¹, Е.Е. Михальчи²*

¹*Институт бизнеса и делового администрирования ФБГОУ ВО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва (Россия).*

²*Научно-исследовательский центр Военной Академии Генерального Штаба, Москва (Россия).*

В статье рассмотрено применение библиотерапевтического подхода при формировании жизнестойкости у лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью. Представлены особенности реализации библиотерапевтического подхода при формировании жизнестойкости, как психологического качества личности, с учётом актуального эго-состояния личности, определяемого в рамках трансактоного анализа; приведен анализ сходств и различий в применении сказкотерапевтического и библиотерапевтического подходов в работе с лицами с ОВЗ и инвалидностью. Содержатся результаты исследования применения трансактоного анализа для формирования жизнестойкости у студентов с ОВЗ и инвалидностью и из условно здоровой группы с использованием методом библиотерапии. Полученные результаты могут быть использованы при проведении занятий по арт-терапии, направленных на формирование жизнестойких установок и повышение уровня стрессоустойчивости личности, а также при написании докладов и эссе, создании индивидуальных сказок и работе с ассоциативными картами, психологической работе и психолого-педагогическом сопровождении учащихся с ОВЗ и инвалидностью и из условно здоровой группы.

Ключевые слова: лица с ОВЗ и инвалидностью, трансактоный анализ, библиотерапевтический подход, сказкотерапия.

Введение. Библиотерапия является одним из методов психотерапевтической работы, применение которых эффективно при формировании психологических установок и отдельных личностных качеств у детей и подростков, представителей различных социальных групп (сирот, беженцев, детей из бедных семей), лиц с ОВЗ и инвалидностью и пожилого возраста. Подходы и методы библиотерапии в настоящее время изучаются и разрабатываются с учётом потребностей и возможностей лиц с ОВЗ и инвалидностью разного возраста, пола, имеющих заболевания и нарушения в здоровье разных форм. В отечественной психологической науке получили развитие подходы к применению библиотерапии в психотерапии лиц с нарушениями зрительных функций [9] и глубокими нарушениями зрения [5], детей и подростков с особенностями интеллектуального развития [3] и поведенческими отклонениями (деструктивное и здоровьеразрушающее поведение, аутизм [7]), с другими ограничениями в здоровье [2] и социальными депривациями.

Под библиотерапией учёные понимают «специальное коррекционное воздействие на клиента с помощью чтения специально подобранной литературы в целях нормализации или оптимизации его психического состояния» [4, с. 23]. Библиотерапия является «частью психотерапии, имеющей свои особые средства воздействия и опирающейся на мощный ценностно-духовный потенциал мировой художественной литературы» [4, с. 23]. Также она является направлением арт-терапии и может быть реализована как отдельно, так и совместно с другими направлениями –

музыкотерапией, изотерапией, цветотерапией, работой с ассоциативными картами и т.п. Библиотерапия часто рассматривается и применяется психологами в объединении с другим методом арт-терапии – сказкотерапией. Являясь компонентом библиотерапии, сказкотерапия часто рассматривается как отдельное направление арт-терапии и имеет собственные методы и материалы для психотерапевтической работы.

Сказкотерапия как направление арт-терапии подразумевает рассмотрение сказок и использование их метафорических ресурсов для развития самосознания у человека и создания условий для становления субъективности клиентов. Этот подход направлен на «воспитание Внутреннего Ребенка, развитие души, повышение уровня осознанности событий, приобретение знаний о законах жизни и способах социального проявления созидательной творческой силы» [4, с. 15]. В своих теоретических основаниях и практических аспектах библиотерапия и сказкотерапия имеют как определенные сходства, так и существенные различия, которые будут рассмотрены далее.

При работе с лицами с ОВЗ и инвалидностью метод библиотерапии может быть реализован психологами и педагогами, оказывающими помощь и поддержку и сопровождающими учебный процесс, а также дефектологами, тьюторами, родителями, работниками библиотек и медицинских учреждений.

В ходе данного исследования под библиотерапией понимается «лечебное чтение произведений художественной литературы, основанное на сопереживании героям литературных произведений» [4, с. 23].

Основная часть. Целями исследования являются изучение применения библиотерапевтического подхода при формировании жизнестойкости у лиц с ОВЗ и инвалидностью. Данное исследование проводилось в рамках научного проекта по применению трансактного анализа для формирования жизнестойкости как психологического качества личности у студентов с нарушениями здоровья и инвалидностью и является его второй частью.

Жизнестойкость как психологическое качество личности была впервые исследована в научных трудах американского психолога Мадди С. (*Maddi Salvatore R.*) и его коллег. Мадди С. понимал под жизнестойкостью «способность личности выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя внутреннюю сбалансированность и не снижая успешность деятельности» [6] и выделил следующие компоненты этого психологического конструкта – вовлечённость, контроль и принятие вызова в жизни [10]. Как отмечают учёные, при высоком уровне жизнестойкости человек эффективнее решает задачи, справляется со стрессовыми ситуациями, преодолевает свои страхи и, как результат, становится более уверенным в себе. Для лиц с ОВЗ и инвалидностью формирование жизнестойких психологических установок имеет приоритетное значение при организации психологической работы и психолого-педагогического сопровождения данной категории учащихся в ходе учебного процесса. Как было отмечено авторами в других публикациях, данная группа студентов испытывает повышенные психические нагрузки в процессе обучения из-за противоречий с одноклассниками, преподавателями, членами семьи. Также на них оказывает влияние большой спектр стрессогенных обстоятельств (недоступность среды, отсутствие специальных методик обучения, проблемы с поиском партнера для личной жизни, гиперопека со стороны близких и т.п.); они чаще оказываются в трудных жизненных ситуациях и испытывают большой психологический дискомфорт из-за этого. Применение психотерапевтических подходов, в том числе и библиотерапии, в психологической работе и при психолого-педагогическом сопровождении будет способствовать преодолению стрессов, психологического дискомфорта, нарушений в обучении и в общении, повышению самооценки и жизнестойкости личности.

В проведенном исследовании применения транзактного анализа при формировании жизнестойкости у лиц с ОВЗ и инвалидностью участвовали студенты с ОВЗ и инвалидностью (n=12), а также совместно обучающиеся с ними учащиеся из условно здоровой группы (n=89). Оно проводилось на базе Института бизнеса и делового администрирования ФБГОУ ВО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации в октябре-ноябре 2018 г. в форме опроса в личной форме по анкетным листам. В опросе участвовали респонденты обоих полов (65 – женского, 36 – мужского), возрастных групп от 17 до 22 лет, обучающиеся на 1-4 курсах направлений подготовки бакалавриата «Международные отношения» и «Управление персоналом».

В целях психологической поддержки и оказания влияния на уровень жизнестойкости студентов с ОВЗ и инвалидностью, участникам исследования было предложено выбрать произведения художественной литературы, которые могут быть использованы при формировании жизнестойкости как психологического качества личности, иметь жизнеутверждающий сюжет и сильное моральное воздействие на читателей. Полученный список произведений отечественной и мировой художественной литературы был разделен с учётом эго-состояний участников исследований, выделенных на основании методики «Родитель. Взрослый. Дитя» (Р-В-Д), разработанной американским психологом Берном Э. (*Eric Lennard Berne*) [1] (рис. 1).

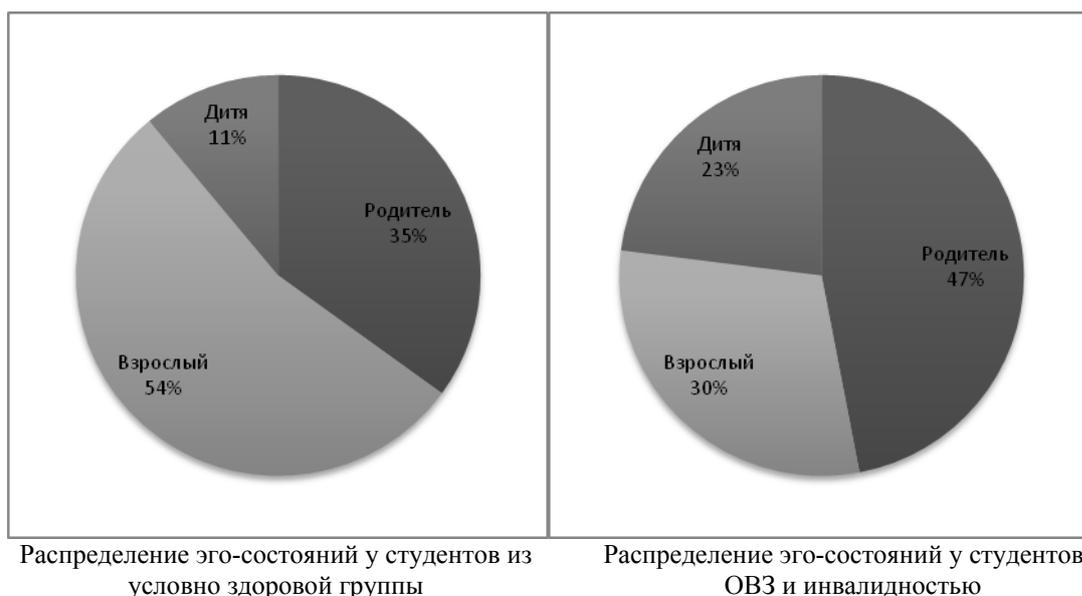

Рис. 1. Результаты обследования студентов с ОВЗ и инвалидностью и из условно здоровой группы по методике «Родитель. Взрослый. Дитя»

Берн Э. и его последователи (Харрис Т., Джеймс М., Джонгвард Д., Гудлинг М. и др.) выделяют три эго-состояния личности:

«*Родитель*» – это огромное собрание в мозгу записей бесспорных или навязанных внешних событий, воспринятых человеком в первые годы его жизни;

«*Дитя*» представляет собой «запись внутренних событий (переживаний) в ответ на внешние события»;

«*Взрослый*» – это запись информации, приобретенной путем исследований и проверок (восприятия жизни через мышление)» [8, с. 68].

Применение трансактного анализа в библиотерапии, наряду с рассмотрением архетипов Юнга К. в сказкотерапии, являются эффективными техниками воздействия на личность через работу с литературными произведениями.

Студенты с ОВЗ и инвалидностью и из условно здоровой группы выделили следующие произведения художественной литературы, представленные с учётом схемы Р-В-Д. Для выделения трех групп учащихся с разными эго-состояниями был использован тест Э. Берна «Трансактный анализ» (Тест «Ребенок-Взрослый-Родитель»), который участники исследования заполняли при проведении опроса по библиотерапии. После обработки результатов данного теста студенты с ОВЗ и инвалидностью и из условно здоровой группы были разделены на три группы с учётом доминирующего эго-состояния личности (табл. 1).

Таблица 1

Библиографические списки для формирования жизнестойкости у лиц с ОВЗ и инвалидностью, распределенные по эго-состояниям учащихся

Родитель	Взрослый	Дитя
Булгаков М.А. Белая гвардия	Оруэлл Дж. 1984	Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени
Толстой Л.Н. Война и мир	Сапковский А. Сага о Ведьмаке	Пушкин А.С. Капитанская дочка
Кронин А. Замок Броуди	Дорр Э. Весь невидимый нам свет	Тургенев И.С. Му-му
Достоевский Ф.М. Идиот	Распутин В. Г. Живи и помни	Гоголь Н.В. Тарас Бульба
Солженицын А.И. Матренин двор	Зусак М. Книжный вор	Васильев Б. А зори здесь тихие
Ремарк Э.М. На западном фронте без перемен	Булгаков М.А. Мастер и Маргарита	Распутин В. Г. Прощание с Матёрой
Гончаров А.И. Обломов	Лермонтов М.Ю. Мцыри	Горький М. Данко
Солженицын А.И. Один день из жизни Ивана Денисовича	Ремарк Э.М. Ночь в Лиссабоне	Каверин В. А. Два капитана
Касс К. Отбор	Хаксли О. О дивный новый мир	Бронте Ш. Джейн Эйр
Тургенев И.С. Отцы и дети	Гюго В. Отверженные	Колобок
Айтматов Ч. Т. Плаха	Лесков Н.С. Очарованный странник	Диккенс Ч. Оливер Твист
Диккенс Ч. Повесть о двух городах	Быков В. Сотников	Дэфо Д. Робинзон Крузо
Полевой Б.Н. Повесть о настоящем человеке	Хемингуэй Э. Старик и море	
Достоевский Ф.М. Преступление и наказание	Ли Х. Убить пересмешника	
Шолохов М.А. Судьба человека	Буковски Ч. Хлеб с ветчиной	
Шолохов М.А. Тихий Дон	Кленов В. Четверо в России	
Митчелл М. Унесенные ветром		
Пушкин А.С. Евгений Онегин		

Данные литературные произведения были отобраны преимущественно студентами с соответствующими типами личности (Родитель-Взрослый-Дитя) и могут применяться в качестве единого библиотерапевтического списка для подростков и молодых людей в возрасте от 15 до 25 лет, так и в форме списков для лиц с преобладанием одного из типов личности. Учёт типа личности человека при составлении списков литературных произведений и использовании их при библиотерапии делает применение этого подхода более эффективным и оказывает влияние на формирование жизнестойкости как психологического качества личности у лиц с ОВЗ и инвалидностью и из условно здоровой группы с учётом их актуальных эго-состояний.

Библиотерапевтический подход в психотерапевтической работе реализуется посредством:

- отбора произведений художественной литературы специалистом для клиента с учётом его индивидуальных запросов и проводимой коррекции психологических установок;

- прочтения книги или отдельного произведения клиентом;

- последующего самоанализа сюжета произведения, поведения героев, их характеров и скрытых автором смыслов;

- рефлексивной беседы с психотерапевтом или другим специалистом в области библиотерапии;

- применения других методов арт-терапии для передачи влияния от прочитанного произведения.

Клиент, в данном случае лицо с ОВЗ и инвалидностью, при использовании библиотерапевтического подхода выступает *реципиентом*, то есть активно воспринимает информацию извне и анализирует её, редко воспроизводя какой-либо продукт на основании полученных сведений.

Сказкотерапия, являясь одной из форм библиотерапии, позволяет убрать данную субъективность при проведении психотерапевтической работы или в ходе учебного процесса у лиц с ОВЗ и инвалидностью.

Во второй части исследования студенты с ОВЗ и инвалидностью и из условно здоровой группы должны были указать те объекты, которые, по их мнению, выделяются своими жизнестойкостью и мужеством, а также преодолевают в своей деятельности различные внешние и внутренние барьеры.

Выбирая персонажей среди конкретных людей, лиц определенных профессий и социальных групп, животных и других объектов, студенты с ОВЗ и инвалидностью и из условно здоровой группы проецировали на них свои внутренние установки, традиционные взгляды, личные ощущения, стереотипы, привитые в раннем возрасте, и т.п. Рассмотрим группы объектов, выделенные респондентами, с высокими уровнями жизнестойкости и мужества по схеме Р-В-Д. Студенты с разными доминирующими эго-состояниями (Р-В-Д) составляли список произведений художественной литературы в рамках своего опросного листа, далее результаты их опросов были разделены на группы с учётом их эго-состояний, определенных по тесту Э. Берна (табл. 2):

Таблица 2

Распределение объектов с высоким уровнем жизнестойкости и мужества по схеме Р-В-Д по мнению респондентов

Родитель		Взрослый		Дитя	
Группы	Количество ответов, %	Группы	Количество ответов, %	Группы	Количество ответов, %
Профессиональные группы: военные, врачи, космонавты, ораторы, пожарные, политики, предприниматели, психологи, спасатели, учителя, шахтеры, артисты	49,2%	Артисты и музыканты: А. Джоли, А. Бочелли, К. Хабенский, М. Джексон, М. Монро, О. Хепберн, О. Унфри,	9,6%	Животные: верблюд, волк, гепард, гиена, горилла, кошки, кроты, крысы, лев, лисицы, лошади, медведи, медвед, морские свинки, носорог, пантера, рысь, собаки, тигры,	82,3%
Лица различных национальностей: азиаты, афроамериканцы.	3,3%	Исторические личности и политики: А. Швейцер, А. Франк, Екатерина II, Г.К. Жуков, И. Сталин, С.В. Лавров, М. Тэтчер, Н. Чавчавадзе, В.В. Путин, А.В. Суворов.	13,7%		

Продолжение табл. 2

Представители социальных групп: беженцы, ветераны войны, заключенные, инвалиды, пенсионеры, потерявшие близких людей, сироты, эмигранты, женщины.	27,8%	Учёные, писатели и литературные персонажи: И. Маск, М. Купер, С. Хокинг, Ф. Бэкон, Дж. Эйр, Дж. Ролинг, М.Ю. Лермонтов, Н.Вуйчич, Скарлетт О'Хара, Э. Циолковский	15,1%	Птицы: орел	3,2%
Представители разных религий: буддисты, мусульмане.	3,3%	Спортсмены: Дж. Сиссе, И. Войтенко, К. Макгрегор, К. Роналду, Л. Утяшева, С. Казорла,	9,6%	Насекомые: дождевой червь, муравей, пчелы, тараканы	9,7 %
Спортсмены и параолимпийцы.	11,5%	Другие лица А. Васильев, А. Маресьев, С. Джобс	4,1%	Другие: акула, хамелеон, ящерицы.	4,8%
Другие группы лиц: семья, флегматики, эгоисты.	4,9%	Члены семьи и друзья: мать, отец, бабушка, дедушка, брат, сестра, друг, подруга.	47,9%		
Итого:	100%	–	100%	–	100%

В группу, входящую в тип личности Родитель, попали лица из определенных профессиональных групп, имеющие разные национальные принадлежности и религии, относящиеся к социально-незащищенным группам, спортсмены и параолимпийцы, и прочие. Выбор студентов в ОВЗ и инвалидностью и из условно здоровой группы был построен на стереотипах в отношении представителей этих групп, сложившихся у них в ранний период развития и под влиянием родителей и других значимых лиц. Наиболее жизнестойкими и мужественными, по мнению студентов, являются лица, чьи профессии связаны с риском для жизни, а также представители социальных и помогающих профессий: врачи, психологи, учителя и т.д. (49,2 %). Отметим, что жизнестойкость является атрибутом всех лиц из выделенных групп, но в практических исследованиях отдельных представителей данных групп уровни их жизнестойкости и её отдельных компонентов могут колебаться и быть приближены к уровню жизнестойкости среднего индивида.

В группу, относящуюся к типу личности Взрослый, попали, выделенные студентами, реальные лица, живущие сейчас или исторические, литературные персонажи, а также члены семей учащихся и их друзья. Так как тип личности Взрослый связан с реальным существованием человека, то сформированные группы отражают наличие жизнестойких установок у существующих или существовавших в прошлом людей и конкретных литературных персонажей. Обращает на себя внимание тот факт, что, по мнению опрошенных студентов, среди членов семей с высокими уровнями жизнестойкости и мужества больше лиц женского пола (24,7 %), чем мужского (13,7 %).

К типу личности Дитя были отнесены представители животного мира, птицы, насекомые и другие живые существа, которые студенты наделяют жизнестойкостью. Так как живые организмы не обладают рассматриваемой жизнестойкостью в качестве психологического качества, а имеют определенную, сформировавшуюся под воздействием эволюции, устойчивость к воздействиям окружающей среды, физическую силу, размеры, участвуют в естественном отборе, то восприятие их мужественными и устойчивыми к жизненным изменениям является «наивным» и демонстрирует личные проекции внутренних установок опрошенных на того или иного представителя мира животных. Больше количество респондентов считают наиболее приспособленными к окружающей среде, сильными и крупными млекопитающих животных, среди которых были выделены: львы, волки, собаки и тигры (40 %).

Полученные отдельные представители и группы с высоким уровнем жизнестойкости и мужества, по мнению студентов с ОВЗ и инвалидностью и из

условно здоровой группы, могут использоваться для составления сказок при проведении тренингов и семинаров по сказкотерапии, в рамках психолого-педагогического сопровождения и психотерапевтической работы. Написание сказок с индивидуальным сюжетом о представителях различных профессиональных и социальных групп, исторических личностях, спортсменах и актерах, литературных персонажах, животных и насекомых с учётом эго-состояния лица с ОВЗ и инвалидностью, позволяет ему стать «донором» собственных жизнестойких позиций, отразить своё мироощущение и внутренние конфликты, показать свое мужество и возможности преодоления стрессов и тяжелых жизненных ситуаций.

Заключение. *Сказкотерапевтический подход* в рамках психотерапевтической работы и учебного процесса лиц с ОВЗ и инвалидностью предполагает активную деятельность учащихся по созданию собственных художественных произведений с предложенными героями, имеющими активные жизненные позиции, высокие уровни жизнестойкости и мужества в преодолении стрессогенных обстоятельств и кризисных ситуаций. *Библиотерапия* также имеет значение в формировании жизнестойкости у лиц с ОВЗ и инвалидностью – через прочтение и анализ соответствующих художественных произведений отечественной и зарубежной литературы и последующий анализ их влияния, учащиеся находят выход из своих тяжелых жизненных ситуаций, получают силы для преодоления стрессов и конфликтов, находят возможности для развития жизнестойкости как психологического качества личности и ощущают снижение индивидуальной тревожности и других негативных психоэмоциональных проявлений.

Изучений мнений студентов с ОВЗ и инвалидностью и из условно здоровой группы в отношении объектов из мира людей, животных и других персонажей с высоким уровнем жизнестойкости и распределение их по группам с учётом эго-состояний личности Р-В-Д, позволяет определить личные проекции, сложившиеся стереотипы, индивидуальный опыт опрошенных. Результаты проведенного анализа могут быть использованы в проведении занятий по арт-терапии (изотерапии, песочной терапии, фототерапии, сказкотерапии и др.), направленных на формирование жизнестойких установок и повышение уровня стрессоустойчивости личности, а также при написании докладов и эссе, создании индивидуальных сказок и работе с ассоциативными картами, учащимися с ОВЗ и инвалидностью и из условно здоровой группы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берн Э. Трансактный анализ в психотерапии: системная, индивидуальная и социальная психиатрия / Э. Берн. – 3-е изд. – М.: Академический проект; Гаудеамус, 2015.
2. Глебова В.Н. Социокультурная реабилитация детей с ОВЗ посредством библиотерапии: опыт участия в профессионально-ориентированном проекте / В.Н. Глебова // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности. Материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию открытия первого в Бурятии кабинета медико-социальной помощи в поликлиническом звене. Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления. 2015. Издательство: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (Улан-Удэ). – С. 92–93.
3. Кашкаров А.П. Социальная депривация "особых" детей с сохранным интеллектом методом библиотерапии / А.П. Кошкаров // Современный научный вестник. Белгород. 2014. №2. – С. 64–67.
4. Каяшева О.И. Библиотерапия и сказкотерапия в психологической практике: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / О.И. Каяшева. – Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2012. – 286 с.
5. Королева Н.Н. Библиотерапия как информационно-коммуникативная форма психологической помощи людям с глубокими нарушениями зрения / Н.Н. Королева, А.Н. Кошелева, Ю.Л. Проект // Психология и педагогика в инновационных процессах современного образования. Материалы

Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 210-летию Герценовского университета и 10-летию психолого-педагогического факультета. Сер. "Инновационная образовательная программа Герценовского университета" Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Федерация психологов России; ответственные редакторы П.Н. Виноградов, Н.В. Куприянова. 2008. – С. 243–245.

6. Леонтьев Д.А. Тест жизнестойкости / Д.А. Леонтьев, Е.И.Расказова. – М.: Смысл, 2006. – 63 с.

7. Мирук А.В., Артюхина А.С. Библиотерапия как средство социализации аутичных детей / А.В. Мирук, А.С. Артюхина // Профилактическая и коррекционная работа с детьми "группы риска": опыт, проблемы и перспективы. Материалы всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием. 2016. – Арзамас: Издательство Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского. – С. 20–23.

8. Харрис Т.Э. Я – О`Кей, Ты – О`Кей / Т.Э. Харрис. – М.: Академически проект, 2017. – 68 с.

9. Хубулури Е.А. Библиотерапия как технология социокультурной реабилитации инвалидов по зрению / Е.А. Хубулури, О.А. Лисина // НАУКА-RASTUDENT.RU. – 2016. №12. – С. 62.

10. Maddi Salvatore R. The story of hardiness: twenty years of theorizing, research and practice / R. Maddi Salvatore // Consulting Psychology Journal: practice and research – 2002 – V. 54 (3) – P. 175–185.

Поступила в редакцию 13.05.2019 г.

APPLICATION OF BIBLIOTHERAPY APPROACH IN THE FORMATION OF VIABILITY IN PERSONS WITH SPECIAL NEEDS

E.V. Mikhailchi, E.E. Mikhailchi

The article addresses the use of the bibliotherapy approach in the formation of viability in persons with disabilities. Such peculiarities of the bibliotherapy approach application as a psychological quality of a person, are highlighted, taking into account the actual ego state of the person, which is determined within the framework of transactional analysis. The analysis of the similarities and differences in the application of fairy-therapeutic and bibliotherapy approaches in treating the disabled persons is given. The article contains the results of a study of the use of transactional analysis for the formation of hardiness in disabled students from a conditionally healthy group. The data can be used when conducting art therapy classes aimed at creating resilient facilities and increasing the level of individual stress resistance, as well as writing reports and essays, creating individual fairy tales and working with associative maps, applying psychological and pedagogical support to the disabled people and people from a conditionally healthy group.

Key words: people with special needs, transactional analysis, bibliotherapy approach, fairy-tale therapy.

Михальчи Екатерина Владимировна.

Старший преподаватель Института бизнеса и делового администрирования ФБГОУ ВО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

E-mail: missi-ice@rambler.ru.

Mikhailchi Ekaterina Vladimirovna.

Senior Lecturer of the Institute of Business and Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

E-mail: missi-ice@rambler.ru.

Михальчи Елена Евгеньевна.

Младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра Военной Академии Генерального Штаба.

E-mail: mihalchi@ibs-m.ru.

Mikhailchi Elena Evgenevna.

Researcher of the Research Center of the Military Academy of the General Staff of the Russian Federation.

E-mail: mihalchi@ibs-m.ru.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований в области филологии и психологии. Статьи, опубликованные ранее в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трёх месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

2. Рукопись подаётся в одном экземпляре, напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объём рукописи, как правило, не должен превышать диапазона **4-8** страниц, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с предоставлением рукописи на адреса редколлегии (terkulov@rambler.ru, korobova.lat@gmail.com) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD или RTF, Office 97-2010) (название файла «(Фамилия автора)_статья», например, «Петров_статья»). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

ВНИМАНИЕ! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

2. **Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. **Поля зеркальные:** верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

4. Абзацный отступ — 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине);

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчёркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* – субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров – полужирный курсив: *Я памятник себе **воздвиг** нерукотворный*; слова категории состояния: *хорошо*, ***можно***, *пора*;

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;

8. Цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «... "..."...»;

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделённое пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26;

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...);

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

*В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина);

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи – с. 212, с. 212–218; в библиографическом описании – С. 212–218;

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с.;

г. в сочетаниях и т.д., и т.п.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии) автора (авторов): выравнивание по левому краю без абзацного отступа (полужирный курсив).

– На следующей строке: официальное название организации (курсив).

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объёмом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведённого исследования, а также его основные результаты. **Ключевые слова:** (это словосочетание – курсивом) (3–5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 811.161.1'373.611

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ ПОД СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫМ

© 2016 А. В. Петров

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

В статье проанализированы глагольные конструкции с предлогом *под*, имеющим сравнительно-уподобительное значение. В глагольных конструкциях исследованы компоненты логической формулы сравнения, их состав и лексическая наполняемость: отнесённость к именам одушевлённым или неодушевлённым, именам нарицательным или собственным, конкретным или абстрактным, арте- или биофактам.

Ключевые слова: глаголы со значением подобия, глагольные конструкции с предлогом под, сравнительно-уподобительное значение предлога под, логическая формула сравнения.

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешённых ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи по алфавиту на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник даётся в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трёх–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

В тексте работы **не допускаются** пристрастные и концевые сноски. Ссылка на источник в библиографии оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 5-33.
2. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10-17.
3. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. – Режим доступа: [http : www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml](http://www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml) (дата обращения: 25.10.2014).

4. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.

5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е. С.] – М.: Мысль, 2000. – 347 с.

- Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:
 - название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
 - через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),
 - через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words:** – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

VERBAL CONSTRUCTIONS WITH THE PREPOSITION 'UNDER' IN THE MEANING OF COMPARISON AND SIMILARITY

A.V. Petrov

The study deals with the constructions formed on the pattern «the verb with the meaning of similarity + preposition *under* with the meaning of comparison and similarity + the noun in the Accusative case». The components of the logical formula of comparison have been considered as well as their structure and lexical characteristics. The following lexical features have been revealed: their relatedness to animate or inanimate names, concrete or abstract names, generic names or proper names, artifacts or bio facts.

Key words: verbs with the meaning of similarity, verbal constructions with the preposition *under*, the preposition *under* in the meaning of comparison and similarity, a logical formula of comparison.

– После аннотации курсивом (10 кегль, выравнивание по левой стороне) делается запись: *Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.*

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора – отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – места работы каждого автора, страна, город (без выделения).
- Должность (без выделения).
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

<p>Петров Александр Владимирович. Доктор филологических наук, профессор. ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». Заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики. E-mail: liza_nada@mail.ru.</p>	<p>Petrov Alexandr Vladimirovich. Doctor of Philology, Professor. Taurida Academy of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Head of Russian, Slavic and General Linguistics Department. E-mail: liza_nada@mail.ru.</p>
--	--

4. Отдельным файлом подаётся анкета автора для индексирования и для авторской картотеки «Вестника» (название файла «(Фамилия автора)_сведения», например, «Петров_сведения»):

Для индексирования

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		

Учёные степень и звание (если имеются)		
Должность		
Организация, в которой работал автор на момент выхода в свет (или написания) статьи		
Подразделение организации		
Город		
Страна		
Адрес организации		
e-mail		
SPIN-код каждого автора, зарегистрированного в РИНЦ (написан в регистрационной анкете автора на сайте www.elibrary.ru)		
Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации (www.grnti.ru)		
Название статьи		
Аннотация (до 300 печатных знаков)		
Ключевые слова (3-5 слов/словосочетаний)		

Для авторской картотеки

ФИО	
Учёная степень	
Звание	
Место работы	
Должность	
Электронная почта	
Мобильный телефон	

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом **фамилия и инициалы автора** набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт) (название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Петров_для_оглавления»).

Образец

Петров А. В. Глагольные конструкции с предлогом «под» со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition 'under' in the meaning of comparison and similarity

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных и других сведений.

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

9. Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета (E-mail: terkulov@rambler.ru).

Ответственный секретарь: **Вильдгрубе Светлана Александровна**, канд. психол. наук, доцент кафедры психологии ДонНУ (E-mail: s.vildgrube@mail.ru).

Технический секретарь: **Коробова-Латынцева Виктория Сергеевна**, преподаватель кафедры русского языка ДонНУ (korobova.lat@gmail.com).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д. Филология и психология

Научный журнал

2019. – № 1

На русском, украинском и английском языках

Технические редакторы: М.В. Фоменко, В.С. Коробова-Латынцева

Подписано в печать 03.07.2019 г.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Условн. печ. л. 14,57
Тираж 100 экз. Заказ № _____

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: (062) 302-92-27.
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.